

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»

На правах рукописи

ШКОРУБСКАЯ ЕЛЕНА ГЕННАДЬЕВНА

**СТАТЬЯ КАК ФОРМА НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ГЕНЕЗИС И СМЫСЛ**

Специальность 5.7.7 – Социальная и политическая философия

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Рыскельдиева Лора Турарбековна

Симферополь – 2025

Оглавление

Введение	3
1. Коммуникативные основания научного сообщества	23
1.1. Научное сообщество как предмет исследования в социальной философии	24
1.2. Символическая борьба в поле науки.....	36
1.3. Социальность науки в акторно-сетевой теории.....	46
1.4. Коммуникация как способ существования научного сообщества	55
Выводы к разделу 1	66
2. Генезис научной статьи как формы научной коммуникации.....	68
2.1. Эпистолярные начала научной статьи: коммуникативная ситуация письма	68
2.2. Институционализация научной коммуникации в журнальной периодике	78
2.3. Современные сетевые форматы научной статьи.....	92
2.4. Роль статьи и журнала в научной коммуникации	103
Выводы к разделу 2	112
3. Смысловые aberrации статьи в современной научной коммуникации.....	113
3.1. Наукометрический бихевиоризм.....	113
3.2. Научная статья в расширенной публичности науки	131
Выводы к разделу 3	144
4. Гуманитарная статья: институциональная специфика и возможные альтернативы	146
4.1. Коммуникативная ситуация в философской статье	147
4.2. Смысловая адекватность формата эссе.....	152
4.3. Коммуникативная прагматика публицистики	158
Выводы к разделу 4	165
Заключение	167
Список литературы	174

Введение

Актуальность темы исследования. Современное общество формируется и воспроизводится в условиях непрерывного и экспоненциального роста производства знаний. Информационный взрыв, спровоцированный научно-технической революцией, привел к становлению «общества знания», для которого именно научные знания и новейшие технологии становятся основой производства, определяют развитие социальных отношений и течение социально-политических процессов. Если в период пандемии авторитетным источником правдивой информации для миллионов людей был журнал «Ланцет», от мнения авторов которого могла зависеть, в конечном счете, судьба этих людей, то научная периодика в наши дни оказалась глубоко встроенной в общество, приобрела особую социальную значимость. В силу этого трансформации, которые в сложившихся обстоятельствах претерпевает наука как социальный институт, основной функцией которого является производство новых знаний, требуют внимательного анализа и осмысления. То, каким образом социальные факторы влияют на процессы духовного производства, вызывая их дисфункции, деформации и девиации, является значимой проблемой для современной социальной философии.

Обостряет эту проблему тот факт, что наука по своей природе коммуникативна¹. Кооперация ученых, их взаимодействие в процессе проведения исследований, обмен полученными результатами, дискуссии и споры, обуславливающие установление готового знания, достойного войти в архив науки – все это обеспечивается именно научной коммуникацией, которая в широком смысле определяется как любое взаимодействие ученых на всех этапах научной деятельности. Возрастающая институционализация науки привела к формализации коммуникации, а со временем – к выраженному преобладанию отдельных ее форм. Так постепенно доминирующей стала *коммуникация посредством статей в научных журналах*.

¹ Касавин И. Т. Наука – гуманистический проект. М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 496 с.

Именно трансформации коммуникации посредством научной статьи посвящена эта работа. Актуальность выбранной темы обусловлена важностью роли, которую этот тип коммуникации играет в (само)организации современного научного сообщества. Оценка и самооценка результативности научной деятельности определяется количеством научных статей, место их публикации и цитируемость становятся мерилем качества публикации – и все эти параметры, в конечном счете, влияют на качество проводимого исследования.

Любые трансформации научной коммуникации, осуществляемой посредством периодических изданий, так или иначе отражаются на функционировании самого института науки. Кризисные процессы в научной периодике проявляются в научной коммуникации, в организации научной деятельности, а значит, и научных исследований. Производство и распространение новых знаний может оказаться под угрозой, социальные процессы могут подвергаться воздействию сил, противостоящих авторитету научного знания. Аберрации смысла результатов научного исследования, обусловленные социально-коммуникативными факторами, могут негативно сказаться на оценке науки как признанном источнике знания. В этом контексте резонно возникает вопрос о релевантности именно статьи как основного предмета оценки труда ученого во всех областях науки. Этот вопрос приобретает особую остроту при настойчивой экстраполяции формата естественнонаучной статьи на тексты гуманитарной и философской проблематики, а стойкое игнорирование научными администраторами особенностей «наук о духе» вполне обоснованно вызывает критику.

Возможность адекватного текстового выражения результатов исследований в области гуманитарного познания вообще и философской проблематики, в частности, в ограниченном и отформатированном объеме академической статьи многими экспертами считается спорной. Кроме того, особенности организации и бытования гуманитарных и социальных исследований, принадлежащих социокультурному, а не естественнонаучному сегменту науки, вызывают сомнения в применимости существующих наукометрических практик оценки

результативности исследований и продуктивности ученого. Как же получилось, что именно статья, а не другая форма коммуникации стала мерилom научного вклада и значимости ученого? Каким образом можно реконструировать генезис этого обстоятельства? Какое влияние, в свою очередь, оно оказывает на гуманитарное знание?

Особую актуальность эти вопросы получили именно сейчас. Ускорение жизни, характерное для XXI века, затронуло и науку. Время размеренной исследовательской работы ушло и вызывает лишь ностальгию². На смену ему пришла бесконечная конкурентная гонка грантов, устанавливающих временные и тематические ограничения, требующих постоянной отчетности, непременно выраженной в публикациях. Мы полагаем, что сама необходимость оценивания качества научной работы и использование для этого количественных показателей, связанных с публикацией научных статей, приводит к обесцениванию статьи как средства коммуникации. Изменение образа научной жизни привело к такому умножению количества научных статей, которое не имеет содержательных оснований. Уже в середине XX века исследователи констатировали появление статей, публикуемых с иными целями, нежели сообщение о результатах проведенного исследования, значимых для пополнения архива науки. Хотя проблема была поставлена полвека назад, с тех пор положение журнальной публикации только усугубилось. Это может свидетельствовать о неустранимости данной проблемы из научной коммуникации, однако ни в коей мере не является поводом для отказа от попыток ее решения. Более того, обнаружение причин деформации коммуникации посредством статьи даст возможность спрогнозировать потенциальные смысловые искажения коммуникации ученых в условиях новой интеллектуальной революции.

Развитие массовых коммуникаций посредством информационных технологий приводит к неизбежной трансформации публичной сферы и, как следствие, к трансформации публичной коммуникации. Характерная для современной интеллектуальной революции открытость информационного

² The Slow Science Manifesto. URL: <http://slow-science.org/> (accessed: 21.11.2024).

пространства, которая способствует стиранию границ частного и публичного, свободному распространению любых, в том числе и научных текстов, и беспрепятственному доступу любого пользователя интернета к текстам, размещенным в сети, только усиливает трансформационные процессы. Увеличение общественной значимости науки, ее роль в развитии экономического производства и решении социальных проблем приводит к тому, что возрастает потребность в социальном управлении наукой. При этом наука становится одной из движущих сил развития нового капитализма, вполне вероятно, вырождающегося в технофеодализм³, и ученые могут стать новым интеллектуальным пролетариатом, который подвергается эксплуатации государством и корпорациями как основными заказчиками научных исследований. В силу того, что последние движимы, прежде всего, экономическими и политическими интересами, существующие практики управления наукой приводят к тому, что приоритет получения истинного знания отходит на второй план, научные исследования подчинены внешним по отношению к науке целям. Как следствие, сами условия труда ученого претерпевают существенные трансформации, а организация научной коммуникации во многом переходит под внешний контроль. Актуализируется необходимость оценивания качества научной работы, в связи с чем активно внедряется использование для этого количественных показателей, связанных с публикацией научных статей, что приводит к обесцениванию статьи как средства коммуникации.

Все эти факторы оказывают на научную коммуникацию в журналах поистине пагубное воздействие. Бурный рост количества статей, чье появление не обусловлено ничем, кроме нормативных наукометрических показателей, приводит к усложнению поиска и обработки научно значимого материала. Казалось бы, в условиях востребованности сравнительно коротких текстов, прочтение которых не должно занимать много времени и смысл которых должен быть ясен, снабженная аннотацией научная статья должна быть *максимально удобным способом*

³ См. Павлов А.В. Зачем технофеодализм? Беседа с читателем о новом термине // Варуфакис Я. Технофеодализм : что убило капитализм ; пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. с. 290–298.; Павлов А.В. Что нового в новом капитализме? // Социология власти. 2021. 33 (1). с. 39–63.

оперативного получения информации, релевантным для современного общества с его скоростью жизни. Именно этим сейчас обусловлено ее доминирование как формы научной коммуникации. Однако это удобство оборачивается проблемой, если количество публикаций становится самоцелью. Даже обладая формальными признаками научной статьи и будучи опубликованным в соответствующем всем формальным требованиям, предъявляемым к научным изданиям, журнале, текст может не содержать нового знания, представлять собой плагиат или явно антинаучные утверждения⁴ (эта тенденция столь очевидна, что становится предметом самоиронии ученых⁵). Как следствие, в поисках актуальной информации ученым приходится иметь дело с ворохом публикационного «мусора», не релевантным положению дел в современной науке. Разумеется, в процессе профессиональной социализации ученые усваивают практики селективного отбора научно значимой информации, но сложившаяся ситуация существенно затрудняет формирование научного габитуса и способствует воспроизводству деструктивного для науки поведения молодых исследователей.

То, что внутри сообщества способствует деструкции научной коммуникации, во внешней публичности приводит к девальвации научного знания и снижению доверия к науке в целом. Размывание границ внутренней и внешней публичности науки вследствие открытого доступа общественности к текстам научных статей приводит к тому, что проявляющие интерес или простое любопытство непрофессионалы сталкиваются со специализированными текстами, не предназначенными для широкого прочтения. Сталкиваясь с малопонятными текстами, которые могут и противоречить друг другу (что нормально для научного поиска на исследовательском фронтире), неподготовленный читатель остается, в лучшем случае, в недоумении. В худшем – проникается скепсисом и цинизмом по отношению к любому научному знанию и выбирает в качестве авторитета якобы

⁴ так, в отечественную базу цитирования РИНЦ попадает такое количество текстов, не соответствующих критериям научности, что это стало поводом для создания телеграм-канала «КРИНЖ – Качественный Российский Индекс Научных Журналов (РИНЦ, eLibrary)» (URL: https://t.me/rinc_kruto), авторы которого собирают самые вопиющие и комичные библиографические записи из eLibrary.

⁵ см., например, Ерунда // Троицкий вариант. 2008. 30 сентября. № 13 (839). С. 1.

независимых, а на деле псевдо-экспертов, оккультистов, т. н. эзотериков и просто шарлатанов.

То, что оказывает негативное воздействие на коммуникацию в естественных науках, для гуманитарных наук и, в частности, для философии, грозит катастрофой. Будучи запертой в институционально навязанной форме научной статьи, философская текстовая коммуникация сталкивается с серьезным вызовом. Философия всегда испытывала на прочность пределы нашего познания, открывала новые пути освоения мира, прокладывала путь для других наук. Однако насколько возможен этот свободный поиск в строго формализованном тексте, сообщаемом о *результатах* исследования? Может ли философия вообще быть выражена в малой форме, не сковывают ли философскую мысль ограничения объема? Очевидно, что эпоха трактатов прошла, и современная текстовая культура требует иных форматов философского текста, которые могли бы составить альтернативу стандартизированной научной статье.

Злободневность темы побуждает нас не просто понять и зафиксировать уровень сущего (как все есть?), но и поставить вопрос о должном (как должно быть?). То есть, рассматривая научную статью как форму коммуникации ученых, мы пытаемся обнаружить образец/архетип научной коммуникации, чтобы проследить изменения, искажения и превращения этой формы в социальной практике, возможные абберации ее смысла. А обращаясь к особенностям функционирования научного сообщества, мы ищем практики, которые способствуют сохранению сути научной коммуникации и сглаживанию негативных следствий ее трансформации. И, наконец, сосредоточив особое внимание на гуманитарной научной статье, мы обнаруживаем возможные пути сохранения подлинного смысла социальных связей между учеными, их осмысленного общения.

Степень разработанности проблемы. Социально-коммуникативная природа науки становится самостоятельным предметом рефлексии в первой половине XX в. Одним из первых влияние социальных аспектов научной деятельности на ее результат обнаруживает М. Полани, который в своих работах

вводит понятие «научное сообщество», указывает на его автономность и саморегуляцию⁶. В это же время начинает формироваться социология науки, которая в противовес социологии знания предлагала институциональный подход к исследованию научной деятельности. Основателем этого направления исследований заслуженно считается Р. К. Мертон, разработавший концепцию науки как особого социального института, организующего деятельность ученых посредством специфических ценностей и норм, побуждающих ученых к производству и распространению нового знания (универсализм, коллективизм, незаинтересованность, организованный скептицизм)⁷. Идеи Р. Мертона и его подход к исследованию науки как социального института в дальнейшем развивались его учениками и коллегами (в числе которых – Х. Цукерман, С. Коул, Дж. Коул, Н. Сторер, Б. Барбер, У. Хэгстром и др.)⁸. В рамках мертонианской парадигмы рассматривались вопросы институционализации науки, системы вознаграждения через признание научным сообществом, вопросы научного сотрудничества и авторства, пути интеллектуального влияния в научных исследованиях, анализ формальной и неформальной коммуникации, в том числе научные журналы и системы цитирования.

В 50-60 гг. XX в., в том числе в результате развития информационных технологий и бурного роста системы научных журналов, возрастает интерес к исследованиям научной коммуникации. Опираясь как на качественные

⁶ Polanyi M. *The Logic of Liberty: Reflections and Rejoinders*. Routledge, 2013. 206 p.; Polanyi M. *Scientific Thought and Social Reality: Essays*. New York, NY: Intl Universities Pr Inc, 1974. 157 p.; Polanyi M. *The Republic of Science: Its Political and Economic Theory* // *Minerva*. Springer, 1962. Vol. 1, № 1. P. 54–73.; Polanyi M. *Science, Faith and Society*. London: Oxford University Press, 1946. 80 p.

⁷ Merton R.K. *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973. 606 p.; Мертон Р. К. *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.; Merton R.K. *The Ambivalence of Scientists* // *Essays in Memory of Imre Lakatos* / ed. Cohen R. S., Feyerabend P.K., Wartofsky M.W. Dordrecht: Springer Netherlands, 1976. P. 433–455.; Merton R.K. *A Note on Science and Democracy* // *Journal of Legal and Political Sociology*. 1942. Vol. 1. P. 115–126.; Merton R.K. *Science and the Social Order* // *Philosophy of Science*. 1938. Vol. 5, № 3. P. 321–337.

⁸ Zuckerman H., Merton R.K. *Patterns of Evaluation in Science: Institutionalisation, Structure and Functions of the Referee System* // *Minerva*. 1971. Vol. 9, № 1. P. 66–100.; Мертон Р. К. *Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности* // *THESIS*. 1993. № 3. С. 256–276.; Merton R.K. *The Matthew Effect in Science* // *Science*, 1968. Vol. 159, № 3810. P. 56–63.; Zuckerman H., Merton R.K. *Age, Aging, and Age Structure in Science* // *A sociology of age stratification*. 1972. Vol. 3. P. 292–356.; Barber B. *Science and the Social Order*. London: George Allen And Unwin Limited., 1953. 308 p.; Barnes S.B., Dolby R.G.A. *The Scientific Ethos: A Deviant Viewpoint* // *European Journal of Sociology*. 1970. Vol. 11, № 1. P. 3–25.; Zuckerman H. *Nobel Laureates in Science: Patterns of Productivity, Collaboration, and Authorship* // *American Sociological Review*. 1967. Vol. 32, № 3. P. 391–403.; Zuckerman H.A. *Patterns of Name Ordering Among Authors of Scientific Papers: A Study of Social Symbolism and Its Ambiguity* // *American Journal of Sociology*. The University of Chicago Press, 1968. Vol. 74, № 3. P. 276–291.

социологические методы, так и на количественные методы оценки публикационной активности, такие исследователи как Д. Крейн, Н. Маллинз, У. Д. Гарвей, К. Е. Нельсон, Б. Ч. Гриффит, Дж. Гастон и др. реконструируют социальные сети и сети цитирования ученых, развивают идею «невидимых колледжей», выявляют особенности функционирования научных сообществ и коммуникативные основы формирования научных дисциплин, исследуют стратегии построения научной карьеры и распределение признания⁹. Кроме того, начинают появляться исследования научной коммуникации, которые определили развитие науковедения как специальной дисциплины – в том числе, работы Дж. Д. де С. Прайса, известного физика и историка науки, а также исследования Ю. Гарфилда, одного из основателей наукометрии¹⁰.

Для отечественных исследований научной коммуникации этого периода, проводимых Е. З. Мирской, Э.М. Мирским, М. К. Петровым и др.¹¹, характерна как

⁹ Коммуникация в современной науке. Сборник переводов / под ред. Э. М. Мирский, В. Н. Садовский. М.: Прогресс, 1976. 438 с.; Научная деятельность: Структура и институты / ред. Э.М.Мирский, Б.Г. Юдин. Пер. с англ. и нем. 1980. 432 с.; Mullins N.C. The Development of a Scientific Specialty: The Phage Group and the Origins of Molecular Biology // *Minerva*. Springer, 1972. Vol. 10, № 1. P. 51–82. Mullins N. C. The Development of Specialties in Social Science: The Case of Ethnomethodology // *Science Studies*. Sage Publications, Ltd., 1973. Vol. 3, № 3. P. 245–273.; Crane D. Invisible Colleges: Diffusion of Knowledge in Scientific Communities. Chicago: University of Chicago Press, 1972. 213 p.; Gaston J. Originality and competition in science. Chicago: Chicago university press, 1973. 210 p.; Gaston J. The reward system in British and American science. N. Y.: Wiley, 1978. 204 p.; Whitley R.D. The Organization of Scientific Work in “Configurational” and “Restricted” Sciences: A Study of Three Research Laboratories // *International Journal of Sociology*. Taylor & Francis, Ltd., 1978. Vol. 8, № 1/2. P. 95–112.; Garvey W.D. Communication, the Essence of Science: Facilitating Information Exchange Among Librarians, Scientists, Engineers, and Students. Oxford, New York: Pergamon Press, 1979. 344 p.; Garvey W.D., Griffith B.C. Scientific Communication as a Social System // *Science*. American Association for the Advancement of Science, 1967. Vol. 157, № 3792. P. 1011–1016.; Beaver D. deB, Rosen R. Studies in Scientific Collaboration // *Scientometrics*. 1978. Vol. 1, № 1. P. 65–84.

¹⁰ Price D.J. de S. Little Science, Big Science. New York and London: Columbia University Press, 1963. 118 p.; Price D. J. de S. Networks of Scientific Papers // *Science*. American Association for the Advancement of Science, 1965. Vol. 149, № 3683. P. 510–515.; Price D.J. de S. Ethics of Scientific Publication // *Science*. American Association for the Advancement of Science, 1964. Vol. 144, № 3619. P. 655–657. Прайс Д. Дж. де С. Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее // *Коммуникация в современной науке. Сборник переводов*. М.: Прогресс, 1976. С. 93–109; Garfield E. From the Science of Science to Scientometrics. Visualizing the History of Science with HistCite Software // *Journal of Informetrics*. 2009. Vol. 3, № 3. P. 173–179.; Garfield E. The History and Meaning of the Journal Impact Factor // *JAMA*. 2006. Vol. 295, № 1. P. 90–93.; Garfield E. Citation Indexing // *Journal of Information Science*. SAGE Publications Ltd, 1980. Vol. 2, № 1. P. 47–47.; Garfield E. Citation Analysis as a Tool in Journal Evaluation // *Science*. American Association for the Advancement of Science, 1972. Vol. 178, № 4060. P. 471–479.; Garfield E. “Science Citation Index” – A New Dimension in Indexing // *Science*. American Association for the Advancement of Science, 1964. Vol. 144, № 3619. P. 649–654.; Garfield E. Citation Indexes in Sociological and Historical Research // *American Documentation*. 1963. Vol. 14, № 4. P. 289–291.; Garfield E. Citation Indexes for Science // *Science*. American Association for the Advancement of Science, 1955. Vol. 122, № 3159. P. 108–111.

¹¹ Мирская Е.З. Этические регулятивы функционирования науки // *Вопросы философии*. 1975. № 3. С. 131–138; Мирская Е.З. Р. Мертон и его концепция социология науки // *Современная западная социология науки* / Под ред. В.Ж.Келле, Е.З.Мирской. М., 1988. С. 42–60.; Мирская Е.З. Ученый и современная наука. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1971. 103 с.; Мирская Е. З. Механизм оценки и формирования знания в естественных науках // *Вопросы философии*. 1979. № 5. С. 119–130.; Мирская Е. З. Научные школы: история, проблемы и перспективы // *Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки* / под ред.

рецепция западных наработок, так и уникальное рассмотрение проблем социологии науки в перспективе философии науки, исследования научной коммуникации в контексте их эпистемологической значимости и погружение научной коммуникации в историко-философский и социально-философский контекст.

В то же время, независимо от специализированных науковедческих исследований, продолжается осмысление социальных аспектов функционирования науки в рамках теоретической социологии. Так, один из наиболее значимых исследователей коммуникации XX века, Никлас Луман, рассматривал науку как самовоспроизводящуюся отдифференцированную аутопойетическую систему. Наука, по его мнению, относится к социальным системам, так как основным способом существования науки является воспроизводство особого рода коммуникаций. Различение научной и ненаучной коммуникации обеспечивается специфическим медиа коммуникации – истиной, выступающей как легитимирующая инстанция нового, специфически научного знания, которое появляется как результат успешности особого рода коммуникации, а научная коммуникация, соответственно, является способом воспроизводства науки как аутопойетической социальной системы, и сама при этом опосредована истиной как специфическим медиа коммуникации¹².

Отдельно следует отметить вклад выдающегося французского социолога Пьера Бурдьё в изучение социального фундамента науки. Критикуя Мертон за его концепцию «научного сообщества», он рассматривает науку как поле символического производства, которое становится пространством борьбы за специфический научный символический капитал, определяющий положение

А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семенов, А. В. Юревича. М.: Логос, 2005. С. 244–265.; Мирский Э. М. Системный подход в изучении науки (Методологические замечания) // Системные исследования. Ежегодник. 1973. М.: Наука, 1973. С. 187–202.; Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980. 304 с.; Мирский Э. М. Массив публикаций и система научной дисциплины // Системные исследования. Методологические проблемы. М.: Издательство «Наука», 1977. С. 133–158.; Мирская Е. З., Мирский Э. М. Наука, технология, общество // Вопросы философии. 1970. № 5. С. 166–174; Петров М. К. Философские проблемы «науки о науке» // Петров М. К. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. с. 11–169 с.

¹² Луман Н. Истина, знание. Наука как система. М.: Логос, 2016. 408 с.; Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. 280 с.; Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006. 320 с.

ученого в социальном пространстве науки и наделяющий его правом говорить от имени науки, в также влиять на «правила игры» в научном поле – специфические нормы, регулирующие как поведение ученых, так и способы организации научной деятельности¹³.

В конце XX – начале XXI вв. поднимается новая волна исследований научных сообществ вообще и научной коммуникации частности, для которой характерно увеличение количества конкретных эмпирических и исторических исследований, а также активное взаимодействие с представителями частных наук и развитие междисциплинарных исследований. Эта активно развивающаяся область научного знания получила название Science and Technologies studies (STS), одним из проводников которой является Бруно Латур, сформулировавший акторно-сетевую теорию опираясь прежде всего на исследования научной деятельности. Наука здесь предстает как коллектив, который только собирается или может собраться, и сам процесс сборки хорошо прослеживается в истории науки, отдельных дисциплин и локальных научных сообществ¹⁴.

Стоит отдельно отметить развивающиеся в последние годы англоязычные исследования философов, историков и социологов науки, посвященные коммуникации в рамках института научного журнала. На обширном эмпирическом материале рассматривается развитие научной коммуникации на разных этапах развития науки – от «Республики ученых» и первых научных журналов (Д. Кроник, Д. Аткинсон), по настоящее время, с учетом развития интернет-коммуникации (К. Боргман, А. Гросс, Э. Лейт, М. Болдуин и др.)¹⁵. Однако в силу того, что

¹³ Бурдые П. Homo academicus. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 464 с.; Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 576 с.; Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.; Bourdieu P. Science of Science and Reflexivity. Chicago and London: University of Chicago Press, 2004. 129 p.

¹⁴ Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.; Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.; Латур Б. Политики природы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.; Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 211–242.; Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2003. № 3. С. 20–39.; Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. 2nd edition. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1986. 294 p.; Latour B. Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies. Cambridge; London: Harvard University Press, 1999. 336 p.

¹⁵ Adams J. The Rise of Research Networks // Nature. 2012. Vol. 490, № 7420. P. 335–336.; Atkinson D. Scientific Discourse in Sociohistorical Context: The Philosophical Transactions of the Royal Society of London, 1675–1975. New York: Routledge, 1998. 240 p.; Baldwin M. Making Nature: The History of a Scientific Journal. The University of Chicago Press,

указанные исследователи работают в англоязычной традиции, для которой характерно жесткое разделение естественных и социально-гуманитарных наук (science против studies), в своих работах они практически не рассматривают специфику гуманитарной, и тем более философской академической коммуникации.

В российском философском академическом сообществе в последние годы произошло сближение философии науки и социальной философии, что было обусловлено, в том числе, и возрастающей социальной значимостью научного знания и науки в целом. В России активно развивается **социальная философия науки**, предполагающая необходимость реконструкции социального контекста для понимания процессов развития науки, значение коммуникации для существования научного сообщества, проблемы искажения научной коммуникации как следствие снижения автономности науки и капитализации знания и т.д. (И. Т. Касавин, А. Ю. Антоновский, Л. В. Шиповалова, О. Е. Столярова, В. А. Куприянов, С. В. Шибаршина и др.)¹⁶.

2015. 309 p.; Baldwin M. In Referees we Trust? // *Physics Today*. 2017. Vol. 70, № 2. P. 44–49.; Borgman C.L. *Scholarship in the Digital Age: Information, Infrastructure, and The Internet*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2007. 336 p.; Cronin B. Hyperauthorship: A Postmodern Perversion or Evidence of a Structural Shift in Scholarly Communication Practices? // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2001. Vol. 52, № 7. P. 558–569.; Gross A.G., Harmon J.E., Reidy M.S. *Communicating Science: The Scientific Article from the 17th Century to the Present*. Cary: Oxford University Press, Incorporated, 2002. 267 p.; Kronick D.A. The Commerce of Letters: Networks and “Invisible Colleges” in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe // *The Library Quarterly: Information, Community, Policy*. 2001. Vol. 71, № 1. P. 28–43.; Mackenzie Owen J.S. *The Scientific Article in the Age Of Digitization*. Dordrecht: Springer, 2007. 263 p.; *Reassembling the Republic of Letters in the Digital Age: Standards, Systems, Scholarship* / ed. Hotson H., Wallnig T., COST Association. Göttingen: Göttingen University Press, 2019. 470 p.

¹⁶ Антоновский А. Ю. Несοиζмеримость и коммуникация: к эволюционно-коммуникативному повороту в философии науки // *Эпистемология и философия науки*. 2022. № 4 (59). С. 92–110.; Антоновский А. Ю. Зачем науке лузеры? О перепроизводстве научного знания и его функции. // *Эпистемология и философия науки*. 2023. Т. 60, № 2. С. 75–93.; Антоновский А. Ю. «Дайте денег и не мешайте», или О том, как наука относится к публике // *Вестник Томского Государственного Университета. Философия. Социология. Политология*. 2023. № 74. С. 249–256.; Антоновский А. Ю., Бараш Р. Э. *Введение в системно-коммуникативную философию науки*. М.: ООО Издательская группа «Логос», 2023. 384 с.; *Миссия ученого в современном мире: наука как призвание и профессия* / ред. И. Т. Касавин. М.: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2021. 232 с.; Касавин И. Т. Амбивалентность научного этоса непреодолима // *Высшее образование в России*. 2021. № 4 (30). С. 36–48.; Касавин И. Т. Публикация как смерть автора // *Цифровой ученый: лаборатория философа*. 2022. № 3 (5). С. 6–16.; *Миссия ученого: фундаментальные контрoверзы бытия науки* / ред. И. Т. Касавин. М.: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2023. 232 с.; *Социальная философия науки. Идеи и дискуссии* / ред. И. Т. Касавин. М.: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2018. 254 с.; Кузнецова Н. И. и др. Социально-гуманитарная статья: эпистемологический и культурно-исторический ракурс (часть 2) // *Высшее образование в России*. 2017. № 8–9. С. 74–99.; Кузнецова Н. И. и др. Социально-гуманитарная статья: эпистемологический и культурно-исторический ракурс (часть 1) // *Высшее образование в России*. 2017. № 7. С. 46–68.; Куприянов В. А. Проблема приоритета в вопросе о возникновении научных журналов // *Эпистемология и философия науки*. 2020. № 4 (57). С. 185–198.; Куприянов В. А. Первые научные журналы и идея публичности разума в науке нового времени // *Диалог со временем*. 2020. № 70. С. 41–56.; Шибаршина С. В. О символической власти науки: некоторые уточнения и дополнения // *Цифровой ученый: лаборатория философа*. 2024. № 2 (7). С. 57–66.; Шибаршина С. В. Когда наука берется в «сообщники»: к проблеме символической власти научного знания // *Цифровой ученый*:

Значимым достижением отечественной мысли в исследовании коммуникации как текстовой деятельности является концепция формата текста, возникшая на стыке философской текстологии, философии культуры и социальной философии, которая дает оптику для рассмотрения коммуникативной ситуации научных и философских текстов (см. Рыскельдиева Л. Т., Зарапин О. В. и др.)¹⁷. В концепции формата текста заключается исследовательская программа, предлагающая в разработке проблематики научной и философской текстовой коммуникации альтернативу специализированным филологическим исследованиям, нацеленным на прояснение жанрово-стилистической специфики научной переписки, научной (философской) статьи и философской публицистики¹⁸.

Исследования смысла активизировались в европейской философии с начала 20 века, с т.н. «лингвистического поворота» и в отечественной академической философии в наши дни приобрели социокультурные импликации. Логико-смысловой подход, развиваемый А.В. Смирновым¹⁹, позволяет увидеть в проблеме

лаборатория философа. 2024. № 2 (7). С. 20–29.; Шиповалова Л. В. Распределенное познание и его границы в контексте публичной научной коммуникации // Социология науки и технологий. 2019. № 3 (10). С. 56–71.; Шиповалова Л. В. Власть, общество, эксперты – трансформация связей в эпоху цифровых технологий // Государство и граждане в электронной среде. 2020. № 4. С. 11–19.; Наука: испытание эффективностью / Л. В. Шиповалова, П. А. Биргер, И. С. Дмитриев, В. А. Куприянов, СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. 212 с.; Шиповалова Л. В., Душина С. А. Эпистемологическое осмысление статуса научной публикации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. № 2 (34). С. 165–176.

¹⁷ Как действует философия / Рыскельдиева Л.Т., Зарапин О.В., Шкорубская Е.Г., Валув Д.Г. М.: Академический проект, 2023. 319 с. Рыскельдиева Л. Т. Текстовая культура как объект историко-философских исследований // 2023. С. 136–159.; Коммуникация и смысл в текстовой культуре / Рыскельдиева Л.Т., Зарапин О.В., Шапиро О.А. Шкорубская Е.Г. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. 276 с.; Рыскельдиева Л. Т. О цели философского текста и понятии «текстовое поведение» // Каспийский регион: Политика, Экономика, Культура. 2018. № 3 (56). С. 148–155.; Рыскельдиева Л. Т., Коротченко Ю. М. Текстовый подход в социальной философии // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 153–170.

¹⁸ См. Зуева О. В. О проблемах лингвистического изучения эпистолярных текстов Средневековой Руси // В. А. Богородицкий : Научное наследие и современное языковедение : Труды и материалы Международной науч. конф. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2007. Т. 1. С. 137–139.; Косова В. А. Трансформация жанра научной статьи или выделение жанровых разновидностей? // Ученые записки Казанского Государственного Университета. Гуманитарные науки. 2007. Т. 149, Кн. 1. С. 224–234. Кузнецова Е. В. Философская публицистика современной России: генезис и потенциал познания: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. СПб, 2016 г. 262 с. Курьянович А. В. Жанрово-стилистические особенности русского эпистолярного письма первой трети XX века: узус и идиостиль (на материале писем М. В. Нестерова, Ф. И. Шаляпина, В. И. Вернадского, М. И. Цветаевой). Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://koi.tspu.ru/koi_books/kuryanovich2/3.3.4.htm (дата обращения: 21.11.2024). Курьянович А. В. Теоретические вопросы изучения эпистолярного письма в современной лингвистике. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2013. 220 с. Сметанин, В. А. Новое в развитии представлений об эпистолографии // Античная древность и средние века. Свердловск, 1980. Вып. 17: Античные традиции и византийские реалии. С. 5–18. Ученова, В. В. У истоков публицистики. М.: Изд-во МГУ, 1989. 214 с.

¹⁹ Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания. Приглашение к размышлению. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 448 с.; Смирнов А.В. Слово и смысл. М.: ООО «Садра», 2024. 160 с.

смысла, выраженной и поставленной средствами русского языка и в русской философской культуре, целостность как основу исходной интуиции мира, как выражение потребности мышления не только в понятном целеполагании, но и в связности, обеспечивающей и полноту картины мира, и особенности цивилизации. Этот подход был применен Л.Т. Рыскельдиевой в области философской текстологии, исследующей смысл философского текста и соотношение в нем знания о сущем и реализации должного²⁰.

Таким образом, социально-коммуникативная природа науки, с одной стороны, является предметом многих как фундаментальных, так и прикладных исследований. С другой стороны, теоретическое осмысление научной статьи как формы коммуникации ученых, как правило, либо сугубо дескриптивно, либо предполагает изучение конкретных эпизодов (история отдельного журнала / публикационная активность в отдельной отрасли) или конкретных аспектов такого рода публикаций (например, рецензирование или практики цитирования). Настоящее исследование предлагает комплексное изучение этой малой формы научной коммуникации сквозь призму социологических и социально-философских исследований и с акцентом на сохранение, трансляцию и выработку новых эффективных способов осмысленной социальной коммуникации ученых.

Объект исследования: коммуникация ученых, осуществляемая в форме научной статьи

Предмет исследования: трансформация смысла научной коммуникации в форме научной статьи

Цель исследования: выявить аберрации коммуникативных практик в научном сообществе, вызванные трансформацией смысла научной коммуникации, осуществляемой в форме научной статьи

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач:**

²⁰ Рыскельдиева Л.Т. О деонтологии и лексике смысла // Вопросы философии. 2019. №6. с. 76–85; Рыскельдиева Л.Т. В защиту смысла и его логики // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 4. С. 26–34; Рыскельдиева Л. Т. Размышления о логике смысла // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 1. С. 143–147.; Рыскельдиева Л.Т. Антиципация смысла или О цели философского текста // Вопросы философии. 2020. №4. с. 116-127; Ryskeldieva Lora. On Conscience and Smysl (Sense) or Lost in Translation / Exploring Consciousness: Non-Duality to Non-Locality. Preface by His Holiness the Dalai Lama. Ed. C. Carpenter, A. Mahajan. New Delhi: Motilal Banarsidas Publ., 2024. P. 123–137.

- определение коммуникативных основ функционирования научного сообщества;
- реконструкция трансформаций коммуникативной ситуации статьи в процессе исторического развития этой коммуникативной ситуации;
- анализ современного состояния научной коммуникации в форме научной статьи;
- определение дисциплинарной специфики научной коммуникации, осуществляемой в форме научной статьи;
- выявление факторов, приводящих к абберациям научной коммуникации, осуществляемой в форме научной статьи, и анализ вызываемых ими аббераций;
- поиск возможных альтернатив научной статье как малой форме коммуникации ученых

Научная новизна исследования заключается в следующем

- реконструирован процесс становления научной статьи от эпистолярных истоков до электронных публикаций
- определены трансформации коммуникативной ситуации статьи, проявляющиеся в изменении ее адресата, адресанта и текстового формата;
- выявлены искажения смысла научной публикации и абберации текстового поведения ученых, вызванные неконтролируемым применением наукометрических показателей для оценки работы исследователей, для характеристики такого подхода введено понятие «наукометрический бихевиоризм»;
- обнаружена диффузия между внутренней и внешней публичностью науки, в результате которой результаты актуальных научных исследований становятся продуктом массового потребления;
- определено влияние коммуникативной диффузии на изменение социальной прагматики научной статьи;
- определен коммуникативный потенциал малых форм гуманитарной научной коммуникации (эссе, публицистика).

Теоретическая значимость работы

Исследование форм и средств научной коммуникации в качестве открытой и публичной **вносит вклад** в изучение социальных процессов, в рамках которых реализуется коллективистский, ассоциативный потенциал их участников. На основе рассмотрения научной статьи как специфической формы коммуникации ученых **выявлено**, что публикация в научном журнале является одним из механизмов формирования и воспроизводства научного сообщества. **Сделан вывод** о том, что дисфункциональные социально-коммуникативные практики, вызванные абберациями смысла научной статьи, не только затрудняют воспроизводство научного сообщества, но и порождают девиантные явления, разрушительные для науки как социального института, обеспечивающего производство нового знания. Применение предложенной оптики в анализе трансформации коммуникации в рамках отдельных научных дисциплин, а также в исследованиях вновь возникающих форматов, даст возможность обнаружения и предотвращения искажений коммуникации, сохранения смысла статьи как формата научной коммуникации.

Практическая значимость работы

Демонстрация коммуникативного потенциала и смысловых аббераций научной статьи позволит выработать механизмы активизация научного сообщества на всех уровнях, разработать стратегии нивелирования влияния негативных факторов на трансформацию научной статьи, обозначить новые возможности саморегуляции научного сообщества и направления в продуктивное русло неизбежных изменений коммуникации на страницах научных журналов.

Методология и методы исследования

Помимо общенаучных методов исследования, в работе применяются методологические подходы к исследованию коммуникации, разработанные в рамках социальной философии, а также истории, социологии и философии науки.

В силу того, что наука является социальным институтом, отправной точкой данного исследования стал *институциональный подход*, который использовался для анализа общепринятых норм и устойчивых практик, определяющих поведение

социальных акторов – ученых – в коммуникации, осуществляемой в форме научной статьи. Институциональный подход дополняется *интеракционным подходом*, позволяющим рассматривать переписку ученых, их коммуникацию посредством журнальных статей, взаимное цитирование, взаимодействие авторов, редакторов и рецензентов как коммуникацию равноправных субъектов, связанных взаимными ожиданиями и установками, а также общим интересом к предмету общения. Для диахронического анализа трансформации научной коммуникации был использован *метод генетической реконструкции*, позволяющий обнаружить структурные закономерности развития научной коммуникации на материале ее институционального генезиса. Трансформация коммуникативной ситуации научной статьи рассматривалась с точки зрения *формата текста* и теории *текстовой культуры*, что позволило отследить изменения адресата, адресанта и обстоятельств порождения этого типа текстов и их влияние на научную коммуникацию.

В силу того, что научное сообщество является саморегулирующейся и самовоспроизводящейся социальной системой, для анализа его коммуникативных оснований мы обратились к основным положениям:

- *структурного функционализма*, что дало основу для рассмотрения функций и дисфункций научной коммуникации,
- *структурного конструктивизма*, что позволило обнаружить механизмы самовоспроизводства науки как специфического социального поля,
- *системного подхода*, позволяющего выявить специфику медиа (посредников) научной коммуникации;
- *акторно-сетевой теории*, определяющей фундаментальные механизмы сборки научного сообщества.

В исследовании внутренней и внешней публичности науки и специфики функционирования коммуникации в разных публичных сферах был использован *коммуникативный подход*, который позволил оценить успешность отдельных типов текста (научная статья, научно-популярная статья, публицистическая статья, эссе).

В реконструкции смысла статьи использовался *логико-смысловой подход* и методы его применения в области *философской текстологии*.

Общей рамкой данной работы была оптика, предлагаемая *социальной философией науки* как области исследования, активно разрабатываемой в отечественном академическом философском сообществе.

Концептуальная рамка данного исследования представлена в наборе понятий:

Научная статья – текст, содержащий теоретические и практические обобщения по конкретной научной тематике и опубликованный в научном издании.

Коммуникативная ситуация текста – отношение между адресатом и адресантом текста, определяемое характером авторства текста, предполагаемым читателем и прогнозируемой автором текстовой прагматикой.

Текстовое поведение – устойчивые образцы текстовой деятельности, определяющие дискурсивные практики и публикационные стратегии.

Смысл научной статьи – основанная на внутреннем целеполагании автора фундаментальная целостность научного текста, определяющая его содержание, адресат и место в системе научной коммуникации.

Трансформация смысла – изменение смысла научной статьи под воздействием внутренних и внешних социально-коммуникативных факторов.

Диффузия научной коммуникации – смешение внутренней научной коммуникации и внешней научной коммуникации, вызванное проникновением текстов, предназначенных для внутренней публичности науки, во внешнюю по отношению к науке публичную сферу.

Наукометрический бихевиоризм – редукционистский подход к оценке научной деятельности, предполагающий сводимость оценки к объективно регистрируемым поведенческим показателям.

Положения, выносимые на защиту:

1. Классические социальные исследования науки формируют идеал научной коммуникации без учета реалий существования научного сообщества, в то время

как эксплицированные в этих исследованиях ценности являются мерилем оценки трансформации научной коммуникации. Постулируемые в научном сообществе ценности и актуальное поведение ученых взаимообусловлены в борьбе за накопление научного капитала, что находит отражение как в функциях, так и в дисфункциях научной коммуникации.

2. Научная статья имеет эпистолярные истоки, в которых заключен ее изначальный коммуникативный потенциал. Институционализация научной периодики приводит к стандартизации статьи и трансформации ее коммуникативной ситуации, что отражается в изменении адресата, адресанта и формата текста.

3. Научная коммуникация, опосредованная научной статьей и научным журналом, обеспечивает сборку и воспроизводство научного сообщества и выполняет важнейшие для сохранения науки функции – эпистемическую и социальную. Информационные технологии вырабатывают новые форматы научной коммуникации, но научная статья остается ее центральным элементом. Коммуникативный потенциал статьи обеспечивает ее эффективность в выполнении основных задач научной коммуникации: отбор и трансляция научного знания, социальный фильтр и закрепление индивидуального вклада ученого.

4. Приоритет количественной оценки работы исследователя, закрепляемый наукометрическим бихевиоризмом, редуцирует статью в качестве коммуникативного акта в сообществе равных к акту отчета в рамках иерархической (вертикальной) коммуникации между начальником и подчиненными. Такой наукометрический бихевиоризм, легитимирующий количественный подход к оценке научного исследования, приводит к трансформации смысла научной публикации вплоть до полного его искажения, и, как следствие, к изменению текстового поведения ученых.

5. Диффузия между внутренней и внешней публичностью науки, которая проявляется, в том числе, в открытом доступе к научным статьям, порождает изменение их прагматики (воздействия на адресата), что приводит к деформации и

эрозии представлений о научном знании, снижению доверия к науке как социально легитимному источнику знаний.

6. Так как публикационные стандарты современных научных журналов определяются нормами, устанавливаемыми, прежде всего, ведущими журналами в области естественных наук, формат статьи не отражает особенности научной коммуникации в области гуманитарных наук вообще и философии, в частности. Как следствие, философия и другие гуманитарные науки тяготеют к альтернативным малым формам, таким как эссе и публицистическая статья. Это проявляется как в элементах эссеизма и публицистичности, привнесенных в научные статьи, так и в прямом следовании этим малым формам.

Степень достоверности и апробация исследования

Полученные в ходе исследования результаты и выводы были отражены в двух коллективных монографиях и четырнадцати публикациях, в том числе в шести статьях из перечня изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Основные выводы диссертации были включены в отчеты по проектам, поддержанным РФФИ (№ 16-03-00120-ОГН «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации»; № 20-011-00622-А «Философия как действие: прагматика текстового поведения»), а также по проекту, поддержанному КФУ им В.И. Вернадского (№ ВГ-25/18 «Критическое мышление в контексте электронной текстовой культуры: проблемы и способы формирования»).

Результаты исследования были апробированы на всероссийских и международных конференциях: Всероссийская научная конференция «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме» (Нижний Новгород, 2017); Всероссийская научная конференция XIII Таврические философские чтения «Анахарсис» (Судак, 2017); IX Международная научная конференция «Способы мысли, пути говорения» (Москва, 2018); Всероссийская научная конференция XV Таврические философские чтения «Анахарсис» (Судак, 2018); Международная

школа социологии науки и техники им. С.А. Кугеля «Общество в цифровой эпохе: pro et contra» (Санкт-Петербург, 2018); X международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы (Санкт-Петербург, 2018); XXII Всероссийская научно-практическая конференция «Публичное/частное в современной цивилизации» (Екатеринбург, 2020); XI Международная научная конференция Школы философии НИУ ВШЭ «Способы мысли, пути говорения» (Москва, 2020); II международный конгресс Русского общества истории и философии науки (Санкт-Петербург, 2020); Восьмой Российский Философский Конгресс – «Философия в полицентричном мире» (Москва, 2020), III Всероссийская научная конференция «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, в социуме» (Нижний Новгород, 2021); Всероссийская конференция XVIII Таврические философские чтения «Анахарсис» (Судак, 2022); Всероссийская конференция «XX Таврические философские чтения «Анахарсис» (Судак, 2024); Международная конференция IV Конгресс Русского общества истории и философии науки (Вологда, 2024); Международная научная конференция «Пушкин и универсум русского мира» (Санкт-Петербург, 2024); VIII Международная междисциплинарная конференция «Религия. Общество. Человек» (Симферополь, 2025); Первые Всероссийские Таврические чтения молодых ученых (Симферополь, 2025); VIII Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Текст и коммуникация в пространстве культуры» (Симферополь, 2025)

Диссертационное исследование соответствует пунктам 17, 18, 21 и 47 Паспорта специальности 5.7.7 – Социальная и политическая философия.

1. Коммуникативные основания научного сообщества

Одной из фундаментальных потребностей человека, отличающей его от всех других живых существ, является потребность в познании. Человечество век за веком совершенствовало методы получения истинного знания не только ради практической пользы, но и ради знания самого по себе, знания теоретического, отвлеченного и, казалось бы, не применимого здесь и сейчас. «Метафизика», фундаментальная работа Аристотеля, который заслуженно считается если не первым ученым, то первым энциклопедистом, «отцом всех наук», начинается со знаменитой фразы «Все люди по природе [своей] стремятся к знанию»²¹. Эта установка, утверждающая ценность знания как такового, легла в основу науки как специфической деятельности людей, посвященной только одному – поиску истины. Возможность и условия получения истинного знания стали предметом философской мысли с момента зарождения этого рационального способа осмысления мира. Философия Нового времени сформулировала этот вопрос еще острее – родилась проблема метода познания, тщательная проработка которой привела к кристаллизации науки. Именно в это время зарождается и социальный институт науки, формируются научные общества, научная деятельность становится очевидно коллективной, и уже по мнению Г. В. Лейбница, «наиболее пригодным способом реализации науки как средства морального совершенствования оказывается в институциональном отношении именно форма организации ученых в специальные объединения, поскольку только в совместной работе ученые способны к наибольшей результативности»²².

С увеличением социальной значимости науки, проявившейся сперва в научно-техническом прогрессе, а затем научно-технической революции, все больший интерес исследователей стало привлекать и то, в какие социальные формы облекается деятельность ученых. В результате философия науки, традиционно ориентированная на поиск научной методологии, становится полем социальных

²¹ Аристотель. Метафизика. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. с. 28.

²² Куприянов В.А. Идея научной коммуникации в проектах Г. В. Лейбница по организации науки // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2021. № 7 (37). с. 21.

исследований. Сформировавшиеся в XX веке социология знания и социология науки ускорили становление социально-философской рефлексии поля научного знания, изучение социального контекста научной деятельности. В отечественном философском сообществе разрабатывается социальная философия науки, хорошо понимающая необходимость изучения ее коммуникативных механизмов. И. Т. Касавин так определяет направление такого рода исследований: «Нами было понято, что самой природе социальной философии науки принадлежит, так сказать, коммуникационный императив. Это такой фокус исследования, когда приоритет отдается анализу научного, междисциплинарного и выходящего за пределы науки (иногда его именуют трансдисциплинарным) общения, это генеральная перспектива развития, которая сегодня обозначается как исследование “зон обмена”, trading zones»²³.

Основная задача этого раздела – определить коммуникативные основы функционирования научного сообщества.

1.1. Научное сообщество как предмет исследования в социальной философии

Научное сообщество изначально было предметом исследований на стыке философии науки и социальной теории. Свой вклад в его исследование сделали как социологи, так и философы, и многие представители других, в том числе и не социогуманитарных наук. С некоторой степенью допущения можно сказать, что современные исследования науки, научного сообщества, научной коммуникации представляют собой яркий пример рефлексии, обращающей взгляд ученых на самих себя, а словосочетание «научное сообщество» является общепринятым средством самоописания представителей науки. Однако в настоящее время научное сообщество претерпевает существенные изменения, что требует пересмотра его концептуализации. Говорить о социальности науки возможно в

²³ Социальная философия науки. Идеи и дискуссии: монография / Научн. ред. и сост. И. Т. Касавина, Т. Д. Соколовой. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2018. с. 7. См. также Миссия ученого в современном мире: наука как призвание и профессия / ред. И. Т. Касавин. М.: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2021. 232 с. Миссия ученого: фундаментальные контroversы бытия науки / ред. И. Т. Касавин. М.: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2023. 232 с.

двух значениях – как о предзаданной общности и как о формирующемся сообществе. В первом случае научное сообщество может рассматриваться как некий заранее predetermined, а не сотворенный совместными усилиями идеал, который является «социальным горизонтом, с которым соотносится всякая научная деятельность и которым она оправдывается»²⁴. Во втором – это, как правило, сообщества в множественном числе, находящиеся в процессе постоянного формирования, собирания. Мы придерживаемся именно второй перспективы рассмотрения научного сообщества. Тогда возникает вопрос – что именно является условием такой сборки? В качестве такого условия может выступать научная коммуникация (формальная и неформальная)²⁵, репрезентация как единый способ представления окружающей действительности²⁶, научный этос (Р. Мертон), специфический габитус (П. Бурдье), цепочки ассоциаций (Б. Латур).

Термин «научное сообщество» был введен Майклом Полани, специалистом по физической химии, а впоследствии критиком позитивизма и одним из основателей социологии познания. Для него научным сообществом является совокупность институционально оформленных групп ученых-специалистов²⁷. Кроме того, этому сообществу присуща специфическая внутренняя нормативность, принимаемая каждым из его членов: «Научное сообщество сохраняется и согласованно регулирует свою деятельность благодаря совместному принятию одних и тех же фундаментальных научных убеждений. Таким образом, можно сказать, что эти убеждения формируют конституцию научного сообщества и воплощают его высшую суверенную общую волю»²⁸. В этой дескрипции уже

²⁴ Юдин Г. Б.* Иллюзия научного сообщества // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, №3. с. 81. (*выполняет функции иноагента)

²⁵ См. Коммуникация в современной науке. Сборник переводов / ред. Э. М. Мирский, В. Н. Садовский. М.: Прогресс, 1976. 438 с.

²⁶ См. Куприянов В.А., Шиповалова Л.В. Кризис репрезентаций. Как возможен успешный исход? Случай наукометрии // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, № 1. с. 176; Вархотов Т.А. Технонаука – наука без ученых? // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 1. с. 35.

²⁷ См. развитие идей научного сообщества и самоорганизации науки в его работах: Polanyi M. The Logic of Liberty: Reflections and Rejoinders. Routledge, 2013. 206 p. Polanyi M. Science, Faith and Society. London: Oxford University Press, 1946. 80 p. Polanyi M. Scientific Thought and Social Reality: Essays. New York, NY: Intl Universities Pr Inc, 1974. 157 p. Polanyi, M. The Republic of Science: Its Political and Economic Theory // Minerva. Springer, 1962. Vol. 1, № 1. P. 54–73.

²⁸ Polanyi M. Scientific Convictions // Michael Polanyi. The The Logic of Liberty. Routledge, 2013. p. 32. (здесь и далее при цитировании англоязычной литературы – перевод мой. Е.Ш.)

можно отметить ключевые для дальнейшего понимания научного сообщества особенности: 1) институциональность; 2) нормативность; 3) автономность; 4) коллективность деятельности. Ученые-одиночки невозможны, коллективность науки приходит на смену идеалу самостоятельно действующего, опирающегося лишь на разум естествоиспытателя, и становится общим местом исследования науки в XX веке.

В социальной теории исследование отдельных общностей (таких как рабочие коллективы, политические партии, собственно научное сообщество и т.д.) актуализировалось с уходом от методологической дихотомии социального номинализма и социального реализма. Уже Роберт Мертон, основоположник социологии науки, описывал научное сообщество в терминах структурного функционализма, позволяющего совместить макроуровень институций и микроуровень социальных практик.

Остановимся сперва на уровне институций, чтобы вслед за этим перейти к рассмотрению специфики социальных практик в науке. Под социальным институтом мы будем понимать любую социальную систему, которая располагает «правилами, процедурами и устойчивой практикой, влияющими на мнения и поведение социальных акторов»²⁹. Институционализация науки начинается в XVII веке, но производство и распространение знания происходило и до этого. Развитие рационального, методологически оформленного познания, предвосхитившего становление науки, не состоялось бы без возможности сохранения знания – письменности, а затем и книгопечатания.

Как отмечает Ив Жэнгра, «профессия писца может рассматриваться как первая форма институционализации производства знания»³⁰. Именно с различными формами письменных практик и использования их для координации, кооперации, коммуникации самостоятельно действующих ученых мы связываем становление и развитие научного сообщества – начиная с *Respublica Literaria* и вплоть до современных социальных сетей ученых. Многие институциональные

²⁹ Sociologie de l'institution / J. Lagroye, M. Offerle (dir.). P.: Berlin, 2010. P. 331. Цит. по: Жэнгра И. Социология науки. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. с. 28.

³⁰ Жэнгра И. Социология науки. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. с. 29.

нормы, процедуры и практики, влияющие на поведение социальных акторов в научном сообществе, оговаривают именно практики письма, практики текстового поведения. Способы публикации научных текстов, виды научных текстов, образцы научного языка и аргументации, практики цитирования и споры о первенстве занимают в развитии науки не последнее место. Именно поэтому наше исследование посвящено месту формальной письменной коммуникации в функционировании научного сообщества.

Исследователь науки Джозеф Бен-Давид условно выделяет два подхода в исследовании социальности науки, в зависимости от типа переменных, с которыми связывают науку различные авторы: интеракционный и институциональный. Интеракционный подход в большей степени сосредоточен на социальных отношениях, социальных связях, социальных взаимодействиях, институциональный же большее внимание уделяет организационной, ролевой и статусной структуре науки: «Авторы, использующие интеракционный подход, рассматривают взаимодействие ученых друг с другом, например разделение и координацию работы в лабораториях, формы научного цитирования и заведенный порядок проведения консультаций. Институциональный подход связывает науку с переменными, которые, с точки зрения отдельных ученых, могут быть строго определены; примерами таких переменных служат определение ролей ученых в различных странах, размер и структура научных организаций и различные аспекты экономики, политической системы, религии и идеологии»³¹. Разумеется, эти два подхода во многом пересекаются, и строго разграничить их не представляется возможным. Тем не менее, здесь также значим вопрос акцентов – данная работа в большей степени тяготеет к интеракционному подходу, так как переписка ученых, их коммуникация посредством журнальных статей, взаимное цитирование, специфика взаимодействия авторов, редакторов и рецензентов находятся в центре данного исследования. Однако институциональные аспекты научной коммуникации также должны быть учтены для всестороннего рассмотрения статьи как формы коммуникации ученых.

³¹ Бен-Дэвид Д. Роль ученого в обществе. М.: Новое литературное обозрение, 2014. с. 34–35.

Социальный институт науки задает определенную рамку, в которую укладываются индивидуальные действия социальных акторов – именно такой подход к изучению науки был заложен Робертом Мертоном. Несмотря на то, что концепция Мертона неоднократно подвергалась критике, выявленные им императивы настолько фундаментальны, что и по сей день применяются как инструмент оценки поведения ученых³². Следовательно, мы не можем обойти его концепцию на пути понимания специфики социальности науки. Известный исследователь школы Р. Мертона, Мирская Е.З., пишет: «Мертона принято считать основоположником “институциональной” социологии науки, так как наука для него прежде всего социальный институт. А любой социальный институт с точки зрения структурно-функционального анализа – это прежде всего специфическая система ценностей и норм поведения»³³.

Этос науки Мертон выводит из морального консенсуса ученых, который находит свое выражение в социальной практике, в трудах о «научном духе» и в негодовании, вызываемом нарушениями негласных «правил игры». Эти нормы, выраженные в форме предписаний, запретов, предпочтений и разрешений, будучи в большей или меньшей степени интернализованы учеными, задают ограничительные рамки, определяющие социальные взаимодействия в научном сообществе. А так как институциональная цель науки – приумножение достоверных знаний, то и нормы должны способствовать достижению конечной цели. Р. Мертон выделяет в науке два уровня норм – технические и институциональные (или «нравы»). Нравы науки, по его мнению, следуют из институциональной цели науки (производство истинного знания) и двух технических (или методологических) норм – требований эмпирического

³² См. Barnes S. B. Dolby R. G. A. The Scientific Ethos: A Deviant Viewpoint // *European Journal of Sociology*. 1970. Vol. 11, № 1. P. 3–25.; Hosseini M. et al. Messing with Merton: The intersection between open science practices and Mertonian values / Hosseini M., Senabre Hidalgo E., Horbach S. P. J. M., Guttinger S., Penders B. // *Accountability in Research*. 2024. Vol. 31, № 5. P. 428–455.; Macfarlane B. The DECAY of Merton’s Scientific Norms and the New Academic Ethos // *Oxford Review of Education*. 2024. Vol. 50, № 4. P. 468–483.; Lee C.J. Certified Amplification: An Emerging Scientific Norm and Ethos // *Philosophy of Science*. 2022. Vol. 89, № 5. P. 1002–1012.; Касавин И.Т. Этический парадокс науки: между абсолютным и солидарностью // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 55. С. 249–254.; Касавин И. Т. Амбивалентность научного этоса непреодолима // *Высшее образование в России*. 2021. № 4 (30). С. 36–48.

³³ Мирская Е. З. Р. Мертон и его концепция социологии науки // *Современная западная социология науки: Критический анализ*. М.: Наука, 1988. с. 47.

подтверждения данных и логической непротиворечивости. Будучи методологически обусловленными, институциональные нормы принимаются не только в силу своей технической оправданности, функциональности, но и потому что считаются «хорошими» и «правильными»: «Это в такой же степени моральные, в какой и технические предписания»³⁴. Институциональные императивы, эксплицированные Мертоном, хорошо известны – это универсализм, коллективизм («коммунитаризм» в некоторых переводах, «communism» в оригинале), бескорыстие и организованный скептицизм³⁵.

Позже сам Мертон указывал на амбивалентность этих норм, которая «влияет на актуальные, в отличие от предполагаемых, отношения между людьми науки»³⁶, однако научный этос для него остается более или менее устоявшимся, неизменным. Нарушение изначально выявленных норм расценивалось им как своего рода попустительство страстям и слабостям, присущим каждому человеку, что уже предполагает рассмотрение этически стабильного научного сообщества как некоего «нормального состояния» (здесь мы можем заметить аналогию с «нормальной наукой» Томаса Куна). Любая ситуация изменений чревата аномией, состоянием общества, в котором старые нормы уже не работают, а новые еще не сформировались.

Как пишет Мирская Е.З.: «Считая традиции науки предельно устойчивыми, Мертон не рассматривал правила научной деятельности как результат деятельности вполне определенных людей, принимая в расчет только влияние правил на людей и не учитывая обратного воздействия»³⁷, и в этом проявляется его структурный функционализм, так как структура (этос) и функция (расширение научного знания) все еще доминируют над индивидуальными действиями.

Однако указания на институциональные нормы недостаточно для понимания социальности науки. Чтобы выявить, в какой степени и как именно они определяют

³⁴ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. с. 770.

³⁵ Merton R. K. The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations. The University of Chicago Press. Chicago and London, 1973. p. 270.

³⁶ Merton R.K. The Ambivalence of Scientists // Cohen R.S., Feyerabend P.K., Wartofsky M.W. (eds) Essays in Memory of Imre Lakatos. Boston Studies in the Philosophy of Science, vol 39. Springer, Dordrecht, 1976. p. 436.

³⁷ Мирская Е.З. Мертон и этос классической науки // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М., 2005. с. 19.

науку, необходимо выяснить, какие социальные отношения они регулируют и какое сообщество формируется на основании этих ценностей и норм. Отмечая, что «научное сообщество» или «сообщество ученых» используется не столько как термин, сколько как метафора, Мертон предпринимает попытку концептуализировать это устоявшееся выражение.

По мнению Мертона, сообщество ученых не сводится к небольшим локальным группам исследователей – всякий, кто занимается научной деятельностью, входит в это научное сообщество, и даже самые отпетые «одиночки» являются его членами. Это рассредоточенное в пространстве множество людей, реагирующее на одни и те же социальные и интеллектуальные силы. Наука «одиночек» – не более чем иллюзия, оставляющая в поле нашего внимания только внутренние мыслительные процессы ученого и игнорирующая социальный и культурный контекст мысли. Безусловно, создание идей и концептов, составляющих основу научного знания, производится каждым отдельным человеком постольку, поскольку только человек может мыслить. Однако это производство знания неразрывно связано с определенными структурами ценностей, социальных отношений, а также социально и интеллектуально обусловленных фокусов внимания. Более того, эти структуры объединяют ученых не только в пространстве, но и во времени: «ученые связаны с прошлым, так как опираются на уже накопленные знания, <...> они связаны с настоящим, так как взаимодействуют с другими в ходе своей работы, и так как их внимание обращено на конкретные проблемы и идеи, обусловленные социально и интеллектуально определенными интересами <...> они связаны с будущим через обязательство, присущее их социальной роли, передавать дополненные знания и более точно определять границы незнания»³⁸. Опора на одни и те же накопленные знания, взаимодействие в процессе работы, социально, идейно и методологически определенная исследовательская проблематика, обязанность передавать

³⁸ Merton R. K. The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations. The University of Chicago Press. Chicago and London, 1973. p. 376.

накопленные знания, обуславливают принципиальную надпространственную и надвременную коллективность научной деятельности³⁹.

Так институциональность, нормативность и коллективность научного сообщества, обозначенные М. Полани, развиваются и обосновываются в социологии науки Р. Мертона. Автономность же науки состоит, прежде всего, в институциональной саморегуляции ученых. Несмотря на то, что сложная социальная дифференциация научного сообщества ослабляет его сопротивляемость внешнему давлению (например, экономическому и политическому)⁴⁰, ценностная ориентация на стремление к истине настолько доминирует над остальными, что позволяет выстроить внутреннюю систему институционального контроля, автономного по отношению к внешнему «обществу вообще». В этом Мертон также следует вслед за М. Полани, для которого автономность и самоуправление научного сообщества были условием существования науки⁴¹. Как пишет Ив Жэнгра, «Социальный институт обладает определенной автономией и делает возможным воспроизводство практик на протяжении длительного периода времени. Установившись, практики рассматриваются как само собой разумеющиеся и не требуют постоянной поддержки. Таким образом, наука может быть рассмотрена как институт с того момента, как она получает определенную автономию и начинает руководствоваться собственными правилами»⁴².

В описанных представлениях о научном сообществе, весьма характерных для исследований науки середины XX в., можно заметить достаточно явные отсылки к более раннему самоназванию сообщества образованных людей – *Respublica*

³⁹ Следует отметить, что указанные особенности научного сообщества в то же время обуславливают различия между отдельными научными сообществами, в силу чего даже исследование подобных надвременных надпространственных связей приводит к обнаружению не единого научного сообщества, но множества сообществ, см., например, Crane D. *Invisible Colleges: Diffusion of Knowledge in Scientific Communities*. Chicago: University of Chicago Press, 1972. 213 p.

⁴⁰ И более того, экономический, политический и социальный контекст оказывает влияние на формирование научного сообщества, см. Merton R. K. *A Note on Science and Democracy* // *Journal of Legal and Political Sociology*. 1942. Vol. 1. P. 115–126. Merton R. K. *Science and the Social Order* // *Philosophy of Science*. 1938. Vol. 5, № 3. P. 321–337.; Barber B. *Science and the Social Order*. London: George Allen and Unwin Limited, 1953. 308 p.

⁴¹ см. Hartl P. *The Ethos of Science and Central Planning: Merton and Michael Polanyi on the Autonomy of Science* // *Science, Freedom, Democracy* / ed. Hartl P., Tuboly A.T. New York and London: Routledge, 2021. P. 39–67.

⁴² Жэнгра И. *Социология науки*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. с. 28.

Literaria, чаще всего переводимого на русский язык как «Республика ученых» (менее известные, но также употребляемые самоназвания в XVI-XVII вв.: *orbis eruditorum* (мир ученых), *the sodalitas doctorum* (братство ученых) и многие другие)⁴³. Действительно, Республика ученых стала непревзойденным идеалом научного сообщества, «царства целей», существующего исключительно ради постижения истины, образом транснационального, трансисторического субъекта познания, на долгие годы определившим внутреннюю нормативность науки⁴⁴. Согласно Лоррейн Дастон, этим идеалом было «элитное братство, отличавшееся заслугами в литературе, гуманитарных и естественных науках; почти полной свободой выражения (...); равенством между членами, игнорирующим титулы и происхождение; и терпимостью – особенно религиозной терпимостью и, помимо прочего, национальной»⁴⁵. Эта меритократическая республика, существующая исключительно ради постижения истины, живущая по тем нормам, которые должны обеспечить верховенство знания, претендовала на абсолютную автономию, признавая в качестве значимых исключительно суждения членов республики. Как отмечает Григорий Юдин*, это период, когда «Возникает экономия знания – представление о кумулятивном характере знания и необходимости его накопления. Сообщество простирается во времени, и “писать в стол” означает напрямую угрожать его существованию. Именно здесь происходит институционализация *Respublica Literaria* как познающего субъекта. К XVI веку складывается представление о знании как о чем-то, превосходящем индивида, как о совместном деле поколений»⁴⁶. Здесь же формируется система «дар – контрдар»: сообщение о результатах исследования в переписке, а позднее – публикация статьи в научных журналах, становится своеобразным «даром» ученого сообществу, в

⁴³ Reassembling the Republic of Letters in the Digital Age / Ed. by Howard Hotson and Thomas Wallnig, Gottingen University Press, 2019. p. 26.

⁴⁴ Так, например, М. Полани опирался на этот идеал в разработке своей концепции научного сообщества, см. Polanyi, M. *The Republic of Science: Its Political and Economic Theory* // Minerva. Springer, 1962. Vol. 1, № 1. P. 54–73.

⁴⁵ Daston L. *The Ideal and Reality of the Republic of Letters in the Enlightenment* // Science in Context. 1991. Vol. 4, № 2. p. 374–375.

⁴⁶ Юдин Г. Б.* Иллюзия научного сообщества // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, №3. с. 62. (*выполняет функции иноагента)

ответ на который он получает «контрдар» – признание сообществом его заслуг, наделение правом быть «гражданином республики»⁴⁷.

Однако реалии Республики ученых уже в раннее Новое время значительно расходятся с идеалом. Согласно принципам Республики, ученые в определении иерархии должны были опираться исключительно на заслуги перед сообществом (или, если угодно – перед истиной). Но при этом возможность войти в сообщество имели лишь сословия, которым было доступно образование, а карьерный и социальный рост ученого был значительно ограничен, так как «привилегии и экономическая стабильность из-за социальной стратификации продолжали оставаться у коллег с более высоким происхождением»⁴⁸. Кроме того, возникает проблема беспристрастности суждений при оценке научного вклада. Соперничество за первенство, соперничество за признание не были чужды ученому сообществу ни тогда, ни сейчас. Как пишет Л. Дастон, «Слава была валютой “Республики ученых”»⁴⁹. Но само стремление к славе вступало в противоречие с требованием беспристрастности и справедливой оценки – по сути, ученые, оценивающие друг друга, являются конкурентами в борьбе за признание, что ставит под сомнение возможность незаинтересованного суждения. А так как незаинтересованность и беспристрастность должны были способствовать справедливому отбору истинных знаний, которые были бы достойны войти в архив науки, стремление к славе, столь естественное для ученого, воспринималось как нечто постыдное. Так, например, один из идеологов Республики Ученых, Жан Лерон Д’Аламбер, давал следующую рекомендацию своим коллегам: «Пишите так, как если бы вы любили славу, но ведите себя так, как если бы вы были к ней безразличны»⁵⁰.

⁴⁷ Жэнгра И. Социология науки. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. с. 57–60.

⁴⁸ Лисович И. И. Скальпель разума и крылья воображения: Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового Времени. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. с. 218.

⁴⁹ Daston L. The Ideal and Reality of the Republic of Letters in the Enlightenment // *Science in Context*. 1991. Vol. 4, № 2. p. 382.

⁵⁰ d’Alembert J. Essai sur la societe des gens de lettres et des grands, sur la reputation, sur les mecenés et les recompenses litteraires // *Melanges de litterature, d’histoire et de philosophie*, nouv. ed., vol. 1. Amsterdam, p. 352–353, цит. По Daston L. The Ideal and Reality of the Republic of Letters in the Enlightenment // *Science in Context*. 1991. Vol. 4, № 2, p. 382.

Таким образом, безусловно принимая в качестве этического ориентира беспристрастность исследователя, для рассмотрения социальных отношений необходимо учитывать стремление ученых к признанию сообществом. По мнению Р. Мертон, стремление ученых к признанию лежит в основе системы вознаграждения⁵¹, которая побуждает их соблюдать нормы научного этики. Как пишет Мирская Е. З.: «Система вознаграждения – одно из центральных звеньев концепции Мертона. Всякий социальный институт “работает”, только если его члены получают за свою деятельность, необходимую для функционирования института, какое-то удовлетворяющее их вознаграждение. Поскольку институциональной целью науки является производство нового достоверного знания, ученый может рассчитывать на положительную оценку коллег и какую-либо форму признания только за оригинальный результат»⁵². Так как система вознаграждения побуждает ученых оформлять свою коммуникацию в более-менее устойчивые формы, именно к этому элементу концепции Мертона мы обращаемся в данной работе. Ведь вознаграждение возможно лишь после некоторой оценки работы ученого, а для проведения такой оценки необходим предмет оценки – полученное знание. Научная статья является одной из форм, в которых фиксируется получаемое знание, и которая позволяет оценить его значимость для науки в целом: «Введение этого нового знания в систему научного знания происходит через рецензентов, редакторов и других “привратников науки”, или экспертов, которые его оценивают; если оценка положительна, знание, полученное ученым, становится вкладом. Мертон полагает, что такого рода оценка обычно “примерно соответствует значению вклада в общий фонд знания”»⁵³. Первый этап такой оценки – это собственно допуск материала к публикации, второй – реакция на публикуемый материал, проявляющаяся как в цитировании, так и в дальнейшем обсуждении и использовании полученного знания в новых исследованиях. Ученый,

⁵¹ В дальнейшем исследование учеников и коллег Р. Мертона позволило более подробно раскрыть механизмы работы системы вознаграждения, в том числе с опорой на обширные эмпирические данные, см., например, Gaston J. *Originality and competition in science*. Chicago: Chicago university press, 1973. 210 p. Gaston J. *The reward system in British and American science*. N. Y.: Wiley, 1978. 204 p.

⁵² Мирская Е. З. Р. Мертон и его концепция социологии науки // Современная западная социология науки: Критический анализ. М.: Наука, 1988. с. 55.

⁵³ Там же.

вклад которого был должным образом оценен, получает своего рода «интеллектуальный капитал», накопление которого способствует построению научной карьеры и делает более вероятным получение признания в дальнейшем⁵⁴.

Как мы видим, в рамках структурного функционализма Р. Мертона институции выходят на первый план – предписания научного этоса и механизмы, обеспечивающие поддержание этих предписаний, определяют действия социальных акторов. Благодаря заложенному данной концепцией фундаменту, дальнейшие эмпирические исследования Р. Мертона и его учеников позволили выявить воздействие сложившихся институтов науки на поведение участников научной деятельности. Однако Мертон не учитывал обратного воздействия. Действительно, «правила игры» (нормы научного этоса) устанавливаются институтом науки, но индивидуальные стратегии акторов способны изменять, обходить, и в ряде случаев открыто игнорировать установленные нормы (хотя последнее может быть чревато репутационными издержками). Более того, обозначенная самим Мертоном амбивалентность норм порождает неискоренимые противоречия в мотивации акторов, что само по себе оказывает влияние на формирование индивидуальных стратегий.

В качестве *выводов* можно отметить следующее: концепция научного сообщества, сформированная в рамках классической социологии науки, отражает идеальное состояние этого социального института. В силу того, что у истоков социальных исследований науки стояли в том числе и сами ученые (не социологи или философы, а представители естественных наук – такие как М. Полани и Дж. Де С. Прайс), сформированный в XX веке образ научного сообщества отчасти воспроизводит миф *Respublica Literaria* – добровольного объединения свободных исследователей, стремящихся исключительно к приумножению знания. Несмотря на то, что этот образ не в полной мере соответствует реалиям научной жизни, заложенные в нем и эксплицированные Мертоном ценности настолько

⁵⁴ См. например, Мертон Р. К. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS, 1993, вып. 3. с. 256–276.

фундаментальны для саморегуляции ученых, что по сей день являются мерилом оценки трансформаций научного сообщества.

1.2. Символическая борьба в поле науки

Особый интерес для нашего исследования представляет концепция социального поля науки П. Бурдьё, в которой гораздо большее внимание уделяется индивидуальным действиям социальных акторов. Пытаясь преодолеть дихотомию между объективистским (когда социальные факты понимаются как «вещи») и субъективистским (когда социальный мир сводится к представлениям о нем у самих действующих агентов) подходами в социальной теории, он выводит специфические структуры (называя свой подход структуралистским конструктивизмом⁵⁵), определяющие действия агентов в социальном пространстве. Социальное пространство – это пространство позиций, сформированное объективными связями, определяющими их взаимное расположение. При этом структуры – схемы восприятия и оценивания (габитус), с одной стороны, и социальные структуры (социальные поля или группы), с другой – формируются в процессе социального генезиса, который отчасти определен и действиями самих агентов. Объективные связи, формирующие позиции в социальном пространстве, проявляются через взаимодействия, связанные с распределением социальных ресурсов: «Основными видами такой социальной власти являются <...> экономический капитал в его различных формах, культурный капитал, а также символический капитал – форма, которую принимают различные виды капитала, воспринимаемые и признаваемые как легитимные»⁵⁶.

Агенты, в свою очередь, не пребывают пассивно в социальном пространстве, но вовлечены в конструирование этого мира опосредованно, через формирование собственных воззрений на него. Это активное восприятие мира Бурдьё определяет как габитус, который обуславливает представление агентов о социальном мире и,

⁵⁵ Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 64.

⁵⁶ Там же, с. 70.

как следствие, их поведение: «Итак, представления агентов меняются в зависимости от их позиции (и связанных с ней интересов) и от их габитуса, понимаемого как система схем восприятия и оценивания, как когнитивные и развивающие структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире. Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик»⁵⁷. Специфика социального генезиса состоит в том, что, с одной стороны, диспозиции агентов, т.е. их габитус, представляют собой преимущественно продукт интериоризации структур социального мира. С другой стороны, габитус через восприятие и оценивание практик выражает состояние отношений с символической властью, которая наиболее полно воплощается во власти образовывать социальные группы через их называние: «богатые» и «бедные», «буржуа» и «пролетарии», «ученые» и «не-ученые». Таким образом, позиции агентов в социальном пространстве частично определяют их диспозиции (ведь мы соотносим свое восприятие действительности с тем, какое место в ней мы занимаем), и, в свою очередь, диспозиции позволяют агентам переразметить это социальное пространство, опираясь на символический капитал, накопленный ими на занимаемой ранее позиции.

Эту структуру социального мира Бурдьё прилагает и к исследованию поля науки. Критикуя Мертона за его концепцию «научного сообщества», существующего исключительно ради постижения истины, живущего по тем нормам, которые должны обеспечить верховенство знания, Бурдьё отмечает, что: «Официальная наука вовсе не является тем, чем ее чаще всего представляет социология науки, т. е. системой норм и ценностей, которую “научное сообщество”, этакая недифференцированная группа, навязывает и внушает всем своим членам, поскольку на революционную аномию способны лишь те, кто не смог пройти научную социализацию»⁵⁸. Система вознаграждения, которую обнаружил Р. Мертон, по мнению Бурдьё не просто «вспомогательный элемент»,

⁵⁷ Там же, с. 75.

⁵⁸ Бурдьё П. Поле науки // Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. с. 481.

призванный обеспечить чистоту научного поиска и соблюдение институциональных норм. Символическое вознаграждение, которое ученые получают за те или иные действия, является специфическим типом символического капитала, определяющего место индивида в социальной группе и в социальном пространстве в целом.

Единое, однородное и всеохватывающее «научное сообщество» Бурдьё заменяет понятием поля, которое становится пространством символической борьбы: «Сказать, что поле есть место борьбы, значит не только разорвать с примиренческим образом “научного сообщества”, как его описывает научная агиография и часто – вслед за ней – социология науки, т. е. с идеей своего рода “царства целей”, которое будто бы не признает иных законов, кроме закона чистой и абсолютной борьбы идей, безошибочно направляемой внутренней силой истинной идеи. Это значит также утверждать, что само функционирование научного поля производит и предполагает специфическую форму интереса (научная практика выглядит “незаинтересованной” лишь относительно других интересов, производимых и востребованных другими полями)»⁵⁹. Более того, ставится под сомнение сама идея «чистой» науки, совершенно автономной и развивающейся в соответствии со своей внутренней логикой. Безусловно, поле науки является автономным, насколько это возможно, но отнюдь не потому, что регулируется методологически обусловленными нормами и подчинено лишь одной идее – получению знания ради самого знания.

По мнению Бурдьё, нельзя говорить о «нормальном состоянии» научного сообщества, которое предполагает следование нормам научного этоса, и «отклоняющемся поведении» отдельных его членов, т.к. отклонение в данном случае фиксируется чуть ли не с большей частотой, нежели норма. При этом поле науки не является ни кантовским «царством целей», ни гоббсовской «войной всех против всех» – его определяет совокупность целей и интересов, объединяющих и разделяющих ученых. Бурдьё определяет «ставки» в этой игре следующим образом: «Поле науки как система объективных отношений между достигнутыми

⁵⁹ Там же, с. 474–475.

(в предшествующей борьбе) позициями является местом (т. е. игровым пространством) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как техническая способность и – одновременно – как социальная власть, или, если угодно, монополия на научную компетенцию, понимаемую как социально признанная за определенным индивидом способность легитимно (т. е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки»⁶⁰. С увеличением количества накопленных ресурсов повышается и автономность поля, которое в конечном счете стремится ограничиться совокупностью ученых. Этот процесс автономизации поля, который будет рассмотрен позже, хорошо прослеживается на уровне дисциплинарного деления науки: чем больше ресурсов (собственно накопленных знаний, инструментов, методов) накапливается в определенной исследовательской области, тем скорее она завоевывает монополию на описание некоторого сегмента действительности.

Итак, научный капитал, накапливаемый участниками борьбы в поле науки, во-первых, дает право на вынесение суждений от имени науки (а, значит, суждений, подкрепленных авторитетом науки, которая является общепризнанным источником истинного знания), и, во-вторых, обеспечивает доступ к ресурсам, способствующим еще большему накоплению научного капитала (доступ к лабораториям, грантам, научным журналам и т.д.). Это приводит к тому, что «Ученые, которые побеждают (т.е., получают научный авторитет), – это те, кому удастся добиться того, что их взгляды на науку и их исследовательские практики принимаются другими учеными как легитимный способ определения науки и научной деятельности. Характеристики их работы (используемые методы, темы исследований, журналы, в которых они публикуются, и т.д.) начинают пониматься как легитимные признаки “хорошей” науки и стандарты, по которым оцениваются работы других. Делать работу качественно – значит, работать как они»⁶¹.

⁶⁰ Там же, с. 474.

⁶¹ Albert M., Kleinman D.L. Bringing Pierre Bourdieu to Science and Technology Studies // *Minerva*. 2011. Vol. 49, № 3. p. 266.

Специфика символического капитала в науке заключается в том, что этот капитал привязан к имени ученого, неотчуждаем и непередаваем, а также носит выраженный немонетарный характер (т.е. напрямую не выразим в денежном эквиваленте, хотя и может конвертироваться в некоторую экономическую выгоду). В отличие от Мертона, который рассматривал «систему вознаграждения» как механизм, обеспечивающий воспроизводство институциональных норм, Бурдьё ставит распределение научного капитала в центр функционирования поля науки: «Структура научного поля определяется в каждый данный момент соотношением сил между участниками борьбы, агентами или институциями, т. е. структурой распределения специфического капитала как результата предшествующей борьбы, который объективирован в институциях и диспозициях и который регулирует стратегии и объективные шансы различных агентов или институций в борьбе нынешней»⁶².

В силу того, что поле науки не обладает полной автономией, отношения силы, конституирующие поле, определяются двумя типами символического капитала: собственно научным (накопление которого зависит исключительно от научной деятельности агента) и временным, который выражается в получении власти над научным миром, может быть накоплен через каналы, которые не являются исключительно научными, и носителями которого является бюрократическая прослойка поля науки – министерство, ректоры университетов, директора академий и другие «научные администраторы»⁶³. При этом временный символический капитал в большей степени связан с отдельными государствами (поскольку именно он обрамляет то, что иногда называется «национальной наукой»), в то время как собственно научный капитал носит скорее международный характер. Соотношение этих типов символического капитала в поле науки зависит от степени автономности поля – чем выше автономия, тем сильнее иерархия связана с распределением научного капитала, уменьшение же автономии поля может выводить временный капитал на первый план, вплоть до

⁶² Бурдьё П. Поле науки // Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. с. 486.

⁶³ Bourdieu P. Science of Science and Reflexivity. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2005. p. 56–57.

полного подчинения сугубо научных вопросов бюрократической целесообразности, экономической выгоде или политической идеологии. Так, в исследовании структуры университетского поля во Франции в 70-х гг. Бурдьё выделял следующие виды социального капитала, связанного с наукой: 1) основные социальные факторы, определяющие шансы получить доступ к занимаемым позициям (в том числе, семейный габитус); 2) образовательные факторы; 3) капитал университетской власти (административные позиции); 4) капитал научной власти (непосредственное руководство исследованиями); 5) капитал научного престижа (формальное признание сообществом); 6) капитал интеллектуальной известности; 7) капитал политической и экономической власти; 8) «политические» диспозиции в широком смысле⁶⁴. К сугубо научному капиталу из перечисленных можно отнести, пожалуй, капитал научной власти и капитал научного престижа. Интеллектуальная известность уже предполагает привлечение внешних по отношению к науке способов накопления власти (журналы, газеты, общественные дискуссии и т.д.). Соответственно, игроки, действующие в поле науки, могут накапливать тот или иной вид символического капитала, выбор между которыми, согласно Бурдьё, происходит в соответствии с «законом Ждановщины», «согласно которому, беднейшие в специфическом капитале, то есть наименее выдающиеся в соответствии с научными критериями, склонны обращаться к внешним силам, чтобы укрепить свое преимущество, а иногда даже добиться триумфа в научной борьбе»⁶⁵. Разведение символического капитала на два типа – «специфически научный» и «временный» позволяет в том числе выделить такие публикационные стратегии, которые направлены на наработку именно временного капитала, и допускают пренебрежение капиталом специфически научным. Эффективность таких стратегий в условиях низкой автономии науки можно увидеть и в ситуации отечественной науки, которая в значительной степени находится в сфере государственного регулирования (по крайней мере, в том, что касается распределения ресурсов). М. К. Петров подобную ситуацию характеризовал как

⁶⁴ Бурдьё П. *Homo academicus*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. с. 82–86.

⁶⁵ Bourdieu P. *Science of Science and Reflexivity*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2005. p. 58.

«двоевластие» в науке: «Официально государство контролирует науку и правит ею, но достигает оно в этих попытках лишь медленного падения общего стандарта науки и превращения науки в активную политическую силу. Реальная же власть в науке принадлежит невидимым колледжам, причем власть эта такого сорта, что рано или поздно она будет призвана к политическому существованию»⁶⁶.

Итак, в основе научного взаимодействия лежит конкурентная борьба за научное признание. Более того, в этой конкурентной борьбе дает преимущество не только специфический научный, но и другие формы символического капитала. Следовательно, норма коммунитаризма, занимающая столь значимое место в этосе науки Р. Мертон, едва ли может быть соблюдена⁶⁷. Но при этом мы не можем игнорировать реально существующие научные общества, «корпоративные» институты защиты интересов науки, ассоциации специалистов определенного направления исследований, и др. По мнению П. Бурдьё, подобные организации являются проявлением способности сообщества к объединению: «все, кто занят в научной сфере, могут при определенных условиях вооружиться инструментами, которые позволяют им функционировать как сообщества, официальная функция которых – отстаивать и защищать идеальные ценности профессии ученого»⁶⁸. Здесь обнаруживается немаловажная задача ученых как агентов в поле науки – следить за соблюдением «правил игры» всеми участниками научной борьбы⁶⁹. Именно

⁶⁶ Петров, М. К. Философские проблемы «науки о науке» // М. К. Петров. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. с. 147.

⁶⁷ Примечательно, что исследования распределения признания в научном сообществе, проводимые Х. Цукерман и Р. Мертоном, выявили «Эффект Матфея», согласно которому научное признание или, выражаясь в терминах теории поля науки, научный символический капитал значительно проще накапливается теми учеными, которые уже им обладают, и чем большим символическим капиталом обладает ученым, тем больший его прирост возможен в дальнейшем (что проявляется в практиках цитирования, в порядке упоминания авторов статьи, в решениях Нобелевского комитета и, в конечном счете, находит отражение и в возрастной структуре науки) см.: Merton R. K. The Matthew Effect in Science // *Science*. 1968. Vol. 159, № 3810. P. 56–63. Zuckerman H. Merton R. K. Age, Aging, and Age Structure in Science // *A sociology of age stratification*. 1972. Vol. 3. P. 292–356. Zuckerman H. Merton R. K. Patterns of Evaluation in Science: Institutionalisation, Structure and Functions of the Referee System // *Minerva*. 1971. Vol. 9, № 1. P. 66–100. Zuckerman H. Patterns of Name Ordering Among Authors of Scientific Papers: A Study of Social Symbolism and Its Ambiguity // *American Journal of Sociology*. 1968. Vol. 74, № 3. P. 276–291. Zuckerman H. Nobel Laureates in Science: Patterns of Productivity, Collaboration, and Authorship // *American Sociological Review*. 1967. Vol. 32, № 3. P. 391–403.

⁶⁸ Bourdieu P. *Science of Science and Reflexivity*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2005, p. 46.

⁶⁹ ярким примером такого рода организаций является «Диссернет» – «Вольное сетевое сообщество экспертов, исследователей и репортеров, посвящающих свой труд разоблачениям мошенников, фальсификаторов и лжецов» (Вольное сетевое сообщество «Диссернет» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissernet.org/> (дата обращения: 23.11.2024)), а также многочисленные телеграм-каналы («Зоопарк из слоновой кости», «Наука и университеты», «Русский Research» и т.д.)

благодаря этой способности ученых к мобилизации ради отстаивания собственных границ и права на саморегуляцию возможна некоторая автономия научного поля (и здесь мы находим очевидные пересечения с пониманием научного сообщества Р. Мертона и М. Полани). Однако Бурдьё, в отличие от предшественников, отрицает возможность абсолютной автономии науки.

Бурдьё противопоставляет «чистой автономии» концепцию относительной автономии, которая возникает как результирующая отношений научного поля и внешнего пространства: «Сказать, что поле относительно автономно по отношению к окружающей социальной вселенной, значит сказать, что система сил, составляющих структуру поля (напряжение), относительно независима от сил, воздействующих на поле извне (давление). У него есть своего рода “свобода”, в которой оно нуждается для формирования своей собственной целесообразности, своей собственной логики, своих собственных *законов*»⁷⁰. Эта автономия – не данность, она завоевана в процессе исторического развития поля и нуждается в постоянной поддержке. Степень автономии социального поля проявляется в строгости условий входа в поле. В науке эти входные требования достаточно высоки, более того, они постоянно растут – количество фильтров, которые необходимо пройти, увеличивается с институционализацией научного поля. Чем выше входные требования – тем более автономно поле: «...постоянное повышение пошлины за вход, предполагающее накопление специфических ресурсов, способствует в свою очередь автономизации научного поля, устанавливая социальный разрыв с невежественным миром непосвященных. Этот разрыв носит тем более радикальный характер, что к нему как таковому и не стремятся»⁷¹.

Цена входа в научное поле – это «компетентность», «квалификация», специфический научный капитал (как определенный вид символического капитала), который оценивается теми, кто уже находится в поле науки. Примером проверки на компетентность, способность к научным исследованиям, является

⁷⁰ Bourdieu P. *Science of Science and Reflexivity*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2005. p. 47 (*курсив авторский*).

⁷¹ Бурдьё П. Поле науки // Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. с. 515.

защита квалификационных работ – дипломов, диссертаций, и т.д. Но компетентность не сводится к некоторому уровню знаний и умений, необходимых для того, чтобы иметь возможность называться «ученым». Это инкорпорированная форма ресурсов науки, накопленных за все время ее существования, представляющая научный габитус – «практическое освоение нескольких столетий исследований и достижений – например, в форме представления о том, какие проблемы интересны и важны, или какой арсенал теоретических и экспериментальных схем может быть применен, путем переноса, к новым областям»⁷². То есть умение в рамках определенной дисциплины (математики, физики, биологии, филологии, социологии и т.д.) выбирать объект исследования, формулировать научную проблему, подбирать и применять соответствующие методы, оценивать результаты принятых решений с точки зрения этой дисциплины является проявлением научного габитуса, а сформированность этого габитуса оценивается учеными как мера компетентности, позволяющая войти в научное поле. Но не только компетентность составляет научный габитус. Неотъемлемым элементом этой диспозиции является также само желание вступить в это поле, вера в то, что наука стоит того, чтобы заниматься исследованиями ради нее самой – то, что Бурдьё называет «*libido scientifica*», склонность, пристрастие к науке как таковой, «вера в игру», которая проявляется в том числе в подчинении требованию незаинтересованности. Это «социально конституируемая диспозиция, связанная с полем, которое вознаграждает незаинтересованность и наказывает любые отклонения от нее (в частности, научное мошенничество)»⁷³. И компетентность, и пристрастие к науке формируются в процессе образования, под влиянием «педагогического воздействия» со стороны самих ученых⁷⁴. Таким образом,

⁷² Bourdieu P. Science of Science and Reflexivity. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2005. p. 51.

⁷³ Ibid., p. 53.

⁷⁴ Концепция научного капитала П. Бурдьё в настоящее время активно применяется именно для исследований стратегий входа в поле науки. Так, Л. Арчер с соавторами выделяют связанный с наукой («science-related») капитал, накопление которого определяет заинтересованность, способность и возможность школьников вступить в поле науки (См. Archer L. et al. “Science Capital”: a Conceptual, Methodological, and Empirical Argument for Extending Bourdieusian Notions of Capital Beyond the Arts // Journal of Research in Science Teaching. 2015. Vol. 52, № 7. P. 922–948.). Особое значение такие исследования приобретают именно в перспективе преподавания STEM-дисциплин (См. Jones M.G. et al. The Development and Validation of a Measure of Science Capital, Habitus, and Future Science Interests // Research in Science Education. 2021. Vol. 51, № 6. P. 1549–1565).

автономность науки тесно связана с институционализацией научной деятельности (где образование – один из фундаментальных институтов) и коллективной регуляцией пространства поля.

Ценз столь высок в том числе потому, что каждый участник состязаний за научный капитал должен быть в состоянии оценивать действия своих конкурентов, и только благодаря этому, по мнению Бурдьё, возможно поддержание самой структуры научного поля: «Каждый исследователь, работающий в этой области, подвергается контролю со стороны всех остальных, в частности, его наиболее компетентных конкурентов, в результате чего контроль становится гораздо более сильнодействующим, чем контроль опирающийся лишь на индивидуальные моральные принципы или какую-либо деонтологию»⁷⁵. Здесь наиболее явно прослеживается расхождение Бурдьё и Мертон в оценке работы механизма вознаграждения. Если, согласно Мертону, над научным сообществом довлеют методологически обусловленные этические нормы, а механизм вознаграждения работает как стимул, побуждающий эти нормы соблюдать, то для Бурдьё не существует абстрактной нормативности – агенты соблюдают те или иные нормы, поскольку только таким образом они смогут овладеть символическим капиталом и поскольку их постоянно принуждает к этому оценка со стороны других агентов. Собственно, само существование в виде ученого означает иметь некоторую «галочку» в системе восприятия, габитусе данной области, подвергнуться оценке других ученых и получить их признание: «отдельный производитель может достичь признания ценности своей продукции (“репутация”, “престиж”, “авторитет”, “компетентность” и т. д.) лишь через других производителей, которые, будучи одновременно конкурентами, менее всего расположены признавать заслуги коллеги без дискуссий и испытаний. Прежде всего *de facto*: только ученые, вовлеченные в одну и ту же игру, обладают средствами, позволяющими символически овладеть научным произведением и оценить его достоинства. Но также и *de jure*: тот, кто обращается к внешнему по отношению к

⁷⁵ Bourdieu P. *Science of Science and Reflexivity*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2005. p. 48.

полю авторитету, может себя лишь скомпрометировать»⁷⁶. Установленный порядок, удерживающий поле и позволяющий ему сопротивляться внешнему воздействию, включает в себя совокупность научных ресурсов, с одной стороны, и институтов, отвечающих за производство, обращение и распространение как научных благ, так и производителей этих благ⁷⁷.

В качестве *выводов* можно отметить следующее: теория поля науки П. Бурдьё позволяет выявить механизмы саморегуляции научного сообщества, обеспечивающие соблюдение учеными специфических научных норм. Отказываясь от идеализированного представления об автономной республике исследователей, Бурдьё снимает противоречие между постулируемыми ценностями и актуальным поведением ученых, указывая на их взаимообусловленность в естественной для научного сообщества борьбе за накопление научного капитала.

1.3. *Социальность науки в акторно-сетевой теории*

По мнению французского теоретика Бруно Латура, ранее рассмотренный подход Бурдьё хоть и правомерен, но недостаточен, так как предполагает существование особых «закулисных сил» – габитуса и поля, которые должны объяснять социальное действие, но при этом сами являются социальными силами. Относя этот подход к «социологии социального», Латур в своей акторно-сетевой теории (АСТ) предлагает новую «социологию ассоциаций», которая, по его мнению, позволяет не просто указать на механизмы, работающие в обществе, но и объяснить формирование самой социальности⁷⁸.

Социальное в понимании Латура – это не отдельная область или особый тип вещей, а «очень своеобразный процесс переустановления связей и пересборки»⁷⁹. Рассмотрение социального через установление связей как нельзя лучше подходит

⁷⁶ Бурдьё П. Поле науки // Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. с. 479.

⁷⁷ Там же, с. 490–491.

⁷⁸ см. Денисова Г. С., Полонская И. Н., Сусименко Е. В. Акторно-сетевая теория: инновационные аспекты социологической методологии // Вестник Института социологии. 2022. Том 13, № 2. С. 137–158.

⁷⁹ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. с. 19.

исследованию социальности науки. Возникновение науки как социального института и формирование научного сообщества крайне сложно объяснить естественной социальностью человека, это очевидно не та общность, в которой человек пребывает по умолчанию (в отличие, например, от семьи или поселенческой общины). Это коллектив, который только собирается или может собраться, и сам процесс сборки хорошо прослеживается в истории науки, отдельных дисциплин и локальных научных сообществ. Для определения «социального» Латур предлагает обратить внимание на то, каким образом возникает коллективное существование, как акторы делают его «общеприемлемым». Здесь становится понятна его критика Бурдье – ведь тот, несмотря на то, что предполагает общество (или поле) конструируемым и предлагает определенный механизм, согласно которому происходят изменения в поле, тем не менее, рассматривает конкретное поле как нечто уже данное. Акторно-сетевую теорию, напротив, в первую очередь интересует механизм появления социального. Отметим те положения АСТ, которые наиболее значимы для настоящего исследования, а именно:

- 1) *как происходит группообразование* (что позволит нам понять, как складывается, собирается научное сообщество, и какую роль в этом играют научные статьи);
- 2) *кто или что влияет на действия акторов, образующих группы* (что укажет на характер связей между учеными и на то, почему научное сообщество похоже на сеть);
- 3) *какие объекты участвуют во взаимодействии* (что позволит рассмотреть научную статью как актора-посредника, участвующего в установлении связей и группообразовании).

Группой, находящейся в центре внимания данного исследования является научное сообщество. Несмотря на общепринятый характер данного понятия, его содержание (как, впрочем, и объем) весьма туманны. Что значит «принадлежать к научному сообществу», «быть ученым»? Ранее мы приводили ответ Бурдье на этот вопрос – это значит быть признаваемым в качестве такового другими учеными. Но

как быть, если других «ученых» нет в обозримом пространстве, кто тогда назовет ученого ученым? Отталкиваясь от изначальной спорности того, кто к какой группе принадлежит (являются ли учеными остепененные представители университетской администрации? неостепененные аспиранты и лаборанты – это ученые? а студенты или вспомогательный персонал?), Латур ставит под сомнение существование раз и навсегда определенных групп: «Отнесение себя к той или иной группе – это постоянно идущий процесс, состоящий из неопределенных, хрупких, противоречивых и постоянно меняющихся связей»⁸⁰. Это становится особенно заметно в период существенных изменений социальной сферы, но сам процесс группообразования происходит постоянно и проявляет себя в разногласиях по поводу групп. Покажем на примере научного сообщества, какие моменты присутствуют в процессе образования (или поддержания) социальных групп.

Во-первых, группы всегда *заявляют о себе через своих представителей*: «Хотя группы кажутся уже изначально полностью оснащенными, АСТ не видит ни одной из них без обширной свиты, состоящей из создателей этой группы, лиц, говорящих от ее имени, и тех, кто ею руководит»⁸¹. Для того, чтобы мы могли говорить о наличии какой-либо группы, должны быть те, кто говорит о себе, как о ее участнике. Должен быть кто-то, кто скажет «мы, ученые», чтобы группа под названием «научное сообщество» могла существовать. Ранее мы указывали на то, что само понятие «научного сообщества» является самоназванием, введенным Майклом Полани (вот яркий пример «представителя»), который, как уже было сказано ранее, сам опирался на куда более раннее самоназвание сообщества образованных людей – *Respublica Literaria*. Так или иначе, последние четыре века существует некая группа, включающая в себя тех, кто определяет себя через участие в исследовательской деятельности какого-либо рода (хотя названия как деятельности, так и человека, ею занимающегося, могли различаться⁸²). При этом споры о том, кого можно, а кого нельзя отнести к научному сообществу или к

⁸⁰ Там же, с. 43.

⁸¹ Там же, с. 49.

⁸² См., например, *A Companion to the History of Science* / ed. by Bernard Lightman, John Wiley & Sons Ltd, 2016. Part I, Roles.

«ученым» продолжают по сей день, и в том числе через эти споры все четче очерчиваются границы искомой группы: «Группы – не безмолвные объекты, а временное порождение постоянного гула, создаваемого миллионами голосов, спорящих о том, что это за группа и кто к какой группе принадлежит»⁸³.

Во-вторых, очертания группы усиливаются через *противопоставление ее антигруппам*: «Всякая связь становится отчетливее в сравнении с другими конкурирующими связями. Таким образом, для установления границ любой группы формируется перечень “антигрупп”»⁸⁴. Так же, как и первый пункт, это – постоянная работа самих акторов. Именно ученые старательно и уверенно отделяют себя от не-ученых – от «чиновников» и «управленцев», от «шарлатанов» и «плагиаторов». Это происходит и на неформальном уровне, и через публичное осуждение, и в рамках деятельности тех или иных организаций.

В-третьих, представители, говоря от имени группы, *привлекают любые символические средства*, чтобы подчеркнуть отличия, которые укрепляют границы группы, делают их максимально конечными и надежными и усиливают защиту от внешнего давления антигрупп. Здесь можно отметить явное сходство с концепцией Пьера Бурдьё – относительная автономность группы (или, в терминологии Бурдьё, поля) является результирующей сил внешнего давления и внутреннего сопротивления, так что «автономизация поля» (Бурдьё) и «о-граничение группы» (Латур) описывают крайне схожие механизмы. Какие же ресурсы привлекаются для укрепления групповых границ? Это особый эпистемический статус, объективность, рациональность, великая миссия – получение истинных знаний, в конце концов, сам научный этос. Как отмечает Ив Жэнгра, «В конце XIX в. установился негласный общественный договор, согласно которому ученые признавались объективными и нейтральными экспертами и наделялись правом самим определять, что такое “хорошая” наука, и производить знания, которые благодарное общество принимало бы с полным доверием»⁸⁵. Подобное укрепление

⁸³ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. с. 48.

⁸⁴ Там же, с. 49.

⁸⁵ Жэнгра И. Социология науки. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. с. 24.

границ оказалось столь успешно, что в массовой культуре надолго закрепился образ ученого, оторванного от общества, погруженного в малопонятные исследования, а социология науки отдельно рассматривает проблему взаимодействия науки и общества.

И, наконец, в-четвертых, *исследователи этих групп также усиливают границы* и гарантируют устойчивость группы. Тот же средний класс, который в свое время был скорее исследовательским концептом, превратился в реальную группу с людьми, причисляющими себя к ней. Рассматривая в различной оптике научное сообщество, философы, социологи, историки науки поддерживают существование этой группы так же, как и представители, говорящие от ее лица. Такое многостороннее формирование сообщества науки отмечают и М.А. Розов, Ю.А. Шрейдер и Н.И.Кузнецова: «Наука сплошь и рядом формирует свое сообщество задним числом, собирая и аккумулируя интересующие ее крупницы знания, которые разбросаны в трудах ученых всех предшествующих поколений»⁸⁶. При этом и сам ученый себя относит к определенному коллективу, ориентируется на определенный круг исследователей, язык и методологию. Таким образом, по мнению указанных исследователей, возникают два сообщества: одно – определенное рефлексией самих исследователей, другое – собранное самой наукой на основании систематизации имеющихся знаний. Возможно ли определить, какое из этих сообществ более реально?

Акторно-сетевая теория ответит на этот вопрос так: «то, которое действует, поддерживает свое существование». Латур утверждает, что для поддержания существования той или иной группы необходимо постоянное «группосозидающее усилие», при этом определяется оно в первую очередь через заявление о себе: «...социальные агрегаты являются объектом не *остенсивного* определения (вроде кружек, кошек и стульев, на которые можно указать пальцем), а *перформативного*. Они создаются теми различными путями и способами, которыми заявляют о своем

⁸⁶ Розов М.А. Шрейдер Ю.А. Кузнецова Н.И. Объект исследования – наука // Высшее образование в России. 2012. № 6. с. 156.

существовании»⁸⁷. Группы нестабильны, они находятся в постоянном движении сборки-распада. Подобный способ существования групп Латур определяет как коллектив, который не просто «существующая в мире вещь с определенными и окончательными контурами, а предварительное движение к сплоченности, к которой необходимо постоянно возвращаться»⁸⁸. В этой ситуации особая польза перформативного определения группы (научного сообщества в нашем случае) состоит в том, что оно обращает внимание именно на те средства, которые необходимы для постоянного поддержания существования группы: «...не существует общества, чтобы с него начать, нет запаса связей, нет большой, обнадеживающей банки клея, чтобы держать все группы вместе. Если вы сейчас не проведете фестиваль, не напечатаете сегодня газету, то просто потеряете группу, ибо она не здание, нуждающееся в реставрации, а процесс, требующий продолжения»⁸⁹. Продолжая ряд примеров Латура, скажем: «если вы не напечатаете статью, не откроете журнал по вашей дисциплине, не устроите конференцию, не начнете готовить новых специалистов...». Существование коллектива, в таком случае, зависит от силы связей и количества привлекаемых «союзников». Чем больше ассоциаций привлекает коллектив, чем больше сил одновременно действует, поддерживая его существование – тем громче он заявляет о себе, и, если мы говорим о коллективе в науке – тем большее право говорить от имени науки он получает. В данном исследовании мы будем рассматривать именно научную статью и научный журнал в целом как одно из важнейших средств группообразования научного сообщества, связывающее его акторов так же, как ранее письмо связывало членов *Respublica Literaria*.

Наличие «средств, порождающих социальное» приводит Латура к следующим вопросам: «Кто еще действует, когда действуем мы? Сколько еще агентов участвует в действии? Почему я никогда не делаю то, что мне хочется?

⁸⁷ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. с. 52.

⁸⁸ Латур Б. Политики природы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. с. 167.

⁸⁹ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. с. 52.

Почему мы все подчиняемся силам, которых не создавали?»⁹⁰. Ведь нельзя сказать, что мы публикуем статьи просто потому, что хотим публиковать статьи. Есть множество внешних причин и стимулов, побуждающих нас к этому. Бурдье назвал бы это «правилами игры» в данном поле, но для Латура отсылка к абстрактным правилам, габитусам, уже имеющим социальную природу недостаточна для того, чтобы объяснить, как возникает социальное действие. То, что побуждает нас действовать, «сделано» не из социальной субстанции, но сама социальность возникает в момент соединения, связывания, вовлечения различного рода акторов в некоторое действие. Актор в терминологии Латура – это «не источник действия, а движущая цель обширной совокупности сущностей, роящихся в его направлении»⁹¹, то есть некоторый объект, создающий силу социального притяжения, достаточную для формирования новых связей. Так как в перечень акторов включены как люди, так и не человеческие акторы (*non-humans*, нелюди или не-люди), может показаться, что акторно-сетевая теория низводит акторов-людей до состояния объектов среди объектов, однако далее мы покажем, что это не так. Напротив, АСТ возвращает акторам их «акторность», то есть способность действовать и своими действиями определять порядок социального.

В группообразовании объекты могут действовать как проводники или как посредники. Действуя в качестве проводников, они не оказывают никакого воздействия на проводимую социальную силу. Так, исправно работающий телефон будто бы ничего не добавляет к разговору собеседников. Но стоит появиться помехам, как этот разговор тут же изменится – мы обнаружим, что телефон сам по себе определяет, что и как будет сказано. В этом случае данный актор проявляет себя как посредник – ведь «посредники заставляют вещи делать *что-то* другое, не то, что ожидалось»⁹². Именно цепочка посредников, воздействующих друг на друга, задающих импульс действия, и составляют сеть социальных акторов. Ассоциации, возникающие между посредниками, представляют собой социальность. Возникает закономерный вопрос – кто (или что) может быть

⁹⁰ Там же, с. 64.

⁹¹ Там же, с. 68.

⁹² Там же, с. 85.

посредником? Как уже было сказано, посредниками могут быть и люди, и не-люди (объекты), однако «Объекты по самой природе своих отношений с людьми из посредников быстро превращаются в проводников и оцениваются как единица или вообще ничто, вне зависимости от того, насколько они внутренне сложны»⁹³. При этом люди, напротив, гораздо чаще проявляют себя как посредники, так как могут сами заявить о себе.

Для того, чтобы некоторый вид деятельности был назван наукой, а люди, которые занимаются этого рода деятельностью – учеными, необходимо привлечение множества акторов – как не-человеков (горных пород, микробов, атомов, тектонических процессов, институтов, морфем, структур, научных журналов, микроскопов, разного рода инструментов и пр.), так и людей (заинтересованных любителей, бенефициаров, представителей власти, исследователей, работников лабораторий, секретарей, журналистов, и т.д.), которые будут поддерживать существование коллектива как изнутри, так и извне. Без этого невозможно не только существование научных сообществ, формируемых каждый раз заново и занимающихся исследовательской деятельностью – без этого невозможно само формирование научных фактов⁹⁴. Кажется очевидным, что при всей реальности живого мира нельзя говорить о науке биологии, если нет биологов – тех, кто изучает живое, используя соответствующую терминологию, методологию и инструментарий. Однако если из коллектива биологической науки убрать животных, растения, клетки, фотосинтез, живое вообще – акторов-людей перестанет что-либо связывать. В обоих случаях мы сталкиваемся с ситуацией, когда науки еще не существует, ученых еще не существует, нет сообщества и некому говорить от имени науки: «Без вовлечения множества других людей, без применения хитроумных стратегий, симметрично направленных на людей и

⁹³ Там же, с. 112–113.

⁹⁴ См. более подробное рассмотрение роли различных акторов в конструировании научных фактов в Latour B. *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*. Cambridge; London: Harvard University Press, 1999. 336 p.; Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. 2nd edition. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1986. 294 p.; Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 211–242. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2003. № 3. С. 20–39.

ресурсы нечеловеческой природы, научная риторика бессильна»⁹⁵. Специфика социальности науки состоит в том, что она способна связать (и связывает) гораздо большее количество акторов, чем многие другие, на первый взгляд более «социальные» сферы человеческой деятельности.

В данной работе нас прежде всего будут интересовать два важнейших посредника в сборке социальности науки – научная статья и научный журнал. Их статус тем интереснее, что обычно они предстают лишь как инструменты научной коммуникации, в которую вступают люди-ученые. Представленные таким образом, научные статьи выступают лишь проводниками, передающими волю пишущих их людей. Нашей задачей будет проявить акторность научной статьи, ее существование в качестве посредника. Несмотря на то, что объекты очень легко уходят на задний план, есть определенные ситуации, в которых они вновь становятся активными:

1) *инновации* (ситуации возникновения чего-либо нового, трансформации уже имеющегося – в случае научной статьи это возникновение новых форматов научной статьи, обусловленное появлением сети Интернет)

2) *невезественные пользователи* (ситуация, в которой доступ к объекту получают те, кто не умеет его использовать по назначению – научная статья, в исходном виде попадающая в публичное пространство, демонстрирует совершенно иное действие, нежели внутри научной коммуникации)

3) *различные поломки* (ситуация, в которой объект перестает выполнять свои изначальные функции, становится дисфункциональным – эту ситуацию демонстрирует чрезмерное использование наукометрических показателей для регулирования науки)

4) *архивные документы, история объекта* (позволяют рассмотреть обстоятельства, когда рассматриваемый объект еще не принял окончательный вид, и для этого мы обратимся к истории возникновения научной статьи)

⁹⁵ Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. с. 234.

Как было указано ранее, Бурдьё утверждает, что высшим вознаграждением в научной борьбе является научный авторитет – монополия на право говорить от имени науки. Напомним, что это признание ученый получает благодаря оценке других ученых, уже включенных в поле науки. Латур же идет дальше, вскрывая совокупность сил, которые исследователям необходимо привлечь, чтобы состояться как коллектив и, тем самым, получить право на высказывание, право на существование как признанное исследовательское сообщество: «Модель испытания сил в таком случае представляет процесс производства научного знания в виде длительной ожесточенной борьбы между сетями, столкновения измерительных метрик, стремящихся переманить на свою сторону большее количество акторов и задающих им определенный набор характеристик поведения»⁹⁶.

В качестве *выводов* можно отметить следующее: акторно-сетевая теория Бруно Латура позволяет проследить путь изначального формирования научного сообщества и определить задействованных в нем акторов, которые выступают либо как проводники, не влияющие на установленные отношения, либо как осуществляющие процедуру перевода посредники, к которым мы относим в том числе научную статью и научный журнал.

1.4. Коммуникация как способ существования научного сообщества

Научное сообщество существует как постоянно собираемое, связываемое единство, и важнейшим способом связывания сообщества является научная коммуникация. Не вдаваясь в онтологические споры, подчеркнем, что коммуникация, безусловно, является способом существования науки. Знание, которое не сообщено, не передано, с точки зрения науки не существует. Научные прорывы и формирование научных дисциплин обусловлены усилением, концентрацией и возникновением новых коммуникативных связей: «Теоретические изменения происходят в рамках групп, определенных

⁹⁶ Абрамычев М.М. Отношения власти и сопротивления в сфере производства научного знания // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6, № 2. с. 82.

согласованными коммуникативными паттернами; эти связи могут быть описаны как уплотнения⁹⁷ в нормальном, открытом паттерне научной коммуникации. Такие уплотнения могут быть выявлены с помощью анализа данных о “доверенных экспертах” (тех ученых, которые оценивают работу другого ученого перед публикацией), отношениях между преподавателем и студентом, отношениях с коллегами и отношениях соавторства»⁹⁸. Если мы попытаемся представить ситуацию чистого исследования, из которой изъяты все акты коммуникации, мы получим исследование, результаты которого никогда не войдут в корпус научного знания. Как отмечает Касавин И.Т.: «Для того чтобы понять, что такое наука, надо задуматься о том, что такое коммуникация. Потому что коммуникативный образ науки на сегодняшний день – это, скорее всего, наиболее полный, емкий, адекватный образ»⁹⁹.

Для начала следует отметить, что само понятие «научная коммуникация» может пониматься двояко и его употребление во многом зависит от исследовательской традиции. В середине XX века, когда исследования научного сообщества и способов взаимодействия ученых набирали обороты, под «научной коммуникацией» понималось именно взаимодействие ученых по поводу исследовательской деятельности внутри сообщества. Отечественные философия науки и социология науки во многом восприняли именно эту интенцию. Однако развитие такого направления как STS («science and technology studies»)¹⁰⁰, уделяющего внимание социальным условиям и последствиям научной деятельности, а также взаимодействию науки и общества, привело к тому, что в западной, и в особенности в англоязычной традиции, под «научной коммуникацией» (science communication) стало пониматься именно взаимодействие науки и общества, условный выход за пределы поля науки. В то

⁹⁷ В оригинале – thickenings, что характеризует сплочение, сосредоточение коммуникации, определяющей формирование исследовательской группы.

⁹⁸ Mullins N. C. The Development of Specialties in Social Science: The Case of Ethnomethodology // Science Studies, Jul. 1973, Vol. 3, No. 3, P. 245. См. также Mullins N. C. The Development of a Scientific Specialty: The Phage Group and the Origins of Molecular Biology // Minerva. Springer. 1972. Vol. 10, № 1. P. 51–82.

⁹⁹ Касавин И. Т. Наука – гуманистический проект. М.: Издательство «Весь Мир», 2020. с. 88.

¹⁰⁰ Gobo G., Marcheselli V. Science, Technology and Society: An Introduction. 1st ed. 2022 edition. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2023. 344 p.

время как внутренняя коммуникация обозначается как «коммуникация в науке» (communication in science). Такое двойное понимание, на наш взгляд, является более продуктивным, так как, с одной стороны, не оставляет за скобками внешнюю научную коммуникацию, а с другой, позволяет сопоставить внешнюю и внутреннюю коммуникацию, обнаружить точки их пересечения и обозначить возможные места перехода одной в другую¹⁰¹. Несмотря на то, что в данной работе мы рассматриваем преимущественно «внутреннюю коммуникацию» посредством научных статей и журналов, мы также затрагиваем момент выхода научных статей во внешнюю публичность. Во избежание двусмысленностей, мы далее будем употреблять термин «научная коммуникация» для описания коммуникации внутри научного сообщества, так как это в большей степени соответствует отечественной традиции исследований науки. В случаях же, когда речь будет идти о коммуникации науки и общества, мы будем употреблять название «внешняя научная коммуникация».

Коммуникация внутри научного сообщества также весьма неоднородна. Э. М. Мирский и В. Н. Садовский во вступительной статье к сборнику, посвященному коммуникации в науке, определяют научную коммуникацию как интенсивное общение ученых относительно их работы и ее результатов, творческое взаимодействие ученых в процессе их работы¹⁰². Известный исследователь научной коммуникации, У. Д. Гарвей дает следующее определение: это «полный спектр деятельности, связанной с производством, распространением и использованием информации с момента, когда у ученого возникает идея его исследования, до тех пор, пока информация о результатах этого исследования не будет принята в качестве составной части научного знания»¹⁰³. Также научную коммуникацию можно определить как «формальную и неформальную деятельность [ученых – прим. Е. Ш.], связанную с использованием и распространением информации по

¹⁰¹ См., например, разграничение «внутренней» (internal) и «внешней» (external) научной коммуникации в Leßmöllmann A., Dascal M., Gloning T. Science Communication. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2020. 718 p.

¹⁰² Мирский Э. М. Садовский В. Н. Вступительная статья // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов. М.: Прогресс, 1976. с. 5–6.

¹⁰³ Garvey W. D. Communication: The Essence of Science. Pergamon Press Ltd. Oxford, 1979. p. ix

государственным и частным каналам»¹⁰⁴. Как мы видим, приведенные определения научной коммуникации (как и многие им подобные) указывают на ученых как агентов коммуникации и связывают коммуникацию с исследовательской деятельностью и распространением информации. Однако содержание отмеченных признаков все же требует прояснения. Несмотря на акцент на непосредственной работе ученых по производству знаний, под определение деятельности «связанной с производством, распространением и использованием информации» подпадают не только те взаимодействия ученых, в процессе которых информация создается. Между возникновением идеи и ее реализацией могут стоять действия ученого, направленные на получение гранта, открытие лаборатории, покупку оборудования, и т.д. Таким образом, даже приблизительное очерчивание границ внутренней научной коммуникации представляется весьма затруднительным. Несколько упрощая всю многоаспектность данного явления, научную коммуникацию условно можно поделить на формальную и неформальную, устную и письменную, публичную и частную.

Современное академическое сообщество существует в условиях системы исследования научной коммуникации, которая сложилась в середине XX в. Эти исследования были спровоцированы необходимостью разработки систем научно-технической информации с широким применением механизации и средств вычислительной техники, т. е. ее классификации, каталогизации и упорядочивания посредством ЭВМ: «По причине резкого роста числа публикуемых статей после Второй мировой войны ученые уже не успевали следить за результатами исследований даже в своей узкоспециализированной области. Этому уже не помогало и регулярное издание аннотаций новых публикаций частными фирмами и учеными обществами»¹⁰⁵. Как отмечали Э. М. Мирский и В. Н. Садовский, «вполне естественно, что – особенно на первых этапах разработки таких систем – основное внимание уделялось анализу и обработке документированных средств

¹⁰⁴ Borgman C. L. *Scholarship in the Digital Age: Information, Infrastructure, and The Internet*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2007. p. 48.

¹⁰⁵ Жэнгра И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию. М.: Новое литературное обозрение, 2018. с. 16.

научно-технической информации (статей, книг, научно-технических отчетов, рефератов, обзоров и т. д.), тем более что эти средства были уже в определенной степени организованы и тем самым подготовлены для такой обработки в библиотеках, библиографических и реферативных службах. При этом все формы научной коммуникации, не фиксируемые в документах, не учитывались в таких системах»¹⁰⁶. В результате проводимых работ обнаружилось, что немалую долю всей научной коммуникации обеспечивают, в той или иной степени, разного рода неформальные отношения, которые и стали основным предметом исследований научной коммуникации в 60-е годы.

Формализация научной коммуникации – длительный процесс, сопровождающий институционализацию и науки в целом, и локальных (дисциплинарных, региональных и т.д.) научных сообществ. Формальную научную коммуникацию можно определить как все то, что имеет непосредственное отношение к «документально зафиксированным формам научной информации, и прежде всего к принятым в ту или иную историческую эпоху формам публикации научной литературы»¹⁰⁷. Таким образом, к формальной коммуникации относятся, прежде всего, все письменные тексты (трактаты, энциклопедии, статьи, монографии, препринты, материалы конференций, диссертации и т.д.), существующие в организационно установленной форме и имеющие своей целью фиксацию и передачу результатов исследования.

Так как формальная научная коммуникация предполагает то или иное документальное закрепление, можно сказать, что разрастание формальной стороны научной коммуникации приводит к бюрократизации науки. Это обусловлено и массовизацией научной деятельности, и связанным с ней усложнением организационной структуры науки. Бюрократизация дополняет формальную научную коммуникацию заявками на финансирование исследований, отчетами о научной деятельности, протоколами заседаний, совещаний и т.д. Возникает вопрос – являются ли организационные документы примерами научной

¹⁰⁶ Мирский Э. М. Садовский В. Н. Вступительная статья // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов. М.: Прогресс, 1976. с. 6.

¹⁰⁷ Там же, с. 10.

коммуникации? С одной стороны, польза бюрократической научной коммуникации для производства и передачи знания кажется сомнительной. С другой стороны, ее значимость в поддержании связей, обеспечивающих существование научного сообщества несомненна (это проявляется в том числе в том, что такого рода архивные документы являются важным источником эмпирических исследований в истории науки). Во избежание данного противоречия, уместным будет введение еще одного основания для классификации научной коммуникации – наличие иерархических отношений между коммуникантами. В этом случае продуктивным будет выделение вертикальной и горизонтальной научной коммуникации¹⁰⁸. Так, приведенный нами первый пример формальной коммуникации (статьи, монографии и т.д.) можно отнести к горизонтальной коммуникации, так как коммуникантами являются условный автор (авторы) и условные читатели – представители научного сообщества, занимающие в данной коммуникативной ситуации условно равное положение. Второй же пример (отчеты, заявки и т.д.) иллюстрирует вертикальную научную коммуникацию, так как адресат данного рода текстов имеет определенную власть над адресантом.

Однако формальная научная коммуникация не исчерпывается письменными текстами. К таковой также можно отнести устные регламентированные взаимодействия между учеными, проходящие в рамках научных организаций – рабочие совещание, заседания диссертационных советов, собрания научных обществ, конференции, круглые столы, и т.д. Но, в отличие от письменной научной коммуникации, в данном случае мы едва ли можем провести строгое разграничение между формальной и неформальной коммуникацией. Э. М. Мирский и В. Н. Садовский предлагают относить к формальным те устные взаимодействия ученых, материалы которых подлежат обязательной публикации¹⁰⁹. Так, заседание диссертационного совета по защите докторской диссертации обязательно

¹⁰⁸ Тихонова С.В. Научная коммуникация: этос науки и воображаемые сообщества в анклавах российской гуманитаристики // Социология науки и технологий. 2020. Том 11, № 4. с. 162.

¹⁰⁹ Мирский Э. М. Садовский В. Н. Вступительная статья // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов. М.: Прогресс, 1976. с. 11.

стенографируется, что позволяет его однозначно отнести к формальной коммуникации. Если мы рассмотрим с этой точки зрения научные конференции, то те из них, материалы которых публикуются, будут отнесены к формальной коммуникации, те же, которые не предполагают публикации текстов докладов – к неформальной. Однако можно ли в данном случае утверждать, что устная коммуникация на самой конференции меняется и становится менее формальной во втором случае или, наоборот, более формальной в первом? Обе конференции наверняка будут проводится в соответствии с более или менее строгим регламентом и распределением ролей между участниками, а общение на кофеварках и фуршетах однозначно будет проходить в неформальной обстановке. Дополнительное усложнение вносит ставший распространенным формат онлайн-конференций, допускающий трансляцию и запись видео (что придает коммуникации фиксированный характер – и, следовательно, наделяет признаками формальной коммуникации): «Взаимодействие формальных и неформальных аспектов научного общения особенно очевидно на конференциях. Сетевые информационные технологии используются как инновационные средства для улучшения научных конференций, и при этом в очередной раз подкрепляют социальные нормы»¹¹⁰.

Еще одним пограничным случаем являются заседания профессиональных организаций и сообществ (от рабочего коллектива кафедры, лаборатории, исполнителей конкретного исследования, до национальных и международных научных обществ). С одной стороны, такие заседания, как правило, подлежат протоколированию. С другой – далеко не все протоколы подобных заседаний содержат все, что обсуждалось во время встречи коллег. Таким образом, в научной коммуникации мы скорее имеем некоторый континуум между формальными и неформальными способами коммуникации, нежели строгую дихотомию.

Подобное смешение формальной и неформальной устной коммуникации имеет место не только в теории, но и на практике, когда степень формальности

¹¹⁰ Borgman C.L. *Scholarship in the Digital Age: Information, Infrastructure, and The Internet*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2007. p. 52.

коммуникации может меняться в процессе взаимодействия. Особенно к этому располагает устно-письменная культура онлайн-коммуникации: при переписке посредством электронной почты адресат и адресант в случае личного знакомства могут переходить на менее формальный язык общения, даже если переписка осуществляется с использованием официальной электронной почты, закрепленной за конференцией, журналом, кафедрой, обществом, и т.д. Следовательно, дополнительными факторами, влияющими на степень формальности устной или устно-письменной коммуникации может быть наличие уже существующих личных отношений между коммуникантами, их готовность к более свободному общению. При этом стоит отметить, что неформальная коммуникация не означает устранения институциональной иерархии (например, общение научного руководителя с аспирантом может проходить и в домашней обстановке, но при этом статусные различия сохраняются в полной мере). Кроме того, системы формальной и неформальной научной коммуникации, если их вообще возможно разделять, существуют как взаимодополняющие. Исследователи научной коммуникации, В. Ч. Гриффит и У. Д. Гарвей, разграничивая формальную и неформальную научную коммуникацию указывают на то, что «Фактически функции двух элементов, кажется, уравнивают друг друга и составляют взаимосвязанную систему; отсутствие неформальной подсистемы или соответствующих формальных элементов – это форма дисбаланса, которая напрямую ведет к тому, что ученые проводят пересмотр системы»¹¹¹.

Условность классификации научной коммуникации, смешение на практике различных ее видов и их взаимодополнительность значительно усиливаются с распространением информационных технологий, и даже такие однозначно формальные средства коммуникации как научная статья могут приобретать вид поста в социальных сетях (профессиональных или нет) и подлежать комментированию в реальном времени. В связи с этим возникает вопрос, какую коммуникацию считать собственно научной? В какой мере к ней можно отнести

¹¹¹ Garvey W.D., Griffith B.C. Scientific Communication as a Social System // Science. American Association for the Advancement of Science, 1967. Vol. 157, № 3792. p. 1013.

беседу профессоров в университетской столовой или в социальной сети, заполнение протокола заседания исследовательского коллектива или создание грантовой заявки? Приведенные ранее определения научной коммуникации содержат указания на два ее существенных признака: особых коммуникантов (ученые) и то, что может быть рассмотрено как цель (производство и распространение информации, сопровождение процесса по производству знания). В предыдущем подразделе мы обозначили ученого как такого актора, который признан соответствующим образом научным сообществом. Далее мы рассмотрим научную коммуникацию с точки зрения ее целей, наиболее значимой из которых является производство нового знания.

Один из наиболее значимых исследователей коммуникации XX века, Никлас Луман, рассматривал науку как самовоспроизводящуюся дифференцированную аутопоиетическую систему, а такие системы он определял как «системы, которые сами производят элементы, из которых они состоят, через элементы, из которых они состоят»¹¹². Согласно Луману, существуют три типа таких систем: живые системы (основанные на порождении жизни), психические системы (основанные на производстве переживаний, сознания) и социальные системы (основанные на коммуникации). Наука относится к социальным системам, так как основным способом существования науки является воспроизводство особого рода коммуникаций: «В контексте всеобщей теории аутопоиетических социальных систем мы описываем науку как функциональную систему (современного) общества, как систему, которая – в исторически определенных общественных рамочных условиях – обособилась в процессе замыкания собственных операций, а значит, способна сама ограничивать то, что она полагает истинным и ложным»¹¹³. Различение научной и ненаучной коммуникации обеспечивается специфическим медиа коммуникации¹¹⁴ – истиной, которая выступает как легитимирующая инстанция нового, специфически научного знания, которое появляется как

¹¹² Луман Н. Истина, знание. Наука как система. М.: Логос, 2016. с. 64. Более подробно про отдифференциацию функциональных систем см. Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006. 320 с.

¹¹³ Луман Н. Истина, знание. Наука как система. М.: Логос, 2016. с. 57.

¹¹⁴ более подробно про генерализованные символические медиа коммуникации см. Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. 280 с.

результат успешности особого рода коммуникации: «Истина в этом смысле не является каким-то свойством тех или иных объектов, предложений или когнитивных достижений (в отношении которых можно было бы и заблуждаться), но обозначает собой понятие для медиума эмерджентности невероятной коммуникации»¹¹⁵.

Научная коммуникация, согласно Луману, является способом воспроизводства науки как аутопойетической социальной системы, и сама при этом опосредована истиной как специфическим медиа коммуникации. Если мы зададимся вопросом, что же является конечной целью научной коммуникации, то, исходя из концепции Никласа Лумана, можно ответить на этот вопрос следующим образом – научная коммуникация ставит себе целью установление значений истинности и ложности посредством кодирования предложений, которые в результате этого могут превратиться в знания. Само по себе кодирование – это «процесс распределения предложений по их смыслам или значениям – истинности и ложности. Кодироваться может всякая коммуникация, не обязательно тематизирующая научное знание. И утверждение “идет дождь” может быть истинным и ложным. Но истина как устойчиво воспроизводимый и, значит, системно-коммуникативный код возникает только вместе с обособлением соответствующей коммуникационной системы – системы научных коммуникаций»¹¹⁶. Как мы видим из приведенной цитаты А. Антоновского, наука как социальная система обеспечивает устойчивое воспроизводство утверждений, маркируемых как истинные или ложные, т.е. прирост истинного знания.

Именно эта особенность научной коммуникации обуславливает специфику существования научного сообщества. Здесь мы также обнаружим уже упомянутую полифункциональность научной коммуникации – с одной стороны, она обеспечивает производство истинного знания через кодирование предложений как истинные и ложные (назовем эту функцию эпистемической), с другой стороны – именно она поддерживает существование сообщества людей, занимающихся

¹¹⁵ Луман Н. Истина, знание. Наука как система. М.: Логос, 2016. с. 107.

¹¹⁶ Антоновский А.Ю. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопросы философии. 2017. № 7. с. 160.

производством этих предложений (назовем эту функцию социальной). Предполагается, что требование производства истины первично по отношению к существованию сообщества – само сообщество существует *ради того*, чтобы производить истинные знания, и специфическая коммуникация включает в сообщество именно тех, кто достоин, кто доказал свою способность внести соответствующий вклад в производство знания. В этом отношении наука является лучшим примером от-дифференцированной самозамкнутой системы, так как «в отличие от других самозамкнутых коммуникативных систем <...> у науки не обнаруживается публики. Наука в этом смысле занимает исключительное положение. <...> Лишь наука занимается производством знания; оценить и принять его в качестве такового способны лишь сами ученые»¹¹⁷.

Как следствие, коммуникация является и средством социализации новых научных кадров – в предыдущем разделе мы рассматривали процесс принятия в сообщество новых членов, необходимость признания за кандидатом права называться ученым, которым наделяют его те, кто уже входит в научное сообщество. При этом право говорить от имени науки ученые получают в результате символической борьбы, что указывает на фундаментальную конфликтность научной коммуникации. Как и Бурдье, отмечающий несоответствие реального поля науки идеальному «царству целей», Луман указывает на принципиальную парадоксальность научной коммуникации: «Для развития научной – ориентированной на истину – коммуникации поэтому важно лишать силы то, что является нормальным, и запускать – поначалу парадоксальный – процесс, а именно: повышать готовность к конфликту и ослаблять дискредитационные эффекты такого конфликта. Это, с одной стороны, происходит путем дисциплинирования интеракции, о чем представляет классическое свидетельство документ об основании Royal Society, и, с другой стороны, через широчайшее внедрение письменности в коммуникацию. В обоих случаях должны быть нейтрализованы воздействия на другие интеракционные контексты

¹¹⁷ Антоновский А.Ю. «Дайте денег и не мешайте», или О том, как наука относится к публике // Вестник Томского Государственного Университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 249–256.

участников интеракций»¹¹⁸. Этим же обусловлена специфика научной социализации, предъявляющей амбивалентные требования к потенциальному члену сообщества – необходимость быть готовым к отстаиванию истинности собственного мнения и при этом столь же готовым к его опровержению. С методологической точки зрения эта парадоксальность находит свое выражение в принципе фальсифицируемости Карла Поппера – утверждения, производимые учеными, должны содержать в себе возможность опровержения. Несмотря на соблюдение данного методологического требования в научном исследовании, для реального ученого все же более желательно подтверждение его мнения, нежели его опровержение. Как следствие, конфликт при столкновении двух позиций неизбежен. Научная коммуникация принципиально конфликтна, а значит, должна быть организована таким образом, чтобы конфликт не приводил к взаимному уничтожению оппонентов. Последнему, как указывает Н. Луман, в том числе способствует перевод коммуникации в письменный формат. Именно значению письменной коммуникации, в частности, значению научного журнала и научной статьи будет посвящен следующий раздел.

В качестве предварительного *вывода* определим как научную коммуникацию такую коммуникацию внутри института науки, которая выполняет наиболее значимые для сохранения науки функции – эпистемическую (обеспечивает производство истинного знания через кодирование предложений как истинные и ложные) и социальную (поддерживает существование сообщества людей, занимающихся производством этих предложений).

Выводы к разделу 1

1. Концепция научного сообщества, сформированная в рамках классической социологии науки, отражает идеальное состояние этого социального института. В силу того, что у истоков социальных исследований науки стояли в том числе и сами ученые (не социологи или философы, а представители естественных наук – такие

¹¹⁸ Луман Н. Истина. Знание. Наука как система. М.: Логос, 2016. с. 165.

как М. Полани и Дж. де С. Прайс), сформированный в XX веке образ научного сообщества отчасти воспроизводит миф *Respublica Literaria* – добровольного объединения свободных исследователей, стремящихся исключительно к приумножению знания. Несмотря на то, что этот образ не в полной мере соответствует реалиям научной жизни, заложенные в нем и эксплицированные Мертоном ценности настолько фундаментальны для саморегуляции ученых, что по сей день являются мерилom оценки трансформаций научного сообщества.

2. Механизмы саморегуляции научного сообщества, обеспечивающие соблюдение учеными специфических научных норм, наиболее полно раскрываются в рамках теории поля науки П. Бурдьё. Отказываясь от идеализированного представления об автономной республике ученых, Бурдьё снимает противоречие между постулируемыми ценностями и актуальным поведением ученых, указывая на их взаимообусловленность в естественной для научного сообщества борьбе за накопление научного капитала. Тем не менее, основания автономизации науки как самостоятельного социального поля им не раскрыты в достаточной мере.

3. Изначальное формирование научного сообщества обеспечивается взаимодействием акторов, объединяющихся в коллектив, как это показано в акторно-сетевой теории Б. Латура. Акторы выступают либо как проводники, не влияющие на установленные отношения, либо как осуществляющие процедуру перевода посредники, к которым мы относим в том числе научную статью и научный журнал.

4. Воспроизводство научного сообщества обеспечивается научной коммуникацией, которая выполняет наиболее значимые для сохранения науки функции – эпистемическую (обеспечивает производство истинного знания через кодирование предложений как истинные и ложные) и социальную (поддерживает существование сообщества людей, занимающихся производством этих предложений).

2. Генезис научной статьи как формы научной коммуникации

Одним из ключевых этапов становления современной европейской науки стала институционализация научной коммуникации. С появлением рецензируемых журналов научное сообщество обеспечило себе открытое текстовое пространство, которое позволяло быстро и публично сообщать о последних научных результатах и получать отклик коллег по цеху. Развитие науки как института привело к тому, что текстовая коммуникация практически полностью перешла на страницы научных журналов. С развитием сети Интернет и постепенным переходом научной коммуникации в сетевое пространство встает вопрос о ее новых формах и перспективах, в связи с чем представляется актуальным прояснение генезиса преобладающего в настоящее время средства коммуникации ученых – научной статьи. Основной целью данного раздела является прояснение коммуникативной ситуации научной статьи, для чего предлагается анализ трансформации автора, читателя и текста научной статьи на всех этапах ее развития. В соответствии с указанной целью будут решены следующие задачи: реконструкция трансформаций коммуникативной ситуации статьи в процессе ее исторического генезиса, а также анализ современного состояния научной коммуникации в формате научной статьи.

2.1. Эпистолярные начала научной статьи: *коммуникативная ситуация письма*

Современная наука находится в той же ситуации, что и культура в целом, и эта ситуация часто определяется как «коммуникативная революция», обусловленная, прежде всего, развитием технических средств коммуникации. Если в текущей коммуникативной революции в качестве такого средства выступает персональный компьютер, то период XV–XVII вв., как правило, связывают с изобретением печатного станка Гуттенберга и возможностью тиражирования печатной информации. Немаловажную роль в развитии сети коммуникаций Европы Нового времени сыграло и развитие почтовых сообщений: «...с шестнадцатого века первопроходцем в усилении регулярности и скорости

[коммуникации – прим. Е. Ш.] была инфраструктура почтовой системы. И именно развитие этой инфраструктуры привело к серии революций в сфере медиа»¹¹⁹.

Появлению научной периодики предшествовала разветвленная сеть переписки, в которую были вовлечены многие исследователи, интеллектуалы и образованные люди Европы: «неуклонно растущий обмен научными письмами беспрецедентным образом связывал Европу воедино, закладывая фундамент революционного интеллектуального развития раннего Нового времени. Тематически эти письма непредсказуемо блуждают по всему образованному миру, обнаруживая непреклонное стремление к знаниям, столь редко воспроизводимое где-либо еще. Географически они сплетают сеть прямого, личного и взаимного общения от одного конца Европы к другому, выходя за ее пределы в Азию и Америку»¹²⁰. В то время как книги, трактаты и энциклопедии являлись, прежде всего, основным способом фиксации и сохранения знания, собственно коммуникативную функцию в научном сообществе выполняла научная переписка. Более того, пожалуй, с этого времени и можно говорить о некотором более или менее устойчивом сообществе: «Есть еще одна метафора, которую следует учитывать при обсуждении обмена письмами: “невидимый колледж”. Термин приписывается Роберту Бойлю и хорошо подходит для описания отношений группы людей, интересующихся схожими идеями, например, новой философией, и которые общаются друг с другом посредством писем. Такие группы можно считать “колледжами” в том смысле, что они коллегиальны и “невидимыми” в том смысле, что они не были официально организованы»¹²¹.

Существенными отличиями письма от остальных научных текстов Нового времени были, прежде всего, скорость доставки и возможность быстрого отклика. Доставка корреспонденции теперь занимала недели, а то и дни, что позволило ученым в достаточно краткие сроки сообщать друг другу о результатах своих

¹¹⁹ Behringer W. Communications Revolutions: A Historiographical Concept // German History. 2006. Vol. 24. Issue 3. p. 346.

¹²⁰ Reassembling the Republic of Letters in the Digital Age: Standards, Systems, Scholarship / ed. Hotson H., Wallnig T. Göttingen: Göttingen University Press, 2019. p. 8.

¹²¹ Kronick D.A. The Commerce of Letters: Networks and “Invisible Colleges” in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe // The Library Quarterly: Information, Community, Policy. 2001. Vol. 71, № 1. p. 38.

исследований (сравнительно с временем публикации и распространения того или иного трактата). При этом научное письмо было весьма полифункционально: «Научное письмо, обладавшее скорее публичным, чем приватным статусом, имело множество функций: установления контактов и поддержания отношений, сопровождения посылаемых “образцов” и текстов, передачи научной информации в самом тексте. Таким образом, письмо играло роль как в распространении знания, так и в организации взаимодействия ученых вокруг издательских или музейных проектов»¹²². Далее будет представлено, как из этих сообщений, доставляемых со все большей скоростью, появляется такой ставший привычным формат научного текста как статья.

Возникновение научной статьи принято отсчитывать с учреждения в 1665 году первых научных журналов – «Journal de Savants» во Франции и «Philosophical Transactions: giving some accompt of the present Undertakings, Studies, and Labours of the Ingenious in many considerable parts of the world» (известные со второй половины XVIII в. как «Philosophical Transactions of the Royal Society of London») в Великобритании. Как отмечает Ломовицкая В. М., «Эти два издания на полторы сотни лет определили характер журнальной публикации – сообщение о результатах научной работы. Показательно, что публиковавшиеся в журналах первые статьи имели форму письма, традиционной для того времени»¹²³. Несмотря на то, что между этими двумя журналами ведется негласная борьба за первенство, за их созданием лежала одна потребность: «потребность, которая лежит в основе развития этого коммуникативного инструмента, – необходимость в упрощении и ускорении коммуникации в условиях быстрорастущих потоков информации»¹²⁴. Потребность эта была столь велика, что вслед за ними появились и другие издания – «Giornale de literati d'Italia» в Италии, в 1668 г., «Miscellanea curiosa medico-physica» в 1670 г. и «Acta Eruditorum» в 1682 г. в Германии, «Acta medica et

¹²² Сергеев М. Л. Ученая переписка и обмен научной информацией в раннее Новое время (на примере письма Улиссе Альдрованди Томасу Йордану 1571 г.) // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2022. № 8 (38). с. 93.

¹²³ Ломовицкая В. М. Из истории изучения научных коммуникаций // Социология науки и технологий. 2017. Том 8, № 4. с. 38.

¹²⁴ Куприянов В.А. Проблема приоритета в вопросе о возникновении научных журналов // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 4. с. 193.

philosophica» в Дании, в 1673 г, «Nouvelles de la république des lettres» в 1684 г. и «Histoire des ouvrages des savants» в 1687 г. во Франции, и т.д.

Значимость письма для становления научной коммуникации в современных исследованиях по истории науки не подвергается сомнению. Группа исследователей научной коммуникации под руководством А. Гросса отмечают, что научный журнал, «появившийся из писем и эссе и составивший конкуренцию книгам, определил стиль и формат, которые, в конечном итоге, сделали его предпочтительным способом представления и обсуждения новых положений научного знания»¹²⁵. Первые научные журналы по форме представляли собой сборники заметок, отчетов о наблюдениях, личных писем, публичных ответов на эти письма. Изменение формата научной коммуникации и переход от личной переписки к публикации явно прослеживается в материалах первых научных журналов (XVII–XVIII вв.). Д. Аткинсон отмечает, что письмо было «жанровой формой, в которой статьи чаще всего появлялись на страницах PTRS¹²⁶ в этот период»¹²⁷. Эта тенденция хорошо заметна и по содержанию первых выпусков – многие публикации озаглавлены как «extract of a letter»¹²⁸. То же верно и для других упомянутых выше журналов, что позволяет предположить историческую преемственности данных форматов коммуникации, и дает возможность рассмотреть трансформацию научной коммуникации в Европе раннего модерна.

Для более ясного понимания коммуникативной специфики научного письма следует обозначить основные особенности эпистолярного текста. В настоящее время не приходится говорить о существовании серьезной философской традиции или подходе в анализе писем. Исследователи истории науки изучают переписку конкретных ученых, восстанавливая контекст возникновения идей и написания основных трудов, но серьезной философской рефлексии над эпистолой как способом коммуникации не проводилось. При этом эпистолярные тексты

¹²⁵ Gross A. G., Harmon J. E., Reidy M. S. *Communicating Science: The Scientific Article from the Seventeenth Century to the Present*. New-York: Oxford University Press. 2002. p. vii.

¹²⁶ *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*.

¹²⁷ Atkinson D. *Scientific Discourse in Sociohistorical Context: The Philosophical Transactions of the Royal Society of London, 1675–1975*. London: Routledge, 1999. p. xxvii.

¹²⁸ см. *Philosophical Transactions* URL: <https://royalsocietypublishing.org/toc/rstl/1665/1/2> (accessed: 21.11.2024)

становились объектом внимания, с одной стороны, источниковедения (наряду с другими видами источников, см. например, Сметанин В. А.¹²⁹), с другой стороны – филологии (наряду с другими жанрами текста, см. например, Курьянович А. В.¹³⁰). Показательно, что исследователями признается проблематичность эпистолярного текста и письма как его разновидности в качестве объекта исследования, вследствие его неоднородности и многозначности. Из этого следуют проблемы в определении и классификации эпистолярных текстов, в силу чего многие исследования останавливаются на описательном этапе. Однако существует совокупность признаков, по которым тот или иной текст может быть охарактеризован как эпистолярный. Так, лингвист Зуева О. В. предлагает относить к эпистолярным текстам «...произведения письменной речи, созданные с целью осуществления дистантного общения в различных сферах межличностных отношений и потому неизбежно грамматически и прагматически ориентированные на второе лицо – конкретного адресата, обладающие стереотипной композицией, реализующие систему принятых в данное время и данным коллективом коммуникативных формул»¹³¹. В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» указаны следующие особенности эпистолярного стиля: «определенная роль адресата и адресанта, их точное обозначение, отражение социального положения корреспондентов, проявление авторского “я”, индивидуальной речевой специфики, сочетание признаков диалога и монолога, устно-разговорной и книжно-письменной речи, соблюдение речевого этикета письма. Так, письма одного автора к разным корреспондентам различаются по тематике, стилю, тональности, так как пишущий всегда учитывает личность, интересы, взгляды адресата, выражает свое отношение к нему. Диалогичность

¹²⁹ Сметанин В. А. Новое в развитии представлений об эпистолографии // Античная древность и средние века. Свердловск, 1980. Вып. 17: Античные традиции и византийские реалии. с. 5–18.

¹³⁰ Курьянович А. В. Теоретические вопросы изучения эпистолярного текста в современной лингвистике. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2013. 220 с.

¹³¹ Зуева О. В. О проблемах лингвистического изучения эпистолярных текстов Средневековой Руси // В. А. Богородицкий: Научное наследие и современное языковедение: Труды и материалы Международной науч. конф. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2007. Т. 1. с. 137–139.

письма обуславливает скрытое присутствие в тексте образа адресата, его имплицитную характеристику»¹³².

В данной характеристике обнаруживается важнейшее свойство эпистолярного текста – ориентированность на конкретного адресата, принципиальная нацеленность на коммуникацию с определенным лицом. С учетом того, что эпистола – это текст, «произведение письменной речи», письмо становится весьма значимым эмпирическим материалом для исследования особенностей текстовой коммуникации. Итак, существенными коммуникативными особенностями эпистолярного текста являются:

- нацеленность на конкретного адресата, обращение к нему;
- сочетание признаков диалога и монолога, принципиальная диалогичность письма;
- проявление авторского «я», крайне личностный характер текста.

Именно построение коммуникации конкретного автора с конкретным адресатом, подразумевающей возможность, и даже желательность ответа, позволяет говорить о специфически коммуникативном характере эпистолярного текста.

Научное письмо, послужившее началом научной статье, в свою очередь, отличается от других текстов эпистолярного корпуса. Лингвист А. В. Курьянович предлагает выделять эпистолярно-научный текст по следующим критериям: «специфика доминирующей целевой установки автора относительно эпистолярной коммуникации в целом (восприятие переписки как способа ведения научного диалога), соотношение “личной” и “неличной” информации в тематическом содержании писем с преобладанием в пользу последней, особенности речевых и графических средств выражения»¹³³. Эти критерии исследователь определяет на основании исследования эпистолярного наследия В. И. Вернадского,

¹³² Протопопова О.В. Эпистолярный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М.: «Флинта», «Наука». 2003 [Электронный ресурс]. URL: https://stylistics.academic.ru/265/Эпистолярный_стиль (Дата обращения: 21.11.2024).

¹³³ Курьянович А. В. Жанрово-стилистические особенности русского эпистолярного письма первой трети XX века: узус и идиостиль (на материале писем М. В. Нестерова, Ф. И. Шаляпина, В. И. Вернадского, М. И. Цветаевой). Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2012. URL: http://koi.tspu.ru/koi_books/kuryanovich2/3.3.4.htm (Дата обращения: 21.11.2024).

сравнительной характеристики его переписки с коллегами-учеными и с другими адресатами. Стоит отметить, что письма В. И. Вернадского относятся к тому времени, когда научная статья уже зарекомендовала себя как средство коммуникации ученых, и основные свои идеи исследователи могли высказывать на страницах научных журналов. Нас же, прежде всего, интересует научное письмо в первозданном виде, в «дожурнальную» эпоху, так как именно в момент становления научной периодики проще всего проследить, с одной стороны, изначальные особенности переписки ученых, с другой стороны, рецепцию специфически эпистолярных качеств научной статьей и функциональную преемственность данных способов передачи научной информации.

С этой точки зрения особый интерес для изучения представляет библиография Г.-В. Лейбница, который в свое время был одним из активных центров Республики ученых и оставил после себя тысячи писем. Кроме того, в его время научные журналы только начинали формироваться как специфический институт, что позволяет обратить внимание на этап перехода, когда научная статья еще не была научной статьей в собственном смысле (в привычном нам виде она была сформирована только в XX в., но момент возникновения научных журналов можно считать некоторой точкой отсчета). В данном исследовании нас будут интересовать три типа текстов: 1) письма, опубликованные после смерти автора вместе с другими его сочинениями; 2) письма, опубликованные при жизни или после смерти автора в качестве журнальной статьи; 3) статьи, опубликованные в научных журналах при жизни автора. Сравнительный анализ данных форм коммуникации проводился на материале опубликованных текстов в русскоязычном издании сочинений Г.-В. Лейбница¹³⁴, а также архивов научных журналов, в которых публиковался автор – “Acta Eruditorum”, “Nouvelles de la république des lettres”, “Histoire des ouvrages des savants” и “Histoire critique de la République des lettres”.

Рассматривая указанные тексты Лейбница с точки зрения особенностей эпистолярного текста можно обнаружить следующее. В письмах присутствуют

¹³⁴ Лейбниц Г.-В. Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1982–1984.

явно выраженное обращение к адресату: «Именитейший муж! Когда недавно из письма одного друга, посетившего Англию, к величайшей моей душевной радости, я узнал, что Ты в столь преклонном возрасте благополучно здравствуешь, то не мог не обратиться к Тебе с письмом»¹³⁵, «В ответе г-на аббата К[атлана], который Вы поместили в Ваших весьма содержательных “Новостях” за минувший сентябрь, более всего меня привлекает то, что благодаря ему я получил возможность приблизиться хотя бы отчасти к такому заслуженному человеку, как Вы»¹³⁶ и т. д. Далее эта же тенденция прослеживается по всему тексту – аргументы адресанта обращены непосредственно к адресату, зачастую со ссылками на предыдущие его статьи или письма. При этом сохраняется интенция к диалогу – замечания автора формулируются в виде вопросов или предложения к обсуждению: «Но, конечно, если Вы сумеете доказать Ваши положения в общей форме, не обращая внимания на мои уточнения, – в добрый час»¹³⁷, «Быть может, сударь, Вы знаете кого-нибудь еще, кто высказал свои соображения о моей гипотезе?»¹³⁸. Кроме того, Г.-В. Лейбниц пишет о себе в первом лице и в процессе изложения теоретических построения подчеркивает авторскую позицию, отмечает собственную реакцию на те или иные возражения оппонентов: «Должен сказать, что мне доставила большое удовольствие статья г-на Бейля о Зеноне»¹³⁹. Или: «Меня не устрашают парадоксы и не увлекают приманки новизны, и я счел, что предприму небесполезный труд, если попытаюсь коренным образом исследовать внутреннюю ткань твоего учения, ибо мне несвойственно возражать на заключения, пренебрегая доказательствами, которыми их подкрепляет автор»¹⁴⁰. Поскольку письма публикуются, по большей части, в виде отрывков, в которых опускаются этикетные формулы и приветственные слова, адресность писем не всегда явная, но имплицитно присутствует и легко вычитывается.

¹³⁵ Лейбниц Г.-В. Письма к Гоббсу // Сочинения в четырех томах: Т. I. М.: Мысль, 1982. с. 107.

¹³⁶ Лейбниц Г.-В. Переписка с П. Бейлем // Сочинения в четырех томах: Т. III. М.: Мысль, 1984. с. 346.

¹³⁷ Лейбниц Г.-В. Переписка с Н. Мальбраншем // Сочинения в четырех томах: Т. III. М.: Мысль, 1984. с. 299.

¹³⁸ Лейбниц Г.-В. Лейбниц – Бейлю // Сочинения в четырех томах: Т. I. М.: Мысль, 1982. с. 346.

¹³⁹ Лейбниц Г.-В. Разъяснение трудностей, обнаруженных г-ном Бейлем в новой концепции о взаимосвязи души и тела // Сочинения в четырех томах: Т. I. М.: Мысль, 1982. с. 324.

¹⁴⁰ Лейбниц Г.-В. Славнейшему мужу Томасу Гоббсу Готфрид Вильгельм Лейбниц // Сочинения в четырех томах: Т. I. М.: Мысль, 1982. с. 112.

Опубликованные статьи отличаются от писем и опубликованных писем, однако сохраняют адресную направленность, с той только разницей, что текст становится обращенным к более широкому кругу лиц. Так, например, статья «Краткое доказательство примечательной ошибки Декарта и других, относящейся к вводимому ими и применяемому в механике естественному закону, согласно которому Бог хранит всегда одно и то же количество движения»¹⁴¹ обращена, по видимому, к картезианцам, и, как пишут издатели русскоязычного текста, положила начало длительной полемике с единомышленниками Декарта. В другой статье встречаем: «Наконец, так как некоторые весьма уважаемые особы желали большего разъяснения моих взглядов, то я решился опубликовать эти размышления, хотя они, с одной стороны, никоим образом не могут быть для всех доступными, с другой – не могут прийтись по вкусу умам всякого сорта»¹⁴². Авторская позиция, преимущественно, сохраняется: «Между тем, по моему мнению, в этой области еще более, чем в самой математике, нужна ясность и достоверность...»¹⁴³. Диалогичность же, характерная для писем, наблюдается скорее в скрытом виде, и проявляется уже в виде цитирования и отсылок к чьим-либо работам.

Если мы вновь обратимся к определению научного письма, данного А. В. Курьянович, то обратим внимание на «соотношение “личной” и “неличной” информации в тематическом содержании писем с преобладанием в пользу последней». Научная переписка Лейбница, рассмотренная нами, характерна практически полным отсутствием личной информации. Письмо в данном случае выполняет функцию по передаче исключительно научной информации, не затрагивающей личную жизнь автора (пожалуй, за исключением переписки с Николаем Ремонем, которая носит во многом автобиографический характер).

¹⁴¹ Лейбниц Г.-В. Краткое доказательство примечательной ошибки Декарта и других, относящейся к вводимому ими и применяемому в механике естественному закону, согласно которому Бог хранит всегда одно и то же количество движения // Сочинения в четырех томах: Т. I. М.: Мысль, 1982. С. 118–124.

¹⁴² Лейбниц Г.-В. Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душою и телом // Сочинения в четырех томах: Т. I. М.: Мысль, 1982. с. 271. (Статья, опубликованная Г.-В. Лейбницем в 1695 г. в “Journal de Savant”).

¹⁴³ Лейбниц Г.-В. Об усовершенствовании первой философии // Сочинения в четырех томах: Т. I. М.: Мысль, 1982. с. 245. (Статья, опубликованная Г.-В. Лейбницем в 1694 г. в “Acta eruditorum”).

Однако при рассмотрении эпистолярного наследия В. И. Вернадского мы отмечаем, что здесь действительно имеет место сочетание личной и неличной информации, даже в переписке с коллегами-учеными. Более того, подробные и развернутые теоретические умопостроения, как в рассмотренных текстах Лейбница, заменяются на комментарии к уже опубликованным статьям: «Твою статью в сборнике прочел сейчас же. Мне хочется тебе высказать ряд заключений и недоумений, которые она во мне вызвала»¹⁴⁴; «Текст своей книги кончаю. Завтра посылаю последние страницы о газах воздуха. Остались – водород, гелий, озон, хлор, радиоактивные, эманации»¹⁴⁵; «В последнем номере “Природы”, посвященном Карпинскому, я помещаю небольшую заметку о земной коре в связи с входящими в ее состав элементами. Мне кажется, мне удалось в этой статье найти некоторые новые эмпирические правильности»¹⁴⁶, и др. Мы можем здесь отметить, что научное письмо уже не несет той функциональной нагрузки, которую оно имело до возникновения журнальной периодики, а научная статья во многом переняла на себя его функции. Оставаясь средством неформальной коммуникации ученых, письмо начинает выполнять сопровождающую роль, и основной целью его становится скорее не подробное сообщение о новых результатах научной работы, а сообщение о новых опубликованных статьях, планируемых книгах, открываемых институтах, и других событиях научной жизни.

Можно заключить, что научная статья становится непосредственным преемником научного письма и вместе с его функциями перенимает и коммуникативную интенцию, предполагающую нацеленность на конкретного адресата (который замещается впоследствии научным сообществом) и имплицитную диалогичность (что в большей или меньшей степени сохраняется в цитировании или, что гораздо реже, в явном обращении к коллегам).

¹⁴⁴ Письма академика В.И.Вернадского сыну (1922–1936) // Архивы Российской академии наук [Электронный ресурс]. URL: <https://arhiv.ru/vernad3> (дата обращения: 24.11.2024).

¹⁴⁵ Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману (1907–1944). М.: Наука, 1985. с. 28.

¹⁴⁶ Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым, 1918–1939. М.: Наука, 1979. с. 26.

2.2. Институционализация научной коммуникации в журнальной периодике

С развитием научных журналов статья оттеснила на задний план другие виды публикаций в коммуникативном пространстве современной науки, и именно по наличию публикуемых и цитируемых статей определяется профессионализм и продуктивность ученого. Подобного рода безоговорочный успех необъясним простой случайностью или стечением обстоятельств, а значит, обусловлен определенной причинностью, понимание которой может способствовать прояснению текущего коммуникативного статуса статьи.

Текст, который впоследствии стал называться научной статьей, изначально имел совершенно иную форму, структуру, способ представления информации. Еще в конце XIX века в статье отсутствовали такие структурные элементы как аннотация, список использованных источников и ключевые слова. Сведения об авторстве могли размещаться в конце статьи, могли быть вписаны непосредственно в название. При этом указание аффилиации и ученых регалий автора не являлось чем-то необходимым. В своем институциональном развитии научная статья прошла путь от полного отсутствия какой-либо регламентации к формальному структурированию, вплоть до того, что отсутствие тех или иных элементов может являться поводом для отказа в публикации.

Вместе с этим наблюдается и трансформация коммуникативного статуса научной статьи. Если с точки зрения формальной определенности статья, безусловно, превосходит письмо, то с точки зрения коммуникативной ситуации мы наблюдаем обратный эффект. В эпистолярной коммуникации однозначно определен автор и адресат некоторого сообщения. В статье же участники коммуникативного акта размываются – с одной стороны, вследствие опосредованности коммуникации институтом научного журнала, с другой – вследствие публичности коммуникации. Первый фактор приводит к трансформации авторства статьи, второй обуславливает изменение фигуры читателя. Принимая во внимание формальные изменения текста представляемого

сообщения, можно говорить о существенной трансформации научной коммуникации в рамках научной статьи.

Рассмотренные обстоятельства появления статьи позволяют говорить о мощном коммуникативном импульсе, полученном от научного письма. Изначальная ориентация на получение отклика на свою работу, творческое, авторское начало и направленность на то, чтобы быть понятым, были унаследованы статьей от предшественника-эпистолы. Однако отмечаемое у письма «стремление, осознанное или неосознанное, быть понятым лишь адресату <...> посторонний не всегда мог понять смысл написанного»¹⁴⁷ совершенно не свойственно научной статье. Текст ее принципиально обращен не к одному, но ко многим. Эта потребность исследователя быть понятым многими, уже просматриваемая в научной переписке, не могла быть удовлетворена посредством письма, какой бы широкой ни была сеть взаимных пересылок почтовых отправлений.

Публичность научного журнала открыла ученым именно эту возможность, что не могло не сказаться на интенсивности научных коммуникаций: «с 1660-х годов более или менее все европейские ученые могли принять непосредственное участие в обсуждении новых теорий или проектов. Так, потребовалось всего несколько недель, чтобы предложенная итальянским изобретателем Тито Ливио Бураттини схема строительства летательного аппарата была окончательно признана неработоспособной в результате анализа, проведенного такими исследователями как Ян Баптист ван Гельмонт, Кристиан Гюйгенс, Иоганн Иоахим Бехер, Марин Мерсенн и Теодор Хаак из Королевского общества»¹⁴⁸. Тем не менее, опубликованное опровержение работоспособности указанного аппарата не помешало польскому королю, у которого на тот момент служил итальянский изобретатель, финансировать заведомо провальный проект. Этот курьез позволяет говорить о том, что изначально, несмотря на публичность, научный журнал был

¹⁴⁷ Сметанин В. А. Новое в развитии представлений об эпистолографии // Античная древность и средние века. Свердловск, 1980. Вып. 17: Античные традиции и византийские реалии. с. 10.

¹⁴⁸ Behringer W. Communications Revolutions: A Historiographical Concept // German History. 2006. Vol. 24, № 3. p. 361–362.

средством коммуникации достаточно узкой группы лиц – исключительно исследователей, пусть пока и не дифференцированных дисциплинарно (пожалуй, за исключением медицинских журналов). Итак, один из факторов трансформации научной коммуникации в рамках статьи – заметное расширение адресности. Далее рассмотрим его более подробно, наряду с двумя другими – изменением авторства и преобразованием текста статьи.

Публикация письма-статьи сделала сообщение опосредованным, коммуникацию теперь обеспечивает научный журнал в лице редактора, а затем и рецензентов. Это отличает статью не только от письма, но и от книги, напечатанной в типографии. В своем исследовании институционализации науки Р. Мертон и Х. Цукерман указывают, что именно благодаря научным сообществам, обладающих определенной системой полномочий, существенно изменился характер научного текста: «Новые научные общества и академии семнадцатого века сыграли ключевую роль в становлении научного журнала, который занял важнейшее место в системе письменного научного обмена, до этого ограниченного письмами, трактатами и книгами. Эти организации создали такую структуру авторства, которая превратила обычную печать научной работы в ее публикацию»¹⁴⁹. Различие между «печатью» и «публикацией» – в экспертной оценке, предшествующей появлению печатного текста. До появления научных журналов рукописи печатались в типографиях без какой-либо проверки, и до публикации никто, кроме самого автора, не проводил компетентную оценку ее содержания. Ответственность за сообщаемые сведения и за форму, в которой они были представлены, лежала на самом авторе.

Система рецензирования, согласно Р. Мертону, возникла в ответ на конкретные проблемы публикации результатов научных исследований и как побочный продукт социальной организации ученых. Именно он определил “Philosophical Transactions” первым *рецензируемым* научным журналом и ввел это положение в историю науки. Процедура рецензирования рассматривается им как

¹⁴⁹ Zuckerman H., Merton R.K. Patterns of Evaluation in Science: Institutionalisation, Structure and Functions of the Referee System // Minerva. 1971. Vol. 9, № 1. p. 68.

необходимая функция института науки, обеспечивающая контроль качества публикаций и, таким образом, способствующая росту научного знания.

Однако, согласно более поздним исследованиям, рецензирование как внешняя оценка независимыми экспертами статьи, поступающей в журнал для публикации, с письменным ответом автору о внесении необходимых изменений – гораздо более позднее явление, чем представляется в работе Р. Мертон и Х. Цукерман. Возможно, разночтения здесь возникают в трактовке понятия «рецензирование», и Р. Мертон понимал его более широко, как проверку качества рукописи перед печатью, нежели современные исследователи (как письменно задокументированную проверку более чем одним независимым от издания экспертом, допускающую замечания касательно содержания статьи). Тем не менее, немаловажно, что рецензирование именно в современном смысле этого слова возникло значительно позже.

Об отборе работ непосредственно в “Philosophical Transactions” М. Болдуин пишет, что «Ольденбург¹⁵⁰ редко консультировался с кем-либо за пределами редакции о том, что должно быть опубликовано в “Philosophical Transactions”, и так тщательно контролировал содержание журнала, что иногда называл себя его “автором”. Не было даже формального процесса подачи заявок. Ольденбург просто печатал то, что считал интересным, и то, что, по его мнению, могло бы быть полезным читателям журнала, в том числе не только экспериментальные статьи, но и пересказы чужих экспериментов, обсуждения последних книг и даже свою личную переписку»¹⁵¹. Если редактор журнала был активно действующим посредником в научной коммуникации с самого начала возникновения научного журнала (а до него – в качестве «центра переписки»), то фигура рецензента возникает примерно в XIX в. Хотя сейчас сложно представить авторитетное издание, в котором публикуемые материалы не проходили бы рецензирование, более или менее повсеместное применение эта практика получила только к середине XX века: «Судя по всему, 1960-е и 1970-е годы были решающим

¹⁵⁰ создатель и первый редактор Philosophical Transactions.

¹⁵¹ Baldwin M. In Referees We Trust? // Physics Today. 2017. Vol. 70, № 2. p. 45.

периодом в переходе на экспертную оценку. В середине 20-го века внешнее рецензирование было всего лишь одним из нескольких методов, которые журнал или организация, выдающая гранты, могли использовать, чтобы выбрать, какие материалы принимать или отклонять. К концу “холодной войны” экспертная оценка стала необходимым условием научной респектабельности»¹⁵².

Оценивание рукописей перед публикацией сначала редактором (или редакционной коллегией) журнала, а затем институционально одобренными рецензентами со временем ужесточалась. Прежде чем нечто будет опубликовано, попадет в публичную сферу и сможет быть воспринято членами научного сообщества, оно с необходимостью пройдет экспертную проверку. Между автором и читателем встают и редактор, и рецензент, которые определяют, кто будет допущен к коммуникации, и какие условия для этого необходимо соблюсти. Как пишет Дж. Займан, «Статья в журнале с высокой репутацией – не собственное мнение автора, она несет на себе след влияния научной идентичности, привнесенной советами редактора и рецензента»¹⁵³.

Здесь мы видим, как научная коммуникация постепенно обрывает все большим количеством посредников. Научная статья, изначально возникшая как опубликованное письмо, краткое сообщение об открытии, присланное автором в редакцию, получает все больше «подключений», связывающих ее с другими акторами – как людьми, так и не-людьми, такими как правила оформления библиографии или международные базы цитирования. Уже в приведенной цитате Дж. Займана можно заметить, что репутацией обладает сам журнал (не редактор, не редколлегия, а некоторый *коллектив* (вполне в латурианском смысле), который называется «научный журнал»).

Влияние редактора и рецензента на конечную публикацию статьи можно рассматривать, по меньшей мере, в двух аспектах: во-первых, отказ или принятие материалов к публикации, и, во-вторых, внесение поправок непосредственно в содержание публикуемой статьи. Иногда требование правок может быть

¹⁵² Ibid., p. 49.

¹⁵³ Ziman J.M. Public Knowledge: an Essay Concerning the Social Dimension of Science. London: Cambridge University Press, 1968. p. 148.

минимальным или вообще отсутствовать – но и этот случай свидетельствует об определенной позиции редколлегии журнала и внешних рецензентов. В идеальной ситуации «чистой науки» отбор рукописей к публикации выглядит следующим образом: «ученые с определенным сочетанием профессиональных характеристик присылают статьи определенного рода, которые затем оцениваются рецензентами с определенным же набором профессиональных характеристик. Рецензенты советуют редакторам, как надлежит распорядиться статьями»¹⁵⁴. В действительности львиная доля критики института рецензирования направлена на степень компетентности рецензентов и возможности ее оценки, а также на наличие у рецензентов тех или иных предубеждений – как профессиональных, так и личных. Случай слепого рецензирования, помимо указанных замечаний, критикуется за иллюзорность ситуации «слепоты», так как действительно компетентные исследователи в научной отрасли потенциально могут определить авторство текста, даже если его формальные признаки удаляются из рукописи при подготовке к рецензированию.

Так или иначе, конечный результат – опубликованная в журнале статья – обусловлен профессиональными характеристиками автора и рецензентов. Первичный отклик на результаты исследования появляется именно на этом этапе публикации статьи, и уже здесь автор вступает в коммуникацию с отдельным научным журналом как институциональным явлением. На сегодняшний день рецензенты, как правило, не просто дают рекомендации редактору касательно принятия или отклонения рукописей – их отзывы предоставляется авторам с целью внесения формальных или содержательных исправлений. И отказ в публикации, и одобрение должны быть обоснованы. Автор волен вносить или не вносить исправления, предлагаемые рецензентами, но во втором случае его статья может быть отклонена. Итогом такой коммуникации будет, с одной стороны, подтверждение права автора на внесение определенного вклада в корпус научного

¹⁵⁴ Уитли Р. Д. Деятельность научных журналов: анализ двух случаев в британской социальной науке // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов. М.: Прогресс, 1976. с. 352.

знания, а с другой – разделение ответственности за публикацию между автором и теми, кто допустил его к публикации.

Автор перестает нести единоличную ответственность за статью с тех пор как публикация результатов исследования становится рецензируемой. Результаты научного творчества становятся принципиально коллективными, но не просто коллективными, а коммуникативными, поскольку публикация статьи является результатом коммуникации как минимум трех акторов – автора, редактора и рецензента. «Решения, принимаемые издателями журналов по поводу присылаемых им рукописей, интересны в том отношении, что они влияют на карьеру авторов и, по-видимому, формируют представление об “узаконенности” того или иного элемента научного знания»¹⁵⁵.

Более того, статья в любом научном журнале представляет позицию самого издания, которая проявляется в решении о принятии или отклонении работы. Исследования, проводимые еще в 70-х годах XX в., показали, что «Для большинства авторов отклонение их рукописи редакцией не означает отказа от публикации работы. 61% авторов, работы которых были однажды отклонены, представили их в редакции того или иного журнала заново. Авторы докладов, очевидно, пытаются сначала опубликовать материал в журналах центральной для данной дисциплины группы и, если это не удастся, обращаются в другие журналы. 80% отклоненных рукописей были первично представлены в редакции журналов центральной группы. При следующей попытке докладчиков опубликовать материалы доклада в редакции журналов этой группы представлялось только 39% рукописей»¹⁵⁶. Почему одни журналы отклоняют рукописи, а другие – нет? То же касается и авторов. Почему в одни журналы подают статьи, а в другие – нет? Именно здесь можно обнаружить работу механизма накопления специфического научного капитала, о котором говорит П. Бурдьё. Объем научного капитала журнала, определяющего его авторитет в конкретной сфере исследований, определяется качеством статей, публикуемых на его страницах. И при этом

¹⁵⁵ Там же, с. 351.

¹⁵⁶ Лин Н., Гарвей У. Д., Нельсон К. Е. Исследование коммуникационной структуры науки // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов. М.: Прогресс, 1976. с. 313–314.

публикация в журнале с высокой репутацией является для ученого подтверждением обладания определенным научным капиталом. Эта ситуация своеобразного *взаимного приращения научного капитала*, вызванная расширением авторства, нашла свое численное выражение в импакт-факторе журнала. Этот показатель основан на двух других – «числитель, который представляет собой число статей, опубликованных в журнале за предыдущие 2 года и цитируемых в текущем году; и знаменатель – количество материалов, опубликованных за эти же 2 года»¹⁵⁷. Изначально импакт-фактор был введен исключительно для ранжирования научных журналов, но со временем его стали использовать и для оценки продуктивности ученых. Хотя создатели данного показателя не предусматривали для него подобного применения¹⁵⁸, это выглядит вполне закономерным, если учесть механизм накопления научного капитала автором и журналом.

Помимо расширения авторства при посредничестве журнала следует отметить еще одно изменение адресанта сообщения, сопутствующее развитию научной коммуникации, а именно – возникновение соавторства. Первая работа в соавторстве была опубликована на первом же году существования научных журналов: «Самая ранняя совместная статья была опубликована в 1665 году за авторством Хука, Ольденбурга, Кассини и Бойля. До конца семнадцатого века всего шесть статей было опубликовано в соавторстве. Еще сорок одна совместная статья была написана в восемнадцатом веке, и двадцать шесть из них (или 55% от общей выборки [за период 1665-1800 гг. – Е. III.] и 65% от всех статей в соавторстве за восемнадцатый век) были написаны между 1760 и 1800 годами»¹⁵⁹. Согласно авторам цитаты, эта тенденция связана с процессом профессионализации науки, который значительно ускорился во второй половине XVIII в. Со временем рост соавторства только усиливался, а в конце XX – начале XXI вв. приобрел невиданные масштабы: «В начале 1980-х годов работы более чем 100 авторов были редкостью. К 1990 году годовой показатель с этим числом превысил 500 – и

¹⁵⁷ Garfield E. The History and Meaning of the Journal Impact Factor // JAMA. 2006. Vol. 295, № 1. p. 90.

¹⁵⁸ Ibid., p. 92.

¹⁵⁹ Beaver D. deB, Rosen R. Studies in Scientific Collaboration // Scientometrics. 1978. Vol. 1, № 1. p. 73.

продолжает расти. Первая работа с 1000 авторов была опубликована в 2004 году; в 2008 году появилась статья с 3000 авторов. В прошлом году¹⁶⁰ в общей сложности 120 статей по физике насчитывали более 1000 авторов, а 44 – более 3000»¹⁶¹. В 2015 году статья-рекордсмен насчитывала 5154 авторов¹⁶², в которой один только список авторов, без учета их аффилиаций занял 15,5 страниц из 33. В 2021 году был поставлен новый рекорд – 15025 авторов¹⁶³.

Увеличение количества соавторов колеблется от отрасли к отрасли, при этом естественнонаучные дисциплины заметно опережают гуманитарные. Рекордсменами в этом отношении являются биомедицина и физика высоких энергий – направления в науке, связанные с работой крупных исследовательских коллективов (первая из приведенных статей-рекордсменов сообщала о некоторых результатах работы большого адронного коллайдера, вторая посвящена исследованию вакцинации от COVID-19). Как указывает исследователь научной коммуникации Б. Кронин: «В то время как традиционная модель авторства сохраняется, прежде всего, в гуманитарных науках, она уже не является единственной или доминирующей моделью в некоторых естественнонаучных¹⁶⁴ специальностях»¹⁶⁵. Б. Кронин называет данный феномен «гиперавторством», но разрастание международных коллабораций приводит к ситуации «мультиавторства»¹⁶⁶, в которой одна научная статья соединяет «много авторов/много стран». Здесь уже уместнее говорить не о «коллективе авторов», а об «авторе-коллективе», как собранном множестве акторов (включающем в себя и не-людей), результатом деятельности которого является научная статья. В упомянутой статье по исследованию вакцинации от COVID-19 под заголовком

¹⁶⁰ 2011 г.

¹⁶¹ Adams J. The Rise of Research Networks // *Nature*. 2012. Vol. 490, № 7420. p. 335.

¹⁶² Aad G. et al. Combined Measurement of the Higgs Boson Mass in pp Collisions at $\sqrt{s} = 7$ and 8 TeV with the ATLAS and CMS Experiments // *Physical Review Letters*. 2015. Vol. 114, № 19. P. 191803.

¹⁶³ COVIDSurg Collaborative, GlobalSurg Collaborative. SARS-CoV-2 Vaccination Modelling for Safe Surgery to Save Lives: Data from an International Prospective Cohort Study // *British Journal of Surgery*. 2021. Vol. 108, № 9. P. 1056–1063.

¹⁶⁴ scientific.

¹⁶⁵ Cronin B. Hyperauthorship: A Postmodern Perversion or Evidence of a Structural Shift in Scholarly Communication Practices? // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2001. Vol. 52, № 7. P. 559.

¹⁶⁶ Адамс Дж. Мегасоавторство и научная аналитика / Дж. Адамс, Р. Поттер, Д. Пендлбери, М. Шомшор // *Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. с. 325–346. (Оригинальное название – Multi-authorship and Research Analytics).

приводится только название коллабораций – COVIDSurg Collaborative, GlobalSurg Collaborative – с пометкой: «Члены CovidSurg Collaborative и GlobalSurg Collaborative являются соавторами этого исследования и перечислены в разделе “Соавторы”»¹⁶⁷ (список соавторов прилагается к статье в отдельном файле, который можно скачать на сайте журнала). Создание научной статьи в подобной коллаборации едва ли можно назвать написанием – это скорее составление согласно заранее установленному механизму, включающему обсуждение в редакционном совете, публичные чтения, открытость текста для последовательного комментирования, редактирования всеми членами рабочей группы т. д. «Автор-коллектив» – это не тот, кто *пишет* статью, а тот, кто *производит* знание, изложенное в статье, он становится «социальным феноменом, сущностью с неопределяемыми границами, широким географическим разбросом, вариабельной формой и произвольной внутренней структурой»¹⁶⁸.

В коммуникативной перспективе возникает иная проблема – а именно, обезличивание автора и еще большее распределение ответственности за конечный текст. Гипер/мульти-авторство статьи практически тождественно полной ее анонимности – личность автора исчезает из текста постольку, поскольку таких личностей – необозримое (хотя исчислимое) множество. Представленные подобным образом статьи скорее похожи на официальные «сводки с научного фронта», публикуемые на страницах ведущих журналов, нежели на письмо коллеге-ученому, и можно согласиться с А. Антоновским, который утверждает, что «собственно говоря, коммуницируют не люди. Скажем, в случае естественных наук коммуницируют результаты исследований. Эти исследования публикуются, они определяют перспективы дальнейших исследований как бы в ответ на предшествующие исследования»¹⁶⁹.

Таким образом, с институционализацией научной коммуникации посредством научных журналов мы обнаруживаем существенную трансформацию

¹⁶⁷ COVIDSurg Collaborative, GlobalSurg Collaborative. SARS-CoV-2 Vaccination Modelling for Safe Surgery to Save Lives: Data from an International Prospective Cohort Study // British Journal of Surgery. 2021. Vol. 108, № 9. p. 1056.

¹⁶⁸ Галисон П. Коллективный автор // Вопросы философии. 2018. № 5. с. 96.

¹⁶⁹ Коммуникации в науке: эпистемологические, социокультурные, инфраструктурные аспекты. Материалы «круглого стола» // Вопросы Философии. 2017. № 11. с. 43.

авторства текста. С одной стороны, авторство существенно расширяется за счет опосредованности коммуникации, вследствие чего ответственность за конечное сообщение распределяется между автором и журналом (где известен редактор, но, как правило, неизвестны рецензенты, и вопрос критериев отбора статей к публикации может стоять достаточно остро). С другой стороны, количество авторов одной статьи неуклонно растет и это приводит к возникновению «автора-коллектива», в котором размываются границы индивидуального авторства, что порождает проблемы интерпретации исследовательского вклада и возможности недобросовестных манипуляций с количеством авторов.

Другой актер коммуникативной ситуации статьи – адресат, также не остается неизменным. Ключевым аспектом этой трансформации стала собственно публикация текста. Научная коммуникация стала носить принципиально публичный характер, а письмо коллеге-ученому сменилось письмом всему научному сообществу. При публикации статей в журнале читатели становятся, в том числе, «следящими за качеством» публикаций и в случае, если наполнение сборника не соответствует их профессиональным ожиданиям, читатели могут выразить свое недовольство. Таким образом публичность обеспечивает дополнительный контроль того знания, которое будет достойно войти в «научный архив»¹⁷⁰.

На первых порах становления научных журналов адресат писем-статей постепенно приобретал коллективный характер, однако все же был ограничен немногочисленным сообществом: «...в рядах организаций-неофитов¹⁷¹ состояло большинство авторов, читателей и редакторов научных журналов XVII-го века»¹⁷² – утверждают исследователи. Коммуникация на страницах журналов первое время сохраняла диалогичность, характерную для личной переписки, правда, в скрытом виде (в ранних “Philosophical Transactions of the Royal Society of

¹⁷⁰ Zuckerman H., Merton R.K. Patterns of Evaluation in Science: Institutionalisation, Structure and Functions of the Referee System // Minerva. 1971. Vol. 9, № 1. с. 68.

¹⁷¹ Royal Society of London и Academie Royale – Е. III.

¹⁷² Gross A.G., Harmon J.E., Reidy M.S. Communicating Science: The Scientific Article from the 17th Century to the Present. Cary: Oxford University Press, Incorporated, 2002. p. 32.

London” нередко публикации под заголовком «Ответ на публикацию...»¹⁷³). Такая диалогичность, унаследованная от эпистолярного жанра и присущая ранним публикациям, сохранилась в виде традиции научных дискуссий на страницах журналов. Впоследствии же, с вовлечением в научную деятельность все большего количества исследователей, адресат становится безликим – неизвестно, кто прочтет статью после публикации (в условиях открытого доступа к материалам журнала это может быть и человек, никак не связанный с наукой, а с развитием технологий ИИ – и не только человек). Более того, неизвестно, прочтет ли ее вообще кто-либо. Дж. де С. Прайс указывает на возможность появления уже в середине XX в. статей, которые, по большому счету, никому, кроме автора, не нужны: «Возможно, что научную статью пишут вовсе не потому, что кто-то нуждается в ее чтении»¹⁷⁴ – пишет он. С обезличиванием адресата постепенно утрачивается и диалогичность статьи – в наши дни научная статья представляет собой монолог, где в лучшем случае симуляция диалога воспроизводится посредством цитирования. Механизмы оценки и отбора знания, достойного войти в корпус науки, сохраняются, но также приобретают массовый характер: «Сотни тысяч ученых-исследователей – независимо от коллегиальных фильтров научных организаций – осуществляют массовую оценку сотен тысяч публикаций, по итогам которой принимается квазискоординированное решение о том, достойно ли то или другое научное сообщение критического или позитивного ответа на него»¹⁷⁵.

Однако безличности адресата (того, кому направлено сообщение) сопутствует многоликость читателя (того, кто прочитает, или может прочитать опубликованную статью). Слияние технического искусства и теоретического знания, породившее современную науку¹⁷⁶, вследствие крайней специализации научных исследований в XX в. сменилось разделением прежде однородного сообщества естествоиспытателей на ученых и инженеров, теоретиков и практиков.

¹⁷³ Philosophical transactions of the Royal Society of London. London: Royal Society of London, 1665. Vol. v.1=no.1–22 (1665-1666). 434 p.

¹⁷⁴ Прайс Д. Дж. де С. Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов. М.: Прогресс, 1976. с. 96.

¹⁷⁵ Антоновский А. Ю., Бараш Р.Э. Введение в системно-коммуникативную философию науки. М.: ООО Издательская группа «Логос», 2023. – С. 314.

¹⁷⁶ См. Гайденок П. П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 528 с.

Так появилась отдельная группа профессионалов, которые не являются авторами научных статей, но при этом активно их читают – это, прежде всего, работающие инженеры и практикующие врачи, если речь идет о естественных науках. Кроме того, своеобразным читателем (а иногда и непосредственным адресатом) научной статьи становится организация, финансирующая и контролирующая научные исследования (в лице назначенных экспертов) – будь то государство, частная корпорация или фонд, предоставляющий гранты.

В том же, что касается трансформации текста статьи, крайне обширное исследование было проведено группой ученых под руководством А. Гросса¹⁷⁷. На богатом эмпирическом материале научных публикаций исследователи проанализировали изменения стиля (синтаксические и лексические особенности текста), презентации (структурирование текста статьи и отображение данных) и аргументативных приемов, применяемых в статьях. Для репрезентативности выборки учеными были отобраны научные статьи, охватывающие в совокупности четыре столетия (XXVII, XXVIII, XIX и XX вв.), опубликованные на английском, французском и немецком языках в наиболее значимых журналах основных отраслей естественнонаучного знания (астрономия, физика, химия, биологические науки и науки о земле). Всего 430 статей было подробно изучено на предмет аргументации и презентации текста, 1800 статей – проанализировано с точки зрения стиля. Данное исследование затрагивает только публикации в области естествознания, однако гуманитарное знание в процессе институционализации также следует за естественными науками. А это значит, что полученные А. Гроссом результаты весьма показательны для учета основных тенденций трансформации текста научной статьи вообще. Так, исследователям удалось зафиксировать следующие ее существенные изменения:

1. Стиль статьи менялся от эпистолярного и эссеистического, которым свойственна близость к повседневной речи и употребление разговорной лексики, до специального и терминологически нагруженного. Текст становился безличным

¹⁷⁷ Gross A. G., Harmon J. E., Reidy M. S. *Communicating Science: The Scientific Article from the Seventeenth Century to the Present*. New York: Oxford University Press, 2002. 567 p.

с преобладанием пассивного залога и отсутствием личных местоимений (во всех трех рассматриваемых языках), явно предназначенная для передачи сведений от специалиста специалисту.

2. Презентация менялась в сторону большей структурированности, от эпистолярного, «сплошного» текста, предназначенного для чтения от начала до конца, к тексту, оптимизированному для различных поисковых систем и «быстрого чтения», которое позволяет без подробного ознакомления с полным текстом статьи сделать вывод о содержащейся в ней информации.

3. Развитие научной аргументации, представленной в статьях, показало, что первые тексты отсылают к весьма широкому кругу верификационных средств, вплоть до того, что свидетельства пяти органов чувств, подкрепленные «честным словом джентльмена», предложившего к публикации статью, являются вполне достаточными для убеждения в достоверности исследования. В настоящее время любые утверждения должны быть строго аргументированы и обоснованы, иногда – вплоть до приложения «сырых данных»¹⁷⁸.

Некоторые положения, выдвигаемые исследователями, выглядят спорными: отнесение цитирования к способам презентации текста, в то время как его можно отнести к средствам аргументации; сведение коммуникативной компоненты текста исключительно к презентации и стилю (что может быть вызвано изначальной риторической ориентацией авторов данной работы). Тем не менее, обнаруженные ими тенденции весьма эвристичны для понимания процессов, происходивших с научной статьей на протяжении всего времени ее существования. Кроме того, они показали, что привычные для нас элементы статьи – аннотация и ключевые слова, – появились в 1920-1921 гг. по инициативе астронома Г. С. Фульчера¹⁷⁹. Практика цитирования в современном смысле этого слова также распространилась только к 20-м годам XX в.¹⁸⁰. До этого времени цитаты встречаются редко, позже частота цитирования доходит до одной-двух цитат на каждые сто слов. Более того, до

¹⁷⁸ Ibid., p. 9–10.

¹⁷⁹ См. Fulcher G. S. Preparation of Abstracts // *Astrophysical Journal*, 1920. Vol. 51. P. 255–256.; Fulcher G. S. Scientific Abstracting // *Science*, 1921. Vol. 54. P. 291–295.

¹⁸⁰ Gross A. G., Harmon J. E., Reidy M. S. *Communicating Science: The Scientific Article from the Seventeenth Century to the Present*. New York: Oxford University Press, 2002. p. 170.

1950 г. пристатейный список литературы присутствовал только у 18% статей, после 1950 г. – у 84%. Соответственно, сколь-нибудь стандартизированное представление текста цитаты и названия цитируемых источников также было установлено примерно в это же время (при этом, единого межнационального стандарта оформления цитирования не существует до сих пор). Известное утверждение Р. Мертона о том, что «сама форма научной статьи в том виде, в каком она сформировалась за последние три столетия, требует, чтобы авторы указывали, на чьих плечах они стоят»¹⁸¹, строго говоря, в полной мере соответствует лишь современному ему и нам состоянию научной периодики.

Таким образом, в качестве *выводов* укажем, что в процессе институционализации научной коммуникации статья превратилась в стандартизированное безличное сообщение, передаваемое посредством научного журнала от автора, говорящего от лица научного сообщества и разделяющего ответственность за публикацию с редактором и рецензентами, к принципиально неопределенному читателю, при этом написанное на языке, доступном для прочтения лишь профессионалам.

2.3. *Современные сетевые форматы научной статьи*

Возникновение и становление интернета как средства массовой коммуникации существенно дополнило и преобразило те способы получения и передачи информации, к которым обращался человек в поисках новых знаний. История интернета насчитывает уже не одно десятилетие, однако возможности, которые он нам предоставляет, и его дальнейшие пути развития все еще не до конца ясны. На данный момент сложно оценить его влияние и на научную коммуникацию, однако уже сейчас можно не только отметить существующие практики научной коммуникации в интернет-пространстве, но и очертить некоторые направления ее возможной трансформации.

¹⁸¹ Мертон Р. К. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. 1993. Вып. 3. с. 272.

Примечательно, что интернет как социокультурное явление на первых этапах формировался под влиянием идеалов научно-технического сообщества. Как пишет С. В. Тихонова, «интернет создавался в академических кругах и обслуживающих их научно-исследовательских подразделениях, на профессорских “командных высотах” и в аспирантских “окопах”, откуда соответствующие ценности, обычаи и знания проникли в культуру хакеров. Связь моделей общения в интернет-среде с контекстом университетской культуры и научного этоса была изначальной»¹⁸². Интернет воспринимался как идеальное место для быстрого, свободного и открытого обмена научной информацией, как уникальная площадка для самоорганизации и кооперации профессионального сообщества, а гипертекст представлялся принципиально новым форматом представления знания, гораздо более перспективным по сравнению с устаревающей «бумагой». Такие трактовки были характерны для рефлексии интернет-коммуникации нулевых годов XXI в. «Электронный текст, существующий в сети Интернет в форме гипертекста, – это не просто источник знаний и коммуникативный элемент одновременно. Любой источник информации, вписанный в поликонтекстуальную и интердисциплинарную структуру сети, непредсказуемым образом сразу попадает в ее интердисциплинарный контекст, актуализирует новые смыслы, порождает новые связи»¹⁸³ – писал И. Е. Москалев. Интернет в данном случае представал как нечто автономное и неуправляемое, нечто, что даст полную свободу информации и обеспечит ускорение роста научного знания.

Научная статья в таких условиях претерпевает ряд трансформаций, и самым незначительным изменением становится публикация в электронном научном журнале. Развитие электронных журналов можно условно поделить на три стадии: 1) возникновение инновационных, исключительно электронных научных журналов (1987 г.); 2) введение электронных версий печатных изданий (1997 г.); 3) появление электронных журналов, основанных на принципе «открытого доступа» (2000 г.)¹⁸⁴.

¹⁸² Тихонова С. В. Социальные сети: проблемы социализации интернета // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. с. 141.

¹⁸³ Москалев И. Е. Сети научных коммуникаций: междисциплинарный подход // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. с. 210.

¹⁸⁴ Mackenzie Owen J.S. The Scientific Article in the Age Of Digitization. Dordrecht: Springer, 2007. p. 34.

Указанное исследование показало, что даже доля исключительно электронных журналов несоизмеримо меньше, чем доля печатных журналов с их цифровыми версиями. Кроме того, различные формальные возможности, предоставляемые электронной версией (такие как добавление гиперссылок, мультимедиа и т.д.) используются авторами крайне редко. Таким образом, даже в электронных научных журналах научная статья осталась в основном неизменной. Несмотря на то, что приводимое исследование относится к 2007 году, за прошедшие годы в этой сфере мало что изменилось и многие журналы, даже публикуемые исключительно в сети, воспроизводят привычный формат научной статьи. Тем не менее, развитие электронных форм научных журналов привело к ряду положительных для сообщества последствий – прежде всего, «упрощение доступа к цифровым архивам, релевантным для исследователей, возрастание скорости обмена информацией, укрепление связей внутри научного сообщества за счет облегчения коммуникации»¹⁸⁵.

Особое воздействие на способ существования научной статьи оказало распространение всевозможных баз цитирования и различных агрегаторов статей (как международных, так и национальных). В базе цитирования статья, как правило, представлена в сокращенной версии – название, сведения об авторах, аннотация, ключевые слова, список литературы. В таком же виде статьи представлены на сайтах журналов, не предполагающих открытый доступ к статьям. Читатели в первую очередь знакомятся именно с указанными метаданными, на основании которых принимают решение о том, читать приведенную статью или нет. Кроме того, возможность поиска по базам цитирования и библиотекам научных статей избавляет читателя от необходимости пролистывать журнал в поисках интересующих его статей. Мы читаем не журналы, мы читаем публикации отдельных авторов (независимо от журнала, в котором они опубликованы). Разумеется, существуют исключения – прежде всего, это журналы, знаковые для какой-либо дисциплины, но они все же достаточно редки. Таким образом, научный

¹⁸⁵ Семенов Е. В., Соколов Д. В., Гайдин Б. Н. Цифровая трансформация научных коммуникаций: научный журнал в формате электронного издания // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 2. с. 220.

журнал, с одной стороны, все еще необходим для того, чтобы обеспечивать отбор публикуемых статей и остается своеобразным «знаком качества». С другой стороны, он становится менее заметен – в базах цитирования и электронных библиотеках статья обретает определенную самостоятельность.

Более заметным нововведением, повлиявшим на способ существования научной статьи, стали площадки обмена препринтами (или е-принтами) как способ низовой организации научной коммуникации. Изначально термин «препринт» понимался как рукопись, предназначенная для публикации. Со временем контексты его употребления расширились, но в целом под этим названием понимается готовый текст, содержащий результаты исследования, но еще не опубликованный в научном журнале. К препринтам относят также следующие формы коммуникации: «промежуточные доклады об исследовательских проектах, которые автор размножает и рассылает друзьям (включая и тот вид циклической коммуникации, который используется в “Невидимых колледжах”); размноженные копии докладов, которые докладчик оставляет у себя для распространения на заседаниях конференции, причем неясно, будут ли они когда-либо опубликованы в будущем; полуформальные черновики статей, которые автор планирует или надеется опубликовать после доработки»¹⁸⁶. Однако со временем понимание препринта стало гораздо более формальным, вплоть до появления образца специального библиографического описания. Если изначально под препринтом рассматривался некоторый текст, распространяемый автором в кругу своих коллег и знакомых ученых, то сейчас препринт предполагает процедуру официального размещения в репозитории (указанные ранее типы текстов скорее будут отнесены к рукописям). С формальной точки зрения, препринт позволяет обойти ограничения по объему, предъявляемые к статьям, оформление препринта также предполагает меньшую строгость в соблюдении структурных требований, но, особенно с учетом того, что препринт нередко предполагает возможность

¹⁸⁶ Первичные формы научной коммуникации // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов / ред. Э. М. Мирский, В. Н. Садовский. М.: Прогресс, 1976. с. 62.

дальнейшего опубликования в журнале, он представляет собой, по сути, *предпубликационный вид* научной статьи.

Появление этого средства научной коммуникации было обусловлено рядом недостатков, сопутствующих формальной журнальной публикации, и прежде всего – увеличением публикационных задержек, связанных с рецензированием, редактурой и собственно подготовкой к печати. Кроме того, возрастающая коммерциализация журнальной периодики также подтолкнула исследователей к поиску неформальных альтернатив журналам. Немаловажным достоинством препринтов является допустимость описания исследовательских неудач, в то время как статьи с отрицательными результатами практически не публикуются. И хотя были предположения, что благодаря своей гибкости и скорости препринты могут вытеснить научную статью из сферы коммуникации, этого, тем не менее, не произошло.

С развитием интернета формат препринта обрел новую жизнь. Все еще сохраняя формат, близкий к статье, препринт превращается в «e-print», электронную публикацию. Техническая возможность быстрого публичного размещения в сети результатов исследования не могла пройти мимо научного сообщества, и в 1991 году был создан первый репозиторий препринтов arXiv.org¹⁸⁷, который на данный момент является крупнейшей бесплатной библиотекой научных статей и препринтов по физике, математике, астрономии и информатике. С 2004 года к перечню дисциплин, по которым публикуются препринты, добавились финансы, биология, экономика и статистика. Этот формат представления публикаций оказался столь эффективным, что к 2024 году количество статей в «архиве» превысило 2,4 млн. публикаций.

Для понимания значимости данного репозитория в области точных и естественных наук показательным является случай Григория Перельмана, известного российского математика, получившего премию Филдса за

¹⁸⁷ arXiv.org URL: <http://arxiv.org/> (дата обращения: 25.11.2024).

доказательство гипотезы Пуанкаре. Статьи с расчетами¹⁸⁸ он опубликовал в 2003 г. в репозитории arXiv.org, более того, после этого данные материалы не публиковались ни в одном рецензируемом научном журнале. Таким образом, опубликованные статьи можно характеризовать не как препринты, рукописи, предназначенные для публикации, но как е-принт, статью, опубликованную в интернете. Хотя Перельман и был на тот момент сотрудником университета (Санкт-Петербургского института им. Стеклова), имел публикации в журналах, авторитетных в математическом сообществе, тем не менее, статьи с наиболее важными открытиями он опубликовал на arXiv.org. Указанных статей нет в привычных базах цитирования (eLibrary, Scopus, Web of Science) исключение составляет база цитирования Citebase, в которую автоматически попадают материалы, опубликованные в «архиве», при этом индекс Хирша у Г. Перельмана в указанных системах низок – он равен пяти. К проблемам наукометрических показателей мы вернемся позднее, сейчас отметим то, что ученый предпочел скорость и открытость публикации тем гарантиям и репутационным вознаграждениям, которые предлагают рецензируемые научные журналы.

Условия публикации препринта на arXiv.org следующие: «После предварительной регистрации, авторы могут представлять свои статьи в архив. Статьи рекомендуется подавать на английском, но они могут быть написаны на любом языке с обязательной англоязычной аннотацией <...> По желанию авторы могут обновлять свои статьи, предоставляя исправленную и дополненную версию, а также имеют право удалять свои публикации при необходимости»¹⁸⁹. Статьи публикуются достаточно быстро, проверки редакторами и рецензентами не проходят. В связи с этим ресурс столкнулся с большим количеством псевдонаучных публикаций от случайных пользователей. Для исправления этой ситуации создателям репозитория пришлось внести следующие ограничения для желающих опубликоваться: «с 2004 года введена система предварительного

¹⁸⁸См. Perelman G. The entropy formula for the Ricci flow and its geometric applications: arXiv:math/0211159. arXiv, 2002.; Perelman G. Ricci flow with surgery on three-manifolds: arXiv:math/0303109. arXiv, 2003.; Perelman G. Finite extinction time for the solutions to the Ricci flow on certain three-manifolds: arXiv:math/0307245. arXiv, 2003.

¹⁸⁹ Богданова И. Ф. Онлайн-пространство научных коммуникаций // Социология науки и технологий. 2010. Том 1, №1. с. 146.

подтверждения (endorsement), в соответствии с которой автор, направляющий статью, должен быть “эндорсером” или статья должна быть рекомендована другим “эндорсером”. Статус “эндорсера” автоматически получают авторы из признанных академических учреждений»¹⁹⁰.

Таким образом, с формальной точки зрения требования к препринтам схожи с требованиями к обычным статьям – аннотация, ключевые слова, список литературы остаются обязательными элементами. При этом из коммуникации полностью устраняется посредник-журнал, что лишает публикацию репутационной поддержки журнала, с одной стороны, а с другой – предоставляет больший контроль над публикацией самому автору, восстанавливая, отчасти, дожурнальную коммуникативную ситуацию, с поправкой на публичность (пожалуй, у того же arXiv.org куда больше читателей, чем у среднего научного журнала). Однако у репозиториев препринтов возникают проблемы с контролем соответствия публикаций научным стандартам. Возможно, это одна из проблем, из-за которых популярность препринтов как средства коммуникации не столь высока. Тем не менее, скорость публикации препринтов может становиться критически значимым фактором в ситуации, когда научная проблема требует незамедлительного решения совместными усилиями всего научного сообщества¹⁹¹.

Еще одним, на первый взгляд качественно новым способом функционирования научной статьи в интернете, являются социальные сети ученых, такие как Academia.edu, ResearchGate, Mendeley, CoLab и т. д. Это, как правило, аналог обычной социальной сети, с той разницей, что основным наполнением профиля участника являются тексты, результаты исследований, которые он пожелал разместить. Это коммуникативное пространство обеспечивает ученым мгновенный отклик на результаты своей работы, продуктивное обсуждение и быструю публикацию текста в обход всех этапов издательской работы. Для самих авторов такой формат размещения своих работ (как опубликованных, так и

¹⁹⁰ Кузьминская Е. Г. Информационные технологии и научная коммуникация: инструменты и модели внедрения в условиях университета // Образовательные технологии и общество. 2014. Т. 16, № 1. с. 451–452.

¹⁹¹ См. Fraser N. et al. The Evolving Role of Preprints in the Dissemination of COVID-19 Research and their Impact on the Science Communication Landscape // PLOS Biology. 2021. Vol. 19, № 4. P. e3000959.

неопубликованных) становится крайне удобен: «самыми распространенными действиями в сети становятся “чтение статей” (83,3%), “выкладывание опубликованных работ” пользователей (67%) и “тематический поиск публикаций” (66,5%)»¹⁹².

Пожалуй, из всех типов интернет-коммуникации, именно данный формат погружает научную статью в контекст, когда автор наиболее явно представлен и готов в режиме онлайн отвечать за свое исследование. Несмотря на постулируемую анонимность интернета, именно социальная сеть позволяет автору вновь «обрести лицо». Тем не менее, как показывают исследования, этот коммуникативный потенциал научных социальных сетей не реализуется должным образом. Вместо того, чтобы становиться местом живого обсуждения научных статей, они становятся своеобразной альтернативой репозиториям и различным поисковым системам (причем весьма успешной), но не более того. «Ответы ученых, использующих ResearchGate и Academia.edu, позволили определить, что “это инструменты, которые люди используют, чтобы поднять свои профили и стать более доступными, а не инструменты сообщества для социального взаимодействия”» – пишет В. М. Ломовицкая¹⁹³. Эти данные подтверждаются также исследованием, проведенным российскими учеными из центра СПбФ ИИЕТ РАН, результаты которого «показывают неоднозначную роль исследовательских сетей в профессиональной жизни ученых. Для одних они – инстаграм, для других – ресурс академического продвижения, способ обойти институциональные барьеры и тем самым создать свой “protected space”»¹⁹⁴. Схожие результаты получены также Гримовым О.А.: «реальная активность пользователей научных социальных сетей сводится, как правило, к номинальному заведению и поддержанию существующих коммуникативных контактов (без развития собственно сотрудничества), а также

¹⁹² Душина С.А., Куприянов В.А. Идея и реальность научной коммуникации в академических социальных сетях // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3 (100). с. 84.

¹⁹³ Ломовицкая В. М. Из истории изучения научных коммуникаций // Социология науки и технологий. 2017. Том 8, № 4. с. 41.

¹⁹⁴ Душина С. А., Хватова Т. Ю., Николаенко Г. А. Академические интернет-сети: платформа научного обмена или инстаграм для ученых? (На примере ResearchGate) // Социологические исследования. 2018. №5. с. 129.

практик по размещению и потреблению научного контента»¹⁹⁵. Более того, научные социальные сети не показали свою эффективность и в обеспечении академической мобильности¹⁹⁶.

Столь явное противоречие между коммуникативным потенциалом научных социальных сетей и тем, как ученые непосредственно используют их в своей деятельности, безусловно, поднимает вопрос об их функциональности¹⁹⁷. Помимо проблем, связанных с оценкой качества публикаций, с которыми сталкиваются все площадки свободного размещения научных работ (статей, препринтов, монографий), научные социальные сети становятся полем столкновения различных типов символического капитала. С одной стороны, авторы указывают свои данные, метаданные опубликованных статей, что является подтверждением их статуса в научном сообществе. С другой стороны, сеть предлагает альтернативные рейтинги, повышающие видимость ученого и его публикаций: «так, в сети RG¹⁹⁸ для оценки пользователей разработана достаточно сложная система сетевых репутационных показателей, которые зависят не только от количества публикаций и цитирований, как в традиционной наукометрии, но, также и от коммуникативной и коллаборативной деятельности пользователей на сайте»¹⁹⁹. Парадоксально, но пользователи таких, казалось бы, неформальных сетей оказываются в тисках гораздо большего количества метрик. При этом завоевание высоких рейтингов, расширяющих возможности коммуникации и коллаборации, требуют дополнительных усилий, но накопленный таким образом символический капитал слабо конвертируем в научный капитал вследствие несовершенства внутренних

¹⁹⁵ Гримов О.А. Ученые в научных социальных сетях: коммуникативные практики, профессиональные связи и коллаборации // *Наукоевческие исследования*. 2022. № 1. с. 179.

¹⁹⁶ см. Гримов О.А. Академическая мобильность в научных социальных сетях (по материалам эмпирического исследования) // *Манускрипт*. 2021. Т. 14, № 12. С. 2680–2684.

¹⁹⁷ см. Шибаршина С.В. Научные коммуникации и коллаборации в сети как возможные зоны обмена // *Социология науки и технологий*. 2019. Т. 10, № 2. С. 75–92.; Шибаршина С.В. Социальные сети для ученых: новая форма социальности? // *Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56, № 4. С. 21–28.; Шибаршина С.В. Почему социальные сети для ученых все-таки важны // *Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56, № 4. С. 43–45.; Масланов Е.В. Нужны ли социальные сети для ученых ученым? // *Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56, № 4. С. 37–42.; Касавин И.Т. Иллюзия дарения: как сети превращают бескорыстный обмен знанием в навязчивый краудсорсинг // *Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56, № 4. С. 29–36.

¹⁹⁸ ResearchGate

¹⁹⁹ Душина С.А., Куприянов В.А., Хватова Т.Ю. Социальные академические интернет-сети как репрезентация «открытой науки» // *Социология науки и технологий*. 2018. Т. 9, № 3. с. 92.

механизмов оценки и контроля²⁰⁰. Все указанное приводит к тому, что в научных социальных сетях коммуникация (если таковая возникает) строится вокруг *комментирования научных статей*, не порождая качественно нового формата производства и закрепления новых знаний.

Помимо репозиториев препринтов и научных социальных сетей, наука выходит и на более широкие коммуникационные площадки – форумы, сайты, обычные социальные сети, публичные каналы в мессенджерах. Это значительно расширяет возможности кооперации, поддержания сложившихся академических контактов, информирования о мероприятиях и публикациях, нередко – обсуждения профессиональных вопросов. Однако на таких ресурсах ученые едва ли будут публиковать значимые результаты своих последних исследований до (или вместо) их публикации в рецензируемых журналах.

Как мы видим, развитие интернета существенно повлияло на способ распространения научных статей, снабдив авторов новыми инструментами, позволяющими донести до читателя результаты своих исследований. Однако в какой мере можно говорить о трансформации авторства и аудитории?

Альтернативные способы размещения научных статей (репозитории препринтов, научные социальные сети) позволяют устранить из публикационного процесса журнал-посредник, что дает возможность автору вступать в непосредственную коммуникацию с публикой и нести при этом полную ответственность за публикуемые сведения. Это потенциально могло бы привести к индивидуализации авторства, однако отказ от публикации в рецензируемом журнале в пользу нерецензируемой интернет-публикации, как правило, не обеспечивает автору должного приращения научного капитала. В силу чего правомерно говорить о сохранении результатов институционализации авторства, которые были обозначены в предыдущем подразделе.

Еще одно следствие размещения статей в интернете в более или менее открытом доступе (в виде полного текста или метаданных) – это возможность ее

²⁰⁰ см. также: Куприянов В.А., Хватова Т.Ю., Душина С.А. Научный капитализм в академических социальных сетях и анализ его влияния на ученых // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2, № 4. С. 61–81.

прочтения любым человеком, даже не имеющим отношения к научному сообществу. Таким образом, научная статья в чистом виде попадает во внешнюю публичность науки, и читатель становится принципиально массовой фигурой. Роль научной статьи во внешней научной коммуникации становится столь значимой, что этому будет посвящен подраздел 3.2. данной работы.

И, наконец, необходимо отметить еще одно технологическое новшество, воздействие которого пока неочевидно, но требует отдельного осмысления. Революционные изменения авторства научной статьи могут быть вызваны получившими в последнее время широкое распространение инструментами искусственного интеллекта (прежде всего – ChatGPT). Все больше исследователей обращаются к ChatGPT для написания научных статей – по сути, искусственный интеллект становится их соавтором. Тенденция получила столь широкое распространение, что некоторые журналы стали требовать указания того, использовался ли ChatGPT или иные ИИ – языковые модели – для написания текста статьи²⁰¹. Последствия нововведений пока сложно спрогнозировать, однако уже сейчас использование этих инструментов порождает ряд дискуссий и противоречий. С одной стороны, ChatGPT может быть удобным инструментом, который позволяет ученым значительно экономить время, организовывать работу с данными, упрощать обзор литературы и т. д.²⁰² С другой стороны, даже при добросовестном использовании, под вопросом остается оригинальность, верифицируемость и точность данных, приводимых ИИ в таких статьях²⁰³. Кроме того, возможно и недобросовестное использование таких инструментов для ничем не подкрепленного повышения публикационной активности. Достоинства и риски применения ИИ в написании научных статей и проведении научных исследований, безусловно, будут требовать особого внимания в будущем, как и разработка механизмов, позволяющих обнаружить использование ChatGPT в текстах научных

²⁰¹ См. ГОСТ Р 71657–2024 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций». М.: Российский институт стандартизации. 2024. 14 с.

²⁰² Huang J., Tan M. The Role of ChatGPT in Scientific Communication: Writing Better Scientific Review Articles // American Journal of Cancer Research. 2023. Vol. 13, № 4. P. 1148–1154.

²⁰³ Rahimi F., Talebi Bezin Abadi A. ChatGPT and Publication Ethics // Archives of Medical Research. 2023. Vol. 54, № 3. P. 272–274.

статей²⁰⁴. Но не только авторы, но и редколлегии журналов обращаются к нейросетям за помощью в оптимизации работы – постепенно набирает обороты использование ИИ в рецензировании научных статей²⁰⁵. Ситуация, при которой статья, сгенерированная с помощью (или исключительно) ИИ будет рецензироваться с помощью (или исключительно) ИИ уже не выглядит научной фантастикой и порождает новые проблемы в сфере научной коммуникации и этики научных публикаций.

Таким образом, современные информационные технологии облачают научную статью в новые контексты, что способствует существенному изменению коммуникативной ситуации статьи. Однако простота и доступность новых способов размещения результатов исследований, равно как и возможность прямого диалога с читателем, для подавляющего большинства ученых не становятся достаточным основанием отказа от публикаций в рецензируемых журналах, что говорит о чрезвычайной стабильности статьи как формы научной коммуникации.

2.4. Роль статьи и журнала в научной коммуникации

Несмотря на значимые расхождения в концепциях социальности науки, общим местом для них является фундаментальная для понимания современной науки идея: «научная публикация – это воплощение того, что можно назвать “единицей знания”, то есть любой оригинальный вклад, воспринимаемый как легитимный членами определенного научного поля»²⁰⁶. В результате признания этой единицы знания ее автор наращивает свой символический капитал в научном сообществе, утверждает в праве быть причисленным к нему. Таким образом, в публикации наилучшим образом сочетаются эпистемическая и социальная

²⁰⁴ Pawlicka A. et al. The Rise of AI-Powered Writing: How ChatGPT is Revolutionizing Scientific Communication for Better or for Worse // Applied Intelligence / ed. Huang D.-S., Premaratne P., Yuan C. Singapore: Springer Nature, 2024. P. 317–327.

²⁰⁵ См., например Baimuratov I. et al. Argument Identification for Neuro-Symbolic Dispute Resolution in Scientific Peer Review // Proceedings of the 24th ACM/IEEE Joint Conference on Digital Libraries. Hong Kong China: ACM, 2024. P. 1–9.; Checco A. et al. AI-assisted peer review // Humanities and Social Sciences Communications. 2021. Vol. 8, № 1. P. 25.

²⁰⁶ Жэнгра И. Трансформация научной статьи: от знания к отчетности // Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию. М.: НЛЮ, 2018. с. 134–135

функции научной коммуникации (производство знания и воспроизводство сообщества соответственно).

Разумеется, научная публикация не сводится к публикации статьи в научном журнале и значимость того или иного типа научного текста разнится от дисциплины к дисциплине (так, например, в гуманитарных и социальных науках монографии занимают весьма заметное место, а в компьютерных науках крайне значимы тезисы конференций). Однако именно публикация статей в рецензируемых журналах все чаще становится тем, что обеспечивает ученому причастность к сообществу и доступ к ресурсам для исследований: «Вопреки очевидности, “публикующийся” означает не просто публикующегося исследователя, а исследователя, который публикует *определенное количество текстов в год в определенных журналах*»²⁰⁷.

При более пристальном рассмотрении научной коммуникации можно отметить, что редкие научные тексты содержат завершенные, раз и навсегда определенные истины, готовые к опечатаванию и сдаче в архив. Живая научная коммуникация в активно разрабатываемых исследовательских отраслях скорее полна споров и дискуссий, из которых с трудом можно выловить готовые научные факты. Обращая внимание на непосредственный процесс производства знания, Бруно Латур в тексте «Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества» отмечает специфическую роль научных текстов в этом процессе, в частности, научной статьи, «самого важного и хуже всего исследованного риторического средства»²⁰⁸.

Почему научная статья получает статус риторического средства? Дело в том, что основная ее цель – оказать особое воздействие на читателя, принудить его к совершению определенных действий. Каким образом это происходит? Какую реакцию стремится вызвать научная статья у читателя?

²⁰⁷ Жэнгра И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию. М.: НЛЮ, 2018. с. 40 (курсив автора)

²⁰⁸ Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. с. 61.

Научно-техническую литературу Б. Латур определяет как «литературу факта», конечной целью которой является превращение некоторого высказывания из простого утверждения в не подвергаемый сомнению факт, или «черный ящик», готовую единицу научного знания, используемую в дальнейшем без необходимости обоснования истинности. Единственная возможность добиться этого превращения – убедить читателя (как можно большее количество читателей) в том, что это утверждение действительно является фактом, что мир действительно таков, каким его описывает автор, и совершенно не таков, каким его описывают его оппоненты. Так, атакуемые и защищаемые утверждения употребляются автором статьи не в чистой форме, как они есть, а в модальных высказываниях, которые модифицируют или особым образом характеризуют эти утверждения.

Латур выделяет две специфические модальности высказывания научного текста:

1) Позитивные модальности – «высказывания, которые создают дистанцию между утверждением и условиями его конструирования, в результате чего оно становится способным своей основательностью породить необходимые последствия»²⁰⁹.

2) Негативные модальности – высказывания, которые возвращают читателя к истокам утверждения и обосновывают его достоверность или недостоверность, вместо использования для обоснования необходимых последствий²¹⁰.

Сила указанных модальностей состоит в том, что именно они направляют и принуждают читателя проследовать по уготованному для него пути – будь то путь безусловного принятия или путь постоянного сомнения. Позитивная модальность, отрывая утверждения от способа его получения, создает видимость фактичности, заставляет принять исходное утверждение как данность и действовать, отталкиваясь от этой данности («получение истины – цель любой научной деятельности», говорит данный текст). Чем глубже разрыв между некоторым

²⁰⁹ Там же, с. 49.

²¹⁰ Там же.

утверждением и обстоятельствами его производства, тем дальше автор научного текста уводит читателя от сомнений в его истинности – ведь нам сложнее подвергнуть критике то, что не дано нам к рассмотрению. В свою очередь, негативная модальность преподносит читателю эти обстоятельства порождения утверждения и принуждает обратить на них внимание. Будучи представленным не как «данное», а как «созданное», утверждение обнаруживает свою несостоятельность, предстает как результат определенных действий, решений (которые могут быть ошибочными). Таким образом для каждого научного утверждения становится критически важным то, «каким образом оно инкорпорируется в другие высказывания»²¹¹, и, как следствие, для каждого утверждения значимо, как обойдутся с ним последующие тексты, обращающиеся к нему.

Именно здесь наиболее репрезентативным является случай научной статьи с присущими ей практиками ссылок и цитирования. Задача научной статьи – через привлечение максимального количества наиболее авторитетных союзников (и упоминание их в позитивной модальности) и критику соперников (через упоминание их утверждений в негативной модальности) убедить читателя в непреложной истинности утверждений автора статьи. Практика цитирования таким образом становится не просто способом взобраться на плечи предшествующих гигантов – это еще и способ сделать эти плечи более удобными для самого автора: «Вместо того чтобы пассивно связывать свою судьбу с другими работами, они проявляют активность и модифицируют статус этих работ»²¹². Так авторы научных статей меняют звучание не только современных, но и прошлых текстов (и, в свою очередь, их тексты будут подвержены тому же). Каково же итоговое текстовое воздействие научной статьи (или любой другой «литературы факта») на читателя, к чему приводят комбинации модальных высказываний и привлечения цитируемых союзников?

²¹¹ Там же, с. 52.

²¹² Там же, с. 67.

Указанные особенности научной литературы приводят к трем возможным действиям со стороны читателя:

- 1) бросить читать текст (в силу недоверия к автору, отсутствия интереса к вопросу или собственной некомпетентности);
- 2) согласиться с автором и помочь ему превратить утверждение в факт, используя его в дальнейшем именно таким образом;
- 3) пройти по следам автора, воспроизвести все то, что проделал автор текста (что в случае научно-технического текста означает вернуться в лабораторию или к условиям наблюдения, аналогичным авторским).

Какова же судьба самого научного текста? Именно здесь, по мнению Латура, проявляется специфика научной литературы: «все три возможных способа ее чтения ведут к “гибели” текста. Если он не прочитан полностью, его можно не принимать в расчет, а значит, его все равно что нет. Если он прочитан и воспринят как истина, в самом скором времени от него останется лишь голая суть, его растащат на куски и превратят во всем известный факт, часть обыденного знания. Наконец, начав проверять авторские утверждения, читатель выходит за пределы текста и попадает в лабораторию»²¹³.

Таким образом, научный текст, воздействуя на читателя в силу своих возможностей, представляет собой нечто, инструментально используемое «для нападения или обороны», и отбрасываемое за ненадобностью по достижении цели (в отличие от «литературы вымысла», к которой мы можем возвращаться раз за разом ради собственного удовольствия).

Научная статья является идеальным примером «литературы факта» – небольшой формат (но достаточный для обоснования высказывания, которое должно стать знанием), скорость подготовки и публикации (относительно монографии), возможность заручиться авторитетом журнала (еще один крайне влиятельный союзник) делают статью действительно мощным риторическим средством для утверждения высказываний ученого в качестве научного факта, общепризнанной единицы знания: «...уже сегодня постепенно отказываются от

²¹³ Там же, с. 108.

того, чтобы считать монографию первичным предложением или выражением научной коммуникации – научной операцией как элементарным событием научной системы. В качестве такой событийной единицы знания или элементарной коммуникативной операции сегодня практически утвердилась научная статья, сведенная к единому тезису, допускающему его однозначную верификацию»²¹⁴.

Если научная статья является местом столкновения высказываний, результатом которого будет утверждение одних в качестве факта и превращение других в бесполезные артефакты, то научный журнал – это место встречи научных статей. Результатом встречи может стать новое сражение, заключение мирного договора или поиск новых союзников – так или иначе, это то место, куда направляются статьи. Так научный журнал становится своеобразным форумом, агорой, площадкой для дискуссий, побуждающей авторов отстаивать свою позицию с удвоенной силой. Это отличает журналы от монографий, которые скорее становятся результатом дискуссий, подытоживают то, что ранее обсуждалось в статьях.

Являясь местом встречи, научный журнал выполняет первостепенную роль в формировании научного сообщества. Целью первых научных журналов было «информирование публики о новинках в сфере наук и искусств, а также создание текущего архива науки»²¹⁵. Результатом же развития этого неотъемлемого института современной науки стало не просто *информирование*, но *формирование* этой публики, связывание ее в единое научное сообщество. Редактор журнала Nature в монографии, посвященной 300-летию издания, пишет: «Границы научного сообщества Nature постоянно менялись, постоянно пересматривались и переопределялись. В разное время непрофессионалы включались или исключались, политические вопросы были приемлемыми или неприемлемыми предметами обсуждения, а иностранцы могли быть либо редкой диковинкой, либо неотъемлемой частью сообщества журнала. Интересы как редакторов, так и

²¹⁴ Антоновский А. Ю. Зачем науке лузеры? О перепроизводстве научного знания и его функции. // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 2. с. 87.

²¹⁵ Куприянов В.А. Проблема приоритета в вопросе о возникновении научных журналов // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 4. с. 190.

авторов формировали журнал и определяемое им сообщество»²¹⁶. Здесь мы видим взаимообусловленность журнала и сообщества: с одной стороны, научное сообщество, представленное редакторами и авторами, определяет облик журнала, с другой стороны – журнал в своем текущем состоянии привлекает новых членов сообщества, тем самым переопределяя его снова и снова.

В этой взаимообусловленности проявляется механизм формирования поля науки, предлагаемый Пьером Бурдьё, который обеспечивается взаимной оценкой членов научного сообщества. Один из наиболее значимых механизмов взаимной оценки конкурентов – публикация научных работ (начиная с допуска к публикации и заканчивая цитированием работы как меры признания). Описанный механизм самооценки и самоконтроля научного сообщества был бы невозможен без института научных журналов, «которые путем селекции, осуществляемой в соответствии с господствующими критериями, обеспечивают признание продукции, отвечающей принципам официальной науки. Постоянно показывая пример того, что достойно назваться наукой, они осуществляют фактическую цензуру еретической продукции, либо открыто отказывая публиковать материал, либо просто отбивая охоту публиковаться, выдвигая собственные критерии “публикуемости”»²¹⁷. Так журналы обеспечивают научное признание, то есть наделяют автора определенным символическим капиталом, дающим преимущество в дальнейшей борьбе. Но, помимо этого, именно журнал обеспечивает своего рода фильтрацию, цензурирование научного поля, не допуская к публикации тех, кто присылает материалы, не соответствующие официальному пониманию науки. В свою очередь, и сами авторы выбирают научный журнал в зависимости от его норм и требований. Практики и оценки, предписываемые габитусом, включают в том числе и самооценку, что побуждает ученого не подавать статью в тот журнал, в котором, по его мнению, его не опубликуют. Так практические схемы поведения ученого обосновываются совокупностью

²¹⁶ Baldwin M. Making Nature: The History of a Scientific Journal. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2015. p. 9.

²¹⁷ Бурдьё П. Поле науки // Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. с. 491.

институциональных механизмов, обеспечивающих (само)оценку и (само)отбор научных сотрудников.

Результатом работы этих механизмов становится отделение и закрепление научных дисциплин (которые, в свою очередь, воспроизводят научный габитус): «С начала XIX в. дисциплины стремятся четко определить свои методы и предметы, а разносторонние эрудиты, способные внести вклад сразу в несколько областей, встречаются все реже. Этому процессу разделения знания на отдельные дисциплины соответствует появление журналов, посвященных только одной дисциплине, тогда как первые научные журналы, такие как “Journal des savants”, “Philosophical Transactions of the Royal Society” или “Acta Eruditorum”, были открыты для всех наук»²¹⁸. Причем не только научная дисциплина, но и локальное научное сообщество (будь то университет, академия, или какое-либо научное общество) как правило, стремится создать собственный научный журнал (или связать себя с уже существующим).

Как следствие, количество научных журналов и, соответственно, публикуемых статей, постоянно растет. Только на 2014 год количество журналов достигло 34274²¹⁹, а на 2023 год в базе данных Web of Science насчитывалось 24990 журналов, а в базе данных Scopus – 43029 наименований. Разумеется, эти базы данных во многом пересекаются²²⁰, но следует учитывать, что далеко не все существующие рецензируемые журналы в них проиндексированы (таким образом, указать точное количество научных журналов, выпускаемых в мире на данный момент, практически не представляется возможным). Возникает закономерный вопрос – действительно ли *все* научные журналы и *все* научные статьи выполняют указанные функции? Как отмечает Антоновский А.Ю., «колоссальные массивы предложений научной коммуникации (если понимать научные статьи как коммуникативные запросы на контакт) вообще не встречают коммуникативного ответа, а означает – огромная часть аппарата науки, в сущности, работает

²¹⁸ Жэнгра И. Социология науки. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. с. 45.

²¹⁹ Домнина Т.Н., Хачко О.А. Научные журналы: количество, темпы роста // Информационное обеспечение науки: новые технологии. 2015. с. 90.

²²⁰ Singh V.K. et al. The Journal Coverage of Web of Science, Scopus and Dimensions: A Comparative Analysis // Scientometrics. 2021. Vol. 126, № 6. P. 5113–5142.

вхолостую»²²¹. Является ли это нормальным состоянием системы научной коммуникации или же свидетельствует о дисфункции, вызванной развитием и усложнением института науки? С одной стороны, некоторая дисфункциональность существующей системы научных журналов очевидна и будет подробно рассмотрена в следующем разделе. С другой стороны, публикуя статьи, которые никогда и никем не будут прочитаны, исследователи, тем не менее, используют те статьи, которые были ранее опубликованы. Цитируя и ссылаясь на те или иные статьи, ученые способствуют утверждению знания, представленного в процитированной статье, как непреложного факта, что обеспечивает функционирование механизма по отбору и закреплению нового знания. Цитируемый автор получает соответствующий символический капитал, позволяющий ему оставаться членом научного сообщества – «Воспринимая и усваивая новейшую научную информацию, эти исследователи реализуют “активное право” отбирать достойных представителей науки: своими сетевыми реакциями (лайками, скачиваниями, репостами, прочтениями, цитированиями, рекомендациями, сетевыми рецензиями) именно они обеспечивают количественные распределения и “присвоения” научного влияния и репутаций (институтов, проектов, лабораторий, исследователей)»²²². Таким образом, даже та статья, которая не получит коммуникативный отклик, внесет свой вклад в производство научного знания и распределение научного капитала.

В качестве *выводов* укажем, что журнал, являясь неотъемлемым посредником, связующим звеном научного сообщества, с одной стороны, осуществляет фильтрацию тех, кто будет допущен в поле науки и, соответственно, признан ученым, а с другой стороны, создает пространство для дискуссий, обмена и распространения информации. Научная статья, в свою очередь, утверждает полученные ученым результаты как научный факт и закрепляет за автором право на произведенную «единицу знания».

²²¹ Антоновский А. Ю. Зачем науке лузеры? О перепроизводстве научного знания и его функции. // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 2. с. 81.

²²² Антоновский А. Ю. Зачем науке лузеры? О перепроизводстве научного знания и его функции. // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 2. с. 90.

Выводы к разделу 2

1. Научная статья становится преемником научного письма и вместе с его функциями перенимает и коммуникативную интенцию, предполагающую нацеленность на конкретного адресата (который замещается впоследствии научным сообществом) и имплицитную диалогичность (что в большей или меньшей степени сохраняется в цитировании или, что гораздо реже, в явном обращении к коллегам).

2. В процессе институционализации научной коммуникации статья превратилась в стандартизированное сообщение, передаваемое посредством научного журнала от автора, говорящего от лица научного сообщества и разделяющего ответственность за публикацию с редактором и рецензентами, к принципиально неопределенному читателю, при этом написанное на языке, доступном для прочтения лишь профессионалам.

3. Современные информационные технологии облачают научную статью в новые контексты, что способствует существенному изменению коммуникативной ситуации статьи. Однако простота и доступность новых способов размещения результатов исследований, равно как и возможность прямого диалога с читателем, для подавляющего большинства ученых не становятся достаточным основанием отказа от публикаций в рецензируемых журналах, что говорит о чрезвычайной стабильности статьи как формы научной коммуникации.

4. Стабильность научной статьи обусловлена ее функциональностью, так как она наилучшим образом утверждает полученные ученым результаты как научный факт и закрепляет за автором право на произведенную «единицу знания». Журнал же, в свою очередь, являясь неотъемлемым посредником, связующим звеном научного сообщества, с одной стороны, осуществляет фильтрацию тех, кто будет допущен в поле науки и, соответственно, признан ученым, а с другой стороны, создает пространство для дискуссий, обмена и распространения информации.

3. Смысловые аберрации статьи в современной научной коммуникации

Становление статьи как формата коммуникации привело к тому, что к концу XX – началу XXI века он стал доминирующим в современной науке. Трансформации текстовой культуры, вызванные развитием сети Интернет, и возникающие в связи с этим альтернативные типы научного текста не смогли пошатнуть ее позиции. Даже в сети всякая коммуникация, сохраняющая претензию на научность, центрируется вокруг статьи: либо представляется в форме, характерной для статьи (препринт, e-print), либо строится вокруг статьи (социальные сети ученых), либо отсылает к статьям (научно-популярные ресурсы). В этой ситуации границы между внутренней и внешней публичностью науки размываются все сильнее, в том числе благодаря упрощению доступа к научной информации.

При этом увеличение количества исследователей и умножение количества публикаций обостряет естественную в науке потребность в критериях оценки научного вклада отдельного человека, занимающегося наукой. А поскольку вклад в науку осуществляется посредством публикации результатов исследований, одной из наиболее актуальных проблем становится оценка качества публикуемого материала.

В данном разделе мы рассмотрим, каким воздействиям подвергается научная статья в условиях современной научной коммуникации (как внутренней, так и внешней). Это даст нам возможность сопоставить ее первоначальный социальный смысл, исторический генезис и роль в современной коммуникации. Основными задачами данного раздела является выявление факторов, приводящих к аберрациям научной коммуникации посредством статьи и анализ вызываемых ими аберраций.

3.1. Наукометрический бихевиоризм

На роль статьи в становлении публичного пространства науки, в организации коммуникации ученых, а по сути, в становлении общества просвещения и модерна мы указали в предыдущем разделе. Цель настоящего раздела – обнаружить

характерные черты современного социального бытия этой формы научной коммуникации, которые, на наш взгляд, свидетельствуют о потере ею исходного смысла. Оформление результатов научного исследования в виде статьи, форматирование научного текста с помощью жестких требований к его структуре ломают исходную коммуникативную установку научной эпистолы, лишают научную коммуникацию дискурсивной свободы в выборе адресата текста. Изначально демократическая интенция мыслителя Нового времени поделиться полученным знанием и разделить истину с участниками сообщества единомышленников определяла смысл этой малой формы научного текста, генезис которого был в тесной связи со становлением новоевропейской социальности. Этот смысл, в свою очередь, определял особое и ничем другим не заменяемое место именно такой коммуникации ученых в секуляризирующемся и эмансипирующемся гражданском обществе. «Пустота» этого места в современном обществе массовой коммуникации, которое уже называют обществом пост-истины, может быть расценено как свидетельство деградации социальной и политической жизни, потере ею общезначимых средств оценки знания, утрате иерархии ценностей.

Так как эффективность каждого отдельного ученого зависит от степени его включенности в коммуникативное поле современной науки, возникает парадоксальная ситуация принуждения к коммуникации, когда ученый не просто *хочет* поделиться с сообществом *значимыми* результатами своих исследований, а *обязан* делиться *хоть какими-то* результатами просто для того, чтобы отстоять свое право называться исследователем. Это отражается в эволюции употребления общеизвестной фразы – “publish or perish” («публикуйся или умри»), которая изначально не обладала негативными коннотациями и лишь отражала фундаментальность публикации для существования научного знания. Первое упоминание этой фразы в негативном контексте встречается в 1928 году, когда отслеживание количества публикаций стало частью университетской политики Гарвардского университета, определяющей вопросы трудоустройства и

увольнения²²³. Как можно заметить, данная проблема заявляет о себе уже в первой половине XX века, не ограничивается рамками отдельной страны и не теряет актуальности по настоящее время²²⁴.

Каким же образом подобное принуждение к коммуникации сказывается на научной коммуникации? Рассмотрим этот вопрос в терминах теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Публикация как специфический коммуникативный акт науки по своей сути является действием, направленным на сообщения нового результата, утверждение полученного знания как факта, обмен знаниями между учеными. Подобный смысл научной публикации сохраняется в том случае, если исследователем движет единственный мотив – обнародовать, зафиксировать, сообщить результаты своего исследования. Ранее мы уже рассматривали внутреннее противоречие научной коммуникации, которое предполагает, с одной стороны, желание добровольно делиться истинным знанием ради приращения знания, а с другой – стремление к накоплению научного символического капитала, который обеспечивает ученому признание сообществом. Стремление быть оцененным коллегами-соперниками является важнейшим мотивом научной деятельности, поэтому мы не можем и не должны идеализировать научную коммуникацию, оставляя в качестве ее мотивации исключительно стремление к истине. Однако накопление научного символического капитала предполагает все же действие в рамках поля науки и в интересах науки. Здесь уместно вспомнить разграничение «исключительно научного» и «временного» капитала, вводимое П. Бурдье, которые существенно различаются и с точки зрения способов накопления, и с точки зрения целей. В условиях принуждения к коммуникации публикация статьи будет в первую очередь мотивирована накоплением временного символического капитала, что позволяет говорить об инструментализации научной коммуникации.

²²³ Moskovkin V.M. Origin and Evolution of the “Publish or Peris” Phenomenon // Leiden Madtrics. 2024. URL: <https://www.leidenmadtrics.nl/articles/origin-and-evolution-of-the-publish-or-perish-phenomenon> (accessed: 28.11.2024).

²²⁴ см., например, Касавин, И. Т. Публикация как смерть автора // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. № 3 (5). С. 6–16.

«Инструментальная» публикация (как частный случай инструментального действия) гетерономна и определена не стремлением к самой коммуникации, а необходимостью достижения иных целей – предоставления отчета в срок, повышения индивидуального рейтинга, увеличения индекса цитирования, получения необходимого количества публикаций для защиты и т. д. Публикация, с одной стороны, превращается в обязательное следствие траты времени или денег на исследование (независимо от успешности самого исследования). Это приводит к таким неблагоприятным последствиям как фальсификация результатов исследования, сокрытие недостатков или откровенных ошибок. С другой стороны, публикуются «статьи для никого», единственное назначение которых – добавить еще одну строчку в список публикаций автора. Инструментализация коммуникации ведет к тому, что те механизмы регуляции, которые должны обеспечивать контроль качества публикаций, перестают быть адекватными изначальным задачам. Внутренняя самооценка и самоконтроль науки дают сбой, так как оценка результатов исследования передается вовне (научным администраторам, заказчикам исследований, государству).

При этом с точки зрения коммуникативного потенциала научной статьи не столь важно, кто в итоге прочитает текст, гораздо важнее – кто будет читать текст, по мнению автора. Научная статья только тогда сохраняет коммуникативный смысл, когда сохраняет ту адресность, которая была присуща научному письму на заре становления научной коммуникации. Только зная, кто будет его читателем, только представляя (или зная) конкретного адресата (адресатов), автор может сохранить истинно коммуникативную интенцию научного сообщения. Инструментализация статьи начинается не с отчуждения авторского труда, не с деформации мотивации автора, а с потери читателя, превращения его в безликий административный орган.

«Инструментальная публикация» не обязательно будет низкого качества – при должной степени профессионализма исследователя, статья, написанная «для отчетности», может представлять немалую научную ценность и в последующем стать поводом для коммуникативной ситуации. Большинство публикаций несет на

себе некоторый отпечаток инструментальности, и научная публикация как коммуникативное действие скорее является некоторым ориентиром для исследователя.

В первом разделе, говоря об исследованиях научной коммуникации, мы отметили характерную для них первичность информационного подхода. Как пишут Э. М. Мирский и В. Н. Садовский, «То обстоятельство, что основным стимулом этих исследований и причиной их широкого размаха явились практические потребности – повышение эффективности информационных систем в науке, отразилось на характере этих исследований»²²⁵. В этот период научная коммуникация понимается как взаимодействие интеллектуальных агентов, обменивающихся информацией. И основная цель исследований неформальной научной коммуникации – то, что «данные будут постепенно интегрироваться в общую картину до тех пор, пока они не дадут полного представления о системе коммуникации данного научного общества, которую можно будет запрограммировать в этом виде для вычислительных машин»²²⁶.

С одной стороны, в те годы произошло немаловажное событие – выделение науки как специфической системы коммуникации. С другой стороны, понятие коммуникации в этот момент все еще тесно связано с информацией, не утрачивает своего информационного происхождения, не оторвалась от корней информатики. А будучи понятой в контексте информационной модели, научная коммуникация представляется не более чем «особой подсистемой системы движения научной информации. Эта подсистема является функциональной, а не субстанциальной, – ее действие можно обнаружить на всех этапах познавательного цикла – “сбор информации – процесс исследования – получение новой информации”»²²⁷.

Отношение к коммуникации как к информационному обмену влечет за собой отношение к исследованию как к производству информации и оценке

²²⁵ Мирский Э. М. Садовский В. Н. Вступительная статья // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов. М.: Прогресс, 1976. с. 7–8.

²²⁶ Лин Н., Гарвей У. Д., Нельсон К. Е. Исследование коммуникационной структуры науки // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов. М.: Прогресс, 1976. с. 330.

²²⁷ Мирский Э. М. Садовский В. Н. Вступительная статья // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов. М.: Прогресс, 1976. с. 9.

продуктивности исследования по количеству производимой информации. В таком случае мы автоматически допускаем применимость количественных методов к исследованию коммуникации, что является шагом на пути к наукометрии и определению эффективности коммуникации, т. к. информация – это нечто принципиально измеримое. И основной задачей исследования средств коммуникации будет «обеспечить наилучшее и наиболее экономичное использование информации»²²⁸.

Неудивительно, что при таком подходе одним из решений проблемы информационного перегруза, в котором оказывается ученый из-за чрезмерного количества публикуемых статей, оказывается «разработка процедур селективного удаления и захоронения бесполезного или потерявшего значение материала»²²⁹, что, например, для гуманитарных наук ни в коей мере не применимо. Другим способом разрешения данной проблемы приводится «контроль качества статей», однако при информационном подходе это решается скорее через измерение количества публикаций и взаимодействий между ними, а не через экспертную оценку содержания статьи.

Именно в такой атмосфере происходило становление современного науковедения и социологии науки. Дерек Джон де Солла Прайс, английский историк науки, заложивший основы исследований научной коммуникации²³⁰, вместе с тем открыл путь количественным методам. «Прайс был одним из первых ученых, кто пытался выразить рост научного знания в математических формулах и графиках, причем экспонента репрезентировала собой рост именно количественных показателей – рост числа научных журналов, рост объема научной литературы, рост числа ученых и т. д. Поэтому он был вместе с рядом социологов (Р. Мертоном, И. Эдканой, А. Текреем, Х. Цукерман) инициатором созыва Международной конференции о метрике науки и выпуска в 1977 г. в свет ее трудов.

²²⁸ Первичные формы научной коммуникации // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов. М.: Прогресс, 1976. с. 29.

²²⁹ Там же, с. 76.

²³⁰ См. его работы Price D. J. de S. Networks of Scientific Papers // Science. American Association for the Advancement of Science, 1965. Vol. 149, № 3683. P. 510–515. Price, D. J. de S. Ethics of Scientific Publication // Science. American Association for the Advancement of Science, 1964. Vol. 144, № 3619. P. 655–657. Price, D. J. de S. Little Science, Big Science. New York and London: Columbia University Press, 1963. 118 p.

И в том, и в другом случае речь шла о сугубо количественных, статистических показателях роста науки, но не о каких-либо качественных характеристиках роста научного знания, публикаций и пр.»²³¹. По сути, современная наукометрия является попыткой количественным образом определить качество статей. Н. И. Кузнецова, вспоминая первый советско-польский симпозиум по науковедению и наукометрии, прошедший в 1966 г., отмечает, что именно заложенные тогда наукометрические методы повлекли за собой последствия, которые на данный момент оказываются губительны и для научной коммуникации, и для организации научной деятельности²³².

Особый диссонанс подобный подход вызывает в философских кругах. Как пишет Антоновский А. Ю., «философское понимание коммуникации как способа некоего примирения между Ego и Другим поначалу резко контрастирует с возникающей в 1940-х гг. “коммуникативной теорией” (математической теорией передачи сигналов и информации), где коммуникация предстает в виде функционирования цепи из (деантропологизированных) звеньев: источника информации, трансмиттера – кодировщика сообщения, канала-медиума, ресивера (декодировщика сигнала), места назначения (дестинации)»²³³. В данном случае ключевое слово – «деантропологизированных». Ученые-коммуниканты в такой концепции становятся «источником информации» и «ресивером». Каждая отдельная статья – это сообщение от «источника информации», и мы относимся к этому сообщению именно как к источнику информации, особенно до тех пор, пока автор нам не знаком лично. Безразлично, кто написал ту или иную статью, если она имеет научную ценность, а поиск шел по ключевым словам. В этом случае автор статьи выступает скорее в роли справочника, источника необходимой нам информации, а не того, к кому мы обращаемся с посланием, или кто к нам обращается.

²³¹ Огурцов А. П. Бои за достоинство философии // Идеи и числа. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований. М.: Прогресс-Традиция, 2016. с. 96.

²³² Социально-гуманитарная статья: эпистемологический и культурно-исторический ракурс (часть 1) // Высшее образование в России. 2017. № 7. с. 54.

²³³ Антоновский А. Ю. Коммуникация как эпистемическая проблема // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 47, №1. с. 10.

Антоновский А. Ю. отмечает, что «смещение в область медиальной инструментализации общения, интерес к поиску алгоритмов словно автоматически достигаемого коммуникативного и деятельностного успеха могут рассматриваться как негативные (но актуальные) характеристики, в том числе и человеческой, а не исключительно машинной коммуникации»²³⁴. Однако в научной коммуникации эти характеристики рассматриваются как достаточные показатели, по которым можно определять эффективность деятельности ученого. Успешность ученого определяют по его «коммуникативному успеху», который при этом, считается измеримым (пусть несовершенным способом, но, тем не менее, прагматически применимым). Исследование научной коммуникации с позиций «медиальной инструментализации общения», где медиумом является научная статья, повлекло за собой современные деформации научной коммуникации.

Наука и научная коммуникация, а вместе с ней и философская, становясь предметом исследования, становятся жертвой классической научной рациональности – «объективированным миром», универсальным, единообразным, измеримым. Исследуя возможные интерпретации эффективности науки, Л. В. Шиповалова указывает на то, что «именно эта предпосылка – отношение к науке как к объекту классической научной рациональности, потенциально однозначно понятому, подчиненному естественной физической причинности, а не закону свободы, – служит основанием редукции значимых различий в самой научной деятельности (например, между различными уровнями и направлениями исследования) к уже существующему единству»²³⁵. От попыток объективного познания науки мы невольно переходим к объективации научной деятельности. С требованием все более безличного и унифицированного представления результатов исследования в формате статьи мы переходим к обезличиванию научной коммуникации.

Подобный подход является ничем иным, как своеобразным «наукометрическим бихевиоризмом», предполагающим сводимость научной

²³⁴ Там же, с. 11.

²³⁵ Шиповалова Л. В. Наука – между эффективностью и свободой // Наука: испытание эффективностью. / Отв. ред. Л. В. Шиповалова. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. с. 32–33.

коммуникации, научной деятельности, внутренней жизни ученого к объективно регистрируемым поведенческим показателям. Работа ученых рассматривается через призму «стимула» (получаемой извне информации и финансовой поддержки) и «реакции» (выдаваемой в ответ информации в виде публикаций или цитирования). Публикационные показатели становятся объективными индикаторами научной значимости исследователя, любая экспертная оценка, самооценка, да и внутридисциплинарные критерии научности отвергаются как излишне субъективные. Если бы эта искаженная перспектива оставалась уделом исследователей, работающих с библиометрией, у нас, возможно, не было бы оснований говорить о существенных трансформациях смысла научной статьи. Более того, библиометрия по своей сути не предполагает *оценки* – лишь измерение, регистрацию, изучение данных (что весьма подробно описывает Ив Жэнгра в работе «Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию»). Но благодаря своей простоте, наглядности и кажущейся объективности, количественный учет научных публикаций вышел далеко за пределы информационных баз данных, библиотечных каталогов и науковедческих исследований: «В этом и состоит существо проблемы эффективности научных исследований: классическая научная рациональность, утверждая свободу от субъективности, сама тем самым создает условия возможности отчужденных форм управления научными исследованиями, создающих вызов для науки в современности»²³⁶.

Рассматривая становление библиометрических практик оценивания научной деятельности, Ив Жэнгра пишет: «До 2000-х годов большинство библиометрических исследований производилось на уровне крупных единиц (больших лабораторий, университетов, стран). Практически все эксперты в данной сфере скептически относились к применению библиометрических измерений на индивидуальном уровне. Последние интересовали, прежде всего, менеджеров науки и ученых, которые, с тех пор как доступ к базам данных упростился благодаря интернету, принялись в свободное время заниматься любительской

²³⁶ Там же, с. 34–35.

библиометрией»²³⁷. Мало того, что библиометрические индикаторы не создавались как инструмент оценки – даже методологическое применение их на индивидуальном уровне представлялось специалистам некорректным. Однако они оказались крайне востребованными со стороны правительственных ведомств и «менеджеров науки», что впоследствии позволило заменить внутренний самоконтроль науки на внешний административный контроль.

Наиболее значимым инструментом оценки научной деятельности на сегодняшний день являются базы данных индексов научного цитирования (Web of Science, Scopus, ERIH PLUS, ULRICH, PubMed, RSCI, и т.д.)²³⁸. Описывая историю создания первого индекса научного цитирования (SCI) А. П. Огурцов пишет: «индекс цитирования задумывался и реализовывался как определенный инструмент, во-первых, библиографического поиска литературы и ссылок на те или иные статьи, и, во-вторых, социологического анализа научного сообщества в тех или иных дисциплинах»²³⁹. Однако поддержка и сопровождение баз данных SCI уже на тот момент требовали столь серьезных финансовых вложений, что Институт научной информации, который содержал эти базы, уже не мог их самостоятельно обеспечить. Представление SCI как инструмента для проведения государственной политики в области науки привлекло необходимое финансирование со стороны правительственных ведомств, ответственных за научные исследования. Так «созданный ради сугубо научно-библиографических целей Индекс цитирования превратился в одно из вспомогательных средств администрирования в науке»²⁴⁰. Импакт-фактор, который используется для

²³⁷ Жэнгра И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию. М.: Новое литературное обозрение, 2018. с. 25.

²³⁸ Разработка и осмысление индексов цитирования как способов измерения ценности научного вклада подробно раскрывается в работах создателя первого индекса научного цитирования (SCI) – Ю. Гарфилда, см.: Garfield E. "Science Citation Index" – A New Dimension in Indexing // Science. American Association for the Advancement of Science. 1964. Vol. 144, № 3619. P. 649–654. Garfield E. Citation Indexes for Science // Science. American Association for the Advancement of Science. 1955. Vol. 122, № 3159. P. 108–111. Garfield E. Citation Indexes in Sociological and Historical Research // American Documentation. 1963. Vol. 14, № 4. P. 289–291. Garfield E. Citation Indexing // Journal of Information Science. SAGE Publications Ltd. 1980. Vol. 2, № 1. P. 47–47. Garfield E. From the Science of Science to Scientometrics. Visualizing the History of Science with HistCite Software // Journal of Informetrics. 2009. Vol. 3, № 3. P. 173–179.

²³⁹ Огурцов А. П. Бой за достоинство философии // Идеи и числа. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований. М.: Прогресс-Традиция, 2016. с. 97.

²⁴⁰ Там же.

ранжирования журналов, также изначально был предназначен исключительно для упрощения работы университетских библиотек.

Более подробное рассмотрение отдельных наукометрических показателей (импакт-фактора журнала и цитируемости статей) вскрывает существенные проблемы использования их для оценки науки. Во-первых, данные показатели выражают лишь некоторую корреляцию, которая требует дополнительного подтверждения (со стороны других показателей либо со стороны качественных методов анализа). Во-вторых, они далеко не всегда являются индикаторами тех параметров, на отображение которых претендуют. Если первое является скорее техническим недостатком этих показателей и предметом методологических споров, то второе позволяет говорить об *искажении смысла* самих измеряемых объектов при необдуманном их применении.

Импакт-фактор, выражающий отношение между количеством цитирований журнала и количеством статей, опубликованных в нем в учетные годы, по замыслу его создателей, должен показывать научную ценность издания²⁴¹. Но даже с точки зрения статистики он имеет существенные недостатки, которые значительно ограничивают его применимость для измерения такой ценности. Исчерпывающий перечень этих недостатков был приведен в докладе Международного математического союза (IMU) в сотрудничестве с Международным советом промышленной и прикладной математики (ICIAM) и Институтом математической статистики (IMS), посвященном проблемам оценки научных исследований²⁴². Авторы доклада выделяют следующие проблемы импакт-фактора как индикатора: 1) за счет редко цитируемых вспомогательных публикаций, он в действительности не является *средним* числом ссылок на статью, как заявлено по определению; 2) двухлетний период, используемый при определении импакт-фактора, нерелевантен для многих областей исследования; 3) импакт-фактор значительно разнится от дисциплины к дисциплине, что обусловлено разницей в практиках

²⁴¹ См. Garfield, E. Citation Analysis as a Tool in Journal Evaluation / E. Garfield // Science. American Association for the Advancement of Science. – 1972. – Vol. 178, № 4060. – P. 471–479. Garfield E. The History and Meaning of the Journal Impact Factor // JAMA. 2006. Vol. 295, № 1. P. 90–93. Более подробно

²⁴² Адлер Р., Эвинг Дж., Тейлор П. Статистики цитирования // Игра в цифры, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). М.: МЦНМО, 2011. С. 6–38.

цитирования этих дисциплин; 4) импакт-фактор может значительно изменяться от года к году, прежде всего, для небольших журналов; 5) импакт-фактор обусловлен типом и языком публикации журнала (англоязычные журналы и журналы, публикующие обзорные статьи, имеют больший импакт-фактор).

Все указанные недостатки не мешают использовать импакт-фактор не только для оценки журнала, но и для оценки публикующихся в нем ученых. Безусловно, для этого есть институциональные основания – взаимный репутационный обмен между авторами и журналом, фильтрация журналом входящих статей и оценка их на соответствие нормам науки – тем не менее, неравномерность распределения ссылок в статьях одного журнала свидетельствует против возможности такой оценки, а репутационный обмен более адекватно отображается в неформальных рейтингах внутри научного сообщества. Применение импакт-фактора для измерения качества публикации делает роль журнала в системе оценки более значимым, так как место публикации становится куда важнее содержания или даже цитируемости самой статьи²⁴³.

Сам показатель цитируемости основан на неявном предположении, что цитирование всегда означает «импакт» цитируемого текста, его влияние на актуальные исследования, научную значимость, однако это не совсем корректно. За практиками цитирования стоят разнообразные мотивы – помимо цитирования результатов исследования, которое легло в основу цитирующей работы, возможны и «цитаты ради цитаты»: цитирование научного руководителя (из уважения); цитирование для демонстрации «знания литературы»; цитирование авторитета в данной области исследований. Ярким примером «цитаты ради цитаты» являются цитирования Маркса и Ленина в советской науке и можно, ссылаясь на слова Ю. Гарфилда отметить, что если «исходить из одного лишь показателя цитируемости научных работ, то следовало бы признать Лысенко одним из величайших исследователей 1950-х годов»²⁴⁴.

²⁴³ Жэнгра И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию. М.: Новое литературное обозрение, 2018. с. 141.

²⁴⁴ Там же, с. 64.

Даже вполне обоснованное цитирование может демонстрировать как подтверждение и развитие материалов статьи, так и резкое неприятие, неодобрение и критику. Цитирование, таким образом, несамотождественно, и понимание цитирования статьи только как признания ее вклада в науку – это уже привнесение интерпретации, наличие которой значительно снижает объективность данного показателя: «мы можем делать заключения лишь на основании интерпретации статистических показателей, а интерпретация основана на понимании смысла цитирования, которое само по себе достаточно субъективно»²⁴⁵.

Усугубляет ситуацию и унификация требований к публикациям. Парадоксально, но эта тенденция противоречит даже данным библиометрии. Ив Жэнгра показывает, что по практикам публикации и цитирования выделяются не два, а четыре направления исследований, приводя следующие данные: «библиометрический анализ характеристик цитирования выделяет наличие скорее четырех, а не двух групп наук. Биомедицина отличается в этом отношении от остальных естественных наук. А социальные науки, с одной стороны, и гуманитарные дисциплины, с другой, которые традиционно объединялись в одну группу, также различаются по принятым в них практикам цитирования, берущим начало в разных традициях. В целом можно заметить, что около трех четвертей в статьях по гуманитарным дисциплинам приходится на книги, а не на журналы. Этот процент мало менялся за последние тридцать лет. Зато в экономике доля ссылок на книги снизилась за тот же период с 55 до 30%. Эта тенденция объясняется тем, что экономисты имитируют поведение коллег из естественных наук. Например, в химии или физике более 80% ссылок приходится на статьи»²⁴⁶. Кроме того, практики цитирования различаются по времени появления ссылок: в гуманитарных статьях и статьях по математике большинство ссылок приходится не на первые два года, а на первые десять лет после появления статьи. Время, за

²⁴⁵ Адлер Р., Эвинг Дж., Тейлор П. Статистики цитирования // Игра в цифры, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). М.: МЦНМО, 2011. с. 26.

²⁴⁶ Жэнгра И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию. М.: Новое литературное обозрение, 2018. с. 39. Следует отметить, что различия в практиках цитирования закономерно следуют из различий в самой организации научных исследований в разных науках, см. Whitley, R. D. The Organization of Scientific Work in "Configurational" and "Restricted" Sciences: A Study of Three Research Laboratories // International Journal of Sociology. 1978. Vol. 8, № 1/2. P. 95–112.

которое появляется примерно половина ссылок на статью, у них гораздо дольше. Корректность показателя цитируемости для оценки в естественных науках более или менее подтверждена, однако современные наукометрические практики представляют собой некритичное перенесение подобной оценки в сферу социально-гуманитарных наук и математики. Это совершенно неадекватно не только по отношению к фактической действительности, но и к действительности, отраженной в библиометрических показателях – как указывает Глушановский А. В., комплексная оценка результатов научных исследований выходит за пределы возможностей наукометрии²⁴⁷.

Таким образом, современная парадигма наукометрического оценивания труда ученых некорректна как минимум по следующим причинам:

1. Библиометрия изначально не разрабатывалась как инструмент *оценки* научной деятельности;
2. Объективные показатели в процессе интерпретации наделяются смыслами, которые *не соответствуют* оцениваемым параметрам;
3. Экстраполяция наукометрических практик из естественнонаучной коммуникации на социально-гуманитарную при *игнорировании* особенностей внутридисциплинарной коммуникации приводит к неадекватному представлению о соответствующих областях науки и фундаментальным ошибкам организации научных исследований, если данные показатели используются для сопоставления дисциплин (что вызывает особую обеспокоенность представителей гуманитарных наук²⁴⁸).

Кроме того, для наукометрических показателей очень точно работает закон Гудхарта: «когда достижение некоторого показателя становится целью, он перестает быть хорошим показателем»²⁴⁹. Это вызвано тем, что как только объявляется поощрение или наказание за соответствие или несоответствие

²⁴⁷ Глушановский А. В. Несколько слов в защиту наукометрии // Управление наукой: теория и практика. 2023. Том 5, № 3. С. 14–21.

²⁴⁸ Данилов В., Дуденкова И., Космарский А., Кралечкин Д., Сафронов П. Как перестать беспокоиться и полюбить реферируемые журналы. Дискуссия о наукометрии // Versus. 2022. Т. 2, № 2. С. 70–86.

²⁴⁹ Арнольд Д., Фаулер К. Гнусные цифры // Игра в цифры, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). М.: МЦНМО, 2011. с. 53.

некоторым показателям, деятельность оцениваемых кардинально меняется и любые изначальные цели заменяются одной – достижением определенных показателей: «В применении к академической науке это означает появление у ученых стимулов к конформистской показухе и публикациям ради публикаций в ущерб созидательной деятельности и разнообразию, а также инновационным, первопроходческим и междисциплинарным исследованиям»²⁵⁰.

Как отмечает Л. В. Шиповалова, сейчас стимулируются публикации только в «рейтинговых журналах», ученые оцениваются индексом цитирования и эта оценка используется при принятии управленческих решений, научная работа организуется в рамках краткосрочной проектной деятельности, а не в виде исследовательской практики, предполагающей продолжительность и неравномерность²⁵¹. Таким образом становится более выгодным накопление временного символического капитала, который скорее обеспечит трудоустройство, возможность получать гранты и финансирование, чем собственно научного символического капитала, что в конечном счете приводит к «макдольнадизации» науки в соответствии с принципами эффективности, просчитываемости, контроля и предсказуемости²⁵².

Меняются не только *обстоятельства порождения* научного текста, но и *коммуникативная ситуация*, и даже конечная *цель*, что говорит о полной смене формата научной публикации. *Форма* статьи также существенно изменилась, и если в естественнонаучной публикационной традиции это можно свести к внутренним потребностям научной коммуникации, то для социально-гуманитарной публикации это исключительно внешнее требование.

При этом и причины смены формата статьи носят внешний для науки характер, в связи с чем и текстовое поведение, формирующееся в данных условиях, зачастую носит оттенок девиации, явно отклоняясь от научного этоса. Как пишет критик наукометрии П. Лоуренс о ситуации в американской науке, «попытки количественно определить качество научных публикаций привели ко многим

²⁵⁰ Халлонстен У. Перестать оценивать науку: историкосоциологическое обоснование // Versus. 2022. Т. 2, № 2. с. 118

²⁵¹ Шиповалова Л. В. Наука – между эффективностью и свободой // Наука: испытание эффективностью / Отв. ред. Л. В. Шиповалова. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. с. 45–46.

²⁵² Вахитов Р. Макдональдизация вузовской науки в современной России // Versus. 2022. Т. 2, № 2. С. 87–103.

поведенческим и политическим изменениям в мире науке»²⁵³. Изменения складываются следующим образом: «Постдоки должны публиковать, чтобы получить работу, и более старшие ученые должны постоянно добавлять к своему списку публикаций новые наименования, чтобы возобновлять гранты или получить постоянную работу. Снова и снова работы представляются в журналы преждевременно, а проекты либо срочно слепляются друг с другом, либо специально конструируются, чтобы “сделать статьи” до истечения сроков. Умелые карьерные ученые учатся правильно упаковывать свои работы, чтобы они могли быть поданы сначала в журналы, а затем в утробы грантовых агентств»²⁵⁴. Подобные же комментарии высказывает Ив Жэнгра в цитируемой ранее монографии о французской науке, а ситуация с российской наукой нам известна не понаслышке. Это позволяет говорить о том, что подобная трансформация текстового поведения – явление глобальное, характерное для всей современной науки. Оно не сводится к проблемам той или иной национальной культуры: «как и следовало ожидать, работы, посвященные последствиям оценивания, основанного на количественных характеристиках статей, показывают, что исследователи сознательно подстраивают свое поведение под критерии, используемые при их оценке. Как замечает Майя Бовалле в своей книге о показателях эффективности, введенных в академических организациях под влиянием новой менеджерской идеологии, “как только тот или иной показатель сконструирован и введен в использование, результаты по нему улучшаются уже просто потому, что на нем оказывается сконцентрировано всеобщее внимание”»²⁵⁵.

Сами исследователи начинают оценивать себя через индекс Хирша или импакт-фактор журналов, в которых они публикуются, цитирование начинает использоваться не только институциями, но и исследователями, когда им это выгодно (например, при составлении резюме, при расчете премий или стимулирующих). Возникают практики «взаимного цитирования» и «дарственного

²⁵³ Лоуренс П. А. Потерянное при публикации: как измерение вредит науке // Игра в цифры, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). М.: МЦНМО, 2011. с. 40.

²⁵⁴ Там же, с. 41.

²⁵⁵ Жэнгра И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию. М.: Новое литературное обозрение, 2018. с. 82.

авторства» и даже купли-продажи (со)авторства, что часто приобретает промышленные масштабы²⁵⁶).

Требование иметь высокий импакт-фактор приводят к манипуляциям со стороны редакторов научных журналов. Обзорные редакторские статьи, в которых фигурируют ссылки на статьи, размещенные журнале в течение последних двух лет; принуждение авторов, которые хотят опубликоваться в журнале, к цитированию других публикаций и авторов данного журнала; вступление в «картели взаимного цитирования» – все это уже прочно вошло в современные публикационные практики.

Однако даже если мы не будем затрагивать откровенно девиантное поведение, работа с текстом добросовестных исследователей существенно изменилась. Ограниченность по количеству слов в статье приводит к изменению выбора цитируемого материала. «Например, ссылка на единственный обзор вместо нескольких оригинальных статей, сообщающих об открытии, требует меньшего количества слов, и, поскольку обычно имеется нескольких различных соответствующих обзоров, выбор того, какой именно процитировать, легко может иметь скорее политический, чем научный характер»²⁵⁷ – пишет П. Лоуренс. Авторы, предоставляющие в журналы свои статьи, вынуждены подчиняться перформативу из раздела «для авторов» и готовить публикацию под определенный журнал, что может приводить и к коррекции темы исследования. В перспективе стремление публиковаться в рейтинговых журналах «ведет к отказу от изучения локальных, маргинальных и немодных тем. Такая тенденция опасна для гуманитарных и социальных наук, объекты которых имеют по определению более локальный характер, чем у естественных наук»²⁵⁸ – отмечает И. Жэнгра. Условные рефлексy на поощрения, основанные на наукометрических стимулах, настолько вошли в современные академические практики, что даже несмотря на осознание

²⁵⁶ Garisto D. Publishing Nightmare: a Researcher's Quest to Keep His Own Work from Being Plagiarized // Nature. 2024. Vol. 633, № 8029. P. 260–262.

²⁵⁷ Лоуренс П. А. Потерянное при публикации: как измерение вредит науке // Игра в цифирь, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). М.: МЦНМО, 2011. с. 42.

²⁵⁸ Жэнгра И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию. М.: Новое литературное обозрение, 2018. с. 84.

некорректности, надуманности и неадекватности соответствующих рейтингов, ученые продолжают строить свою публикационную активность исходя из требований, предъявляемых к ним в разного рода отчетах.

Мы не можем редуцировать статью исключительно к форме и месту публикации, однако мы постоянно это делаем. Мы не можем оценивать качество работы исключительно по наличию ссылок на нее, однако мы это делаем. Мы не можем сводить содержание статьи к аннотации и списку литературы, однако мы делаем и это. Редукция статьи к акту отчетности и основанию для количественной оценки работы исследователя приводит к трансформации смысла научной публикации, вплоть до полного его искажения. Наукометрический бихевиоризм, натаскивание ученых на показатели, приводит к изменению текстового поведения ученых²⁵⁹, когда мы публикуем статьи не потому что получили значимые результаты, цитируем статьи не потому что считаем работу действительно важной и выбираем журнал для публикации не потому что он лучше всего подходит нашей тематике исследований. Подобные практики в конечном счете деструктивно сказываются не только на научной деятельности, но и на психическом состоянии самих ученых²⁶⁰.

Все вышеуказанное приводит к тому, что множится количество журналов и научных статей, не выполняющих свои функции. «Хищнические» журналы, создаваемые исключительно для обеспечения публикации в рейтинговых базах цитирования, не формируют сообщество, не осуществляют фильтрацию статей на соответствие требованиям научности, не создают площадки для коммуникации, в конце концов, не обеспечивают накопление собственно научного капитала. Предоставляемая авторам возможность за определенную плату опубликоваться (а иногда и опубликовать «статью под ключ») в журнале, который некоторое время будет включен в международные базы цитирования, удовлетворяет лишь одну потребность – умножить количество статей, которые будут оценены людьми и

²⁵⁹ Johann D. et al. The Impact of Researchers' perceived Pressure on their Publication Strategies // *Research Evaluation*. 2024. Vol. 0, № 00. P. 1–16.

²⁶⁰ Hanitzsch T., Markiewicz A., Bødker H. Publish and perish: mental health among communication and media scholars // *Journal of Communication*. 2024. Vol. 74, № 6. P. 429–442.

организациями, не имеющими к исследовательской деятельности ни малейшего отношения, но оказывающими влияние на доступ к тем или иным благам, необходимым для продвижения по карьерной лестнице. Именно здесь наиболее ярко проявляется накопление временного капитала, получаемого не за вклад в науку, а за достижение предписываемых показателей.

Можно сделать вывод, что оценка деятельности ученых на основе количественных показателей, связанных с их публикационной активностью, приводит к дисфункции научной статьи как средства коммуникации ученых и искажению ее смысла, а кроме того, существенно влияет на публикационные стратегии ученых и их текстовое поведение.

3.2. Научная статья в расширенной публичности науки

Институциональное становление науки начиная с XVII вв. происходило в поле публичной коммуникации. На протяжении всей исследовательской деятельности ученый обязан выносить результаты своих исследований на суд сообщества – при этом сам он выступает таким же судьей, так как научная коммуникация представляет собой коммуникацию равных в общем деле и равных в праве на участие в дискуссии. Таким образом вырастает особая «эзотеричная научная публичность, в которой эксперты обмениваются знанием посредством профессиональных журналов и на конференциях»²⁶¹.

Развитие науки как социального института привело к тому, что влияние науки на общественную жизнь стало крайне велико. Выход науки в публичную сферу и рост ее авторитета в общественной жизни привели к тому, что возникла необходимость в осмыслении того, как именно ученый (и наука в его лице) может взаимодействовать с обществом²⁶². Как отмечает Касавин И. Т., «наука становится максимально публичной, конкурируя в этом с попкультурой, но при этом ученые настаивают на своем выделенном эпистемическом статусе и особой экспертной

²⁶¹ Habermas Ju. The Scientization of Politics and Public Opinion // Toward a Rational Society. Boston: Polity Press, 1987. p. 76–77.

²⁶² см., например, Шиповалова Л. В. Распределенное познание и его границы в контексте публичной научной коммуникации // Социология науки и технологий. 2019. №3. С. 56–71.

функции»²⁶³. К тому же такая представленность ученого не сводится к одной публичной роли и возможна, по меньшей мере, в трех ипостасях: 1) предоставление научной экспертизы, т.е. использование научного знания для публичного рассмотрения «ненаучных» проблем; 2) популяризация науки, т.е. сообщение о новых научных проектах, открытиях, достижениях и теориях именно с научной точки зрения; 3) метадискурс о науке, технологиях и отношениях между наукой и обществом (в том числе, рассмотрение и общественное обсуждение различных этических коллизий, сопутствующих развитию науки и технологий)²⁶⁴.

В рассуждениях о проблеме соотношения частного и публичного, частное, личное, приватное, как правило, относится к отдельному человеку, гражданину. Но как быть, если речь идет о социальном институте, который имеет свою внутреннюю публичность? Наука является ярким примером института, существующего в двух совершенно разных публичных сферах. В своей речи на вручении Киотской премии в 2004 г. Юрген Хабермас отметил разницу между этими двумя типами публичности: «В нашем медийном обществе публичность служит тем, кто стремится добиться видного положения; она играет роль пространства, где можно представить себя другим. <...> Другую цель имеет участие в политических, научных или литературных дискуссиях. Взаимопонимание по какой-либо теме как бы замещает здесь личное представление себя. В таком случае публика образует пространство не зрителей или слушателей, но говорящих и адресатов, обращающих друг к другу речи и держащих ответы. Происходит обмен доводами, а не связывание взглядов в единый пучок»²⁶⁵. Очевидно, что эти два вида публичности требуют участия различного рода, основаны на разных коммуникативных принципах. Прагматика текстов, относящихся к этим видам публичности, принципиально не совпадает. Формы коммуникации, которые являются основой «внутренней» публичности (научная статья, доклад на конференции, монография), не только формально, но и содержательно не могут быть в той же мере восприняты

²⁶³ Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола) // Человек. 2015. № 2. с. 9–10.

²⁶⁴ Peters H.P. Scientists as Public Experts: Expectations And Responsibilities // Handbook of Public Communication of Science and Technology. 3rd ed. London: Routledge, 2021. p. 131.

²⁶⁵ Хабермас Ю. Публичное пространство и политическая публичность // Между натурализмом и религией. Философские статьи. Москва: Изд-во «Весь мир», 2011. с. 15–16.

«внешней» публичностью. Разумное сомнение, дискуссионность знания, обсуждаемость открытий, без которых научная коммуникация немислима, невозможны в публичной сфере, которая требует от науки окончательного знания.

Именно здесь ярче всего проявляется двойственный характер науки, обнаруженный Бруно Латуром. Специфика науки, согласно Латуру, состоит в том, что она одновременно представляет собой и застывшую совокупность знания, и знание в процессе его возникновения. Это одновременно и готовый продукт, и научная кухня, на которой он изготавливается: «...два голоса, звучащих одновременно и противоречащих друг другу, один из которых рассказывает нам о научной кухне, а другой – о готовом научном продукте. Последний произносит выражения вроде “делай это...”, “делай то...”; первый говорит “достаточно всегда не достаточно”. Левая половина считает научные факты и машины вполне определенными. Правая половина видит эти факты и машины в процессе их возникновения и всегда считает недостаточно определенными»²⁶⁶. Разумеется, во внешней публичности формируется запрос именно на готовый научный продукт. Неудивительно, что одним из защитных механизмов научной публичности стали внутренние нормы, предписывающие ознакомление широкой общественности только с теми суждениями, концепциями и выводами, которые уже прошли проверку в научном сообществе, так как в случае выхода в широкую публику ученый не просто «представляет себя другим», а представляет собой всю науку.

Тем не менее, эта презумпция не всегда соблюдалась. Нередко случались своеобразные «утечки информации» не без участия самих ученых. Одно из таких нарушений границ внутренней публичности науки послужило началом паники, связанной с использованием генно-модифицированных продуктов. Речь идет о публикации 1999 г. за авторством Арпада Пуштаи и Стенли Эвана. Примечательна не сама публикация, а контекст, который ей предшествовал: «Еще до того, как обсуждаемая статья прошла рецензию и была опубликована, Пуштаи выступил на телевидении, где высказал свои подозрения о вреде ГМО. То, что выступление на

²⁶⁶ Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. с. 39.

ТВ предшествовало публикации научной статьи, негативно отразилось на репутации института, в который посыпались звонки от журналистов, государственных деятелей, представителей индустрии и возмущенных ученых. Публичное выступление оказало влияние и на принятие статьи в журнал. Один из рецензентов статьи Пуштаи написал, что работа содержит существенные недостатки, но “чтобы избежать подозрения в заговоре против Пуштаи и дать коллегам возможность увидеть данные собственными глазами”, ее стоит опубликовать»²⁶⁷. На публичное обсуждение были вынесены сведения, не одобренные, и даже не рассмотренные научным сообществом, причем ученый выступал в качестве научного эксперта. Соответствующая случаю внутренняя публичная коммуникация (публикация статьи в журнале) была заменена выступлением в СМИ, что, с одной стороны, стало причиной вторжения внешней публичности во внутренне-научную, а с другой стороны, подняло волну беспокойства в широкой публике. Надо отметить, что это нарушение институциональных норм в случае Пуштаи повлекло за собой соответствующие санкции – он был со скандалом уволен из университета.

Однако стремительное развитие информационных технологий привело к тому, что поступок, который в свое время мог стать причиной отлучения от профессии, рассматривается как вариант новой нормы. Развитие интернета и частичный переход научной коммуникации в сетевое пространство создали условия для зарождения новых форм взаимодействия науки и общества. Цифровые коммуникации делают возможным свободный, неограниченный обмен идеями и заставляют всерьез говорить о границах открытости науки. Статьи в виде препринтов могут размещаться в сети до публикации в рецензируемом журнале, а то и вместо нее. Научные журналы нередко имеют электронные версии, что позволяет ознакомиться с их текстом любому желающему.

Это приводит к размыванию границ внешней и внутренней публичностей науки, которое проявляется в эрозии двух сфер коммуникации: «Члены

²⁶⁷ Панчин А. Сумма биотехнологии. Руководство по борьбе с мифами о генетической модификации растений, животных и людей. М.: Corpus, 2015. с. 129.

заинтересованной общественности, и при этом неспециалисты, имеют доступ к информации, подготовленной профессиональными организациями, главным образом для потребления профессионалами. Части сайтов или целые сайты научных обществ и научных журналов находятся в открытом доступе или требуют лишь указания имени для регистрации, и тем самым открывают внутренние дискуссии, предварительные размышления и планы профессионалов для более широкой публики»²⁶⁸. Таким образом, внешней публичности открывается закулисы науки, или научная кухня, для которой не может быть раз и навсегда определенных фактов. Неопределенность фактов, обсуждаемая в рамках внутренней публичности науки, и разногласия по поводу этих фактов воспроизводятся во внешней публичности, что ранее составляло особую проблему для сообщения о научных открытиях²⁶⁹. Однако, как мы уже говорили, внешний потребитель научного факта хочет видеть готовый продукт, который смог бы предоставить ему основания для принятия решения. Следствием этого противоречия является трансформация прагматики текста научной статьи, которую она претерпевает, попадая в широкую публичность.

Развитие различных научно-популярных жанров привело к тому, что научная журналистика стала полноценной профессией, и «science communication» зачастую понимается именно как коммуникации науки и общества. О публичной представленности науки можно говорить в достаточно широком смысле, однако для раскрытия трансформации прагматики научной статьи мы остановимся прежде всего на научно-популярных текстах (или – шире – контенте, так как мы будем учитывать в том числе видеоформат и другие способы оформления текста). Кроме того, речь будет идти о тексте, созданном для непрофессионалов – людей, которые, предположительно, не обладают какими-либо знаниями в отдельных науках. В такой перспективе можно выделить как минимум три аспекта прагматики научно-популярного контента: развлекательный, информационный и просветительский.

²⁶⁸ Trench B. Internet: Turning Science Communication Inside-Out? // Handbook of public communication of science and technology. London: Routledge, 2008. p. 186–187.

²⁶⁹ Communicating Uncertainty: Media Coverage of New and Controversial Science / ed. Friedman S.M., Dunwoody S., Rogers C.L. New York: Routledge, 1999. 296 p.

Развлекательный аспект современной научно-популярной индустрии представляет собой особый вид интеллектуального досуга, и здесь перенимает и принимает формы, свойственный поп-культуре. Многочисленные блоги, посты в социальных сетях, публичные лекции, видеоролики должны быть представлены не в форме обычной университетской лекции или «скучного» учебника, а в форме того, что можно посмотреть/послушать/посетить на досуге. При этом, безусловно, научно-популярные тексты отличаются от остального поп-контента определенной познавательной нагрузкой, а основным содержанием развлекательного контента будут «интересные факты» из различных областей знания.

Информационный аспект предполагает сообщение о последних научных открытиях. С одной стороны, «научные новости» сложно отнести именно к популяризации науки, с другой же – они очевидно представляют собой некоторый текст о научных результатах, написанный для непрофессионалов, и многие научно-популярные ресурсы размещают, помимо прочего, и такой контент. Публикации такого рода часто содержат ссылки на первоисточник – как правило, это научная статья, в которой опубликованы результаты исследования.

Просветительский аспект связан прежде всего с развенчанием существующих мифов и, в конечном итоге, пропагандой научного метода (под которым чаще всего имеется в виду естественнонаучная методология), скептицизма и критического мышления. Именно в таком научно-популярном контенте ученые (или просветители) претендуют на некоторую экспертность и особый эпистемический статус – занимая позицию «избранного», обладающего знанием и методом получения этого знания, популяризатор берет на себя роль борца с безграмотностью и засильем лженауки.

Но научная критическая установка существует в совершенно определенных институциональных условиях, как нельзя более подходящих для ее сохранения и развития – это и направленность на знание, как на абсолютную ценность, и презумпция сомнения в истинности полученных результатов исследования, требующая постоянной их проверки и перепроверки, и необходимость взаимокритики как способ борьбы теорий за свое место в корпусе научного знания.

Когда же результаты исследований выходят за пределы того института, в котором они были получены, они отчуждаются от самого процесса научного творчества и превращаются в информацию, прочтение которой зависит от способа ее преподнесения.

Будучи способом развлечения, научно-популярный медиаконтент в первую очередь не должен вызывать отторжения своей сложностью. Кроме того, в силу направленности на максимально широкую аудиторию, он должен не только развлекать, но и завлекать публику. Как отмечает исследователь сетевого дискурса С. В. Тихонова, «Эффективность продвижения научно-популярных и научных сообщений в сетевой медиасреде зависит от того, насколько контент приближен к формату инфотейнмента, усиливающего развлекательную функцию медиатекста. С точки зрения дискурсивных практик упрощение можно описать как процесс “бульваризации” знания, который сводится к таким особенностям контента, как обилие иллюстраций, нестандартная форма верстки, простой язык изложения»²⁷⁰. Такая подача научно-популярной информации направлена на то, чтобы привлечь, увлечь и развлечь «потребителя контента», и действительно позволяет более эффективно популяризировать науку. Основная цель, реализуемая посредством инфотейнмента – понравиться аудитории, что затрагивает скорее аффективную, нежели рациональную сферу.

Не менее значимые ограничения накладывает и информационный аспект. В настоящее время для того, чтобы та или иная научно-популярная медиаплощадка была востребована (будь то научно-популярный сайт, паблик в социальных сетях или видеоблог), необходимо ее регулярное пополнение новым контентом, и новости о научных открытиях являются самым простым способом поддержания жизнедеятельности информационного ресурса. Общей чертой таких текстов является то, что они, как правило, основаны на научных статьях, в которых опубликованы результаты освещаемых исследований. Однако по сравнению с научными статьями, на которые они опираются, заголовки таких текстов более

²⁷⁰ Тихонова С. В. Конкуренция науки и лженауки в эпоху постправды // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. с. 288.

радикальны, а сам материал преподносится более однозначно, что делает такой текст образцом популярного знания, которое охарактеризовал Людвиг Флек: «Характерной чертой популярного изложения научных знаний является отсутствие деталей и, прежде всего, спорных мнений, вследствие чего эти знания предстают искусственно упрощенными. Форма этого изложения обладает художественной привлекательностью, живостью и доступностью. Еще более важно, что оно излагается в аподиктической манере, позволяющей просто принять или отбросить какие-либо точки зрения. Упрощенность, образность и аподиктичность суждений – наиболее характерные черты экзотерического знания»²⁷¹. Как пишет в своем блоге известный физик, популяризатор науки С. Попов: «безапелляционный формат диктуется часто внешними обстоятельствами – т. е. СМИ. Мне довольно быстро редакторы втолковали, что не надо писать “Возможно, получены серьезные указания, что...” Или “ученые открыли”, или ничего не пишем»²⁷². Разумеется, формулировки могут несколько смягчаться, но общая тенденция сохраняется – уже на уровне заголовка значительно усиливается несомненность полученных результатов, что также является симптомом отчуждения знания от научного поиска, хотя иллюзия связи и сохраняется посредством ссылки на научную статью.

Необходимо принимать во внимание, что статьи – передний рубеж научного знания, т. е. данные, которые еще не прошли проверку научным сообществом, преодолев только первичный фильтр – рецензирование и редактуру в научном журнале. Радикализация результатов исследования, опубликованных в научных статьях, может в перспективе не только привести к формированию ненаучной картины мира, но и создать неверное впечатление о роли научной публикации в развитии дисциплинарного знания. На сегодняшний день новейшая научная статья в англоязычном периодическом издании уже считается наиболее значимым и достоверным источником в научно-популярных текстах. И в силу того, что информационно-новостные публикации чаще всего основаны на англоязычных

²⁷¹ Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. с. 136.

²⁷² снова про выступление Виктора Вахштайна // Блог Сергея Попова на площадке LiveJournal URL: <https://sergepolar.livejournal.com/3394408.html#comments> (Дата обращения: 24.11.2024).

статьях, в зависимости от квалификации автора новости возможны существенные искажения результатов, вызванные некорректным переводом.

В качестве негативного примера можно привести публикацию в научно-популярном паблике «N+1»²⁷³ от 15 марта 2019 года под заголовком «Тяжелый умственный труд связали с развитием диабета второго типа у женщин»²⁷⁴. Ссылка в публикации ведет на страницу научно-популярного сайта «N+1»²⁷⁵, где размещен основной текст новости, содержащий, в том числе, и ссылку на аннотацию научной статьи на сайте рецензируемого издания²⁷⁶. Негативным этот пример является потому, что в оригинальной статье речь шла не о «тяжелом умственном труде», а о «психическом напряжении» и «стрессе, связанном с работой». Примечательно, что данная публикация вызвала оживленный спор в социальной сети ВКонтакте, где на протяжении 46 комментариев обсуждалось, что является тяжелым умственным трудом, а что нет, и почему педагоги (которые были основными испытуемыми в оригинальной статье) считаются работниками тяжелого умственного труда. Для того, чтобы обнаружить неточность перевода, достаточно было прочесть аннотацию оригинальной статьи. Этот пример приводит нас к следующей проблеме: для целевой аудитории ссылка на статью в подобных публикациях является скорее маркером научности, чем средством проверки достоверности предлагаемого материала. Значимо еще и то, что сами читатели недостаточно компетентны для проверки сведений, содержащихся в исходной научной статье, вследствие чего ее прагматика полностью меняется – вместо сообщения определенных сведений, открытых для критического обсуждения, она превращается в маркер несомненности. Читатель скорее проверяет наличие этой ссылки, чем содержание, и склонен удовлетворяться первым – научная статья сама по себе является авторитетным источником и в перепроверке не нуждается.

²⁷³ N + 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/public91933860> (дата обращения: 28.11.2024).

²⁷⁴ Тяжелый умственный труд связали с развитием диабета второго типа у женщин // N+1. URL: https://vk.com/wall-91933860_241501 (дата обращения: 28.11.2024).

²⁷⁵ Тяжелый умственный труд связали с развитием диабета второго типа у женщин // N+1. URL: <https://nplus1.ru/news/2019/03/15/diabetes-mental-work> (дата обращения: 28.11.2024).

²⁷⁶ Fagherazzi G. et al. Mentally Tiring Work and Type 2 Diabetes in Women: A 22-Year Follow-Up Study // *European Journal of Endocrinology*. 2019. Vol. 180, № 4. P. 257–263.

Это приводит нас к парадоксальной ситуации: предоставляя ссылку на первоисточник, научно-популярный текст предполагает возможность обращения к нему и проверки информации, представленной в новости, что потенциально способствует формированию критического мышления. Однако на практике научная статья имеет такой статус, что одно ее упоминание подтверждает истинность сказанного и устраняет необходимость сомнения.

Такое проникновение текстов, предназначенных для внутренне-публичного обсуждения во внешнюю по отношению к науке сферу – непосредственное проявление коммуникативной диффузии между двумя видами публичности современной науки. Как мы можем отметить, в случае текстов меняется прежде всего читатель, и вместе с ним меняется исходная прагматика текста, воздействие, оказываемое им на адресата. То, что в «эзотеричной публичности науки» послужило бы началом научной дискуссии, в «широкой публичности» становится основанием безусловного принятия сообщаемой информации, и сопутствующее этому искажение публичных представлений о деятельности ученого является лишь одним из следствий стирания границ между внутренней и внешней публичностью науки. Другим следствием открытия «научной кухни» непосвященным является утрата доверия к науке, как источнику готового знания (ведь это знание еще не утверждено как факт). Продолжая метафору Б. Латура, можно сказать, что в таком случае широкая публика получает вместо готового продукта – утвержденного научного факта – замороженный полуфабрикат, а то и сырые ингредиенты, что не может не сказываться на доверии к «поварам».

Особенно сильно это проявилось в 2020 году, во время эпидемии COVID-19, когда весь мир в полной мере ощутил вторжение природы в пространство социального, науки – в политическое, политического – в повседневность. Пережитая миллионами вынужденная изоляция и кардинальный слом привычной жизни актуализировали те взаимодействия, которые, как правило, кажутся незначимыми и отходят на второй план. Возможно, не самая страшная после эпидемии испанского гриппа, но точно самая медийная, пандемия 2020 года заставила политиков ссылаться на научные публикации, а граждан – пытаться

разобраться в научных данных и противоречивых заявлениях политиков. Это дало мощный толчок как развитию научной журналистики, так и осмыслению взаимодействия науки и общества. Результаты исследований стали необходимым основанием принятия решений – как политических, так и повседневных. Таким образом, можно говорить о двух измерениях принятия научно информированных решений: 1) решение принимается отдельным гражданином-непрофессионалом по поводу его частных интересов; 2) решение принимается политическим субъектом и обязательно для исполнения всем подчиненным обществом. При этом в случае принятия решений, исполнение которых обязательно для всего общества, граждане получают указания к действию от органов власти, но со ссылкой на научные данные.

Особый интерес представляют ситуации, когда решение следует принимать в условиях столкновения с тем, по поводу чего у науки пока нет готового знания. Указанием к действию является готовый научный продукт, и мы можем обнаружить как минимум четыре возможности доступа к нему: 1) сведения, получаемые от экспертов-практиков в данной области; 2) публичные высказывания экспертов-исследователей; 3) различный научно-популярный контент; 4) первоисточники, научная литература. Разница между первыми тремя и четвертым путем доступа состоит в том, что в четвертом случае мы сталкиваемся с наукой непосредственно, лицом к лицу, в то время как в остальных данные сообщаются более или менее легитимным ее представителем. В первых трех случаях мы с большей степенью вероятности получим готовый научный продукт. В случае непосредственного обращения к научным текстам мы сталкиваемся с научной кухней. Эксперты же, напротив, выполняя посредническую функцию между наукой и обществом в широком смысле, обязаны представлять свое знание как конечное, но при этом отличное от теоретического научного: «Различие же экспертного знания и научного теоретического, подчеркивание посреднической функции экспертов, заставляет воспринимать научное теоретическое знание как

открытое критике и не окончательное»²⁷⁷. Кроме того, такое посредничество позволяет научному знанию не только сохранять дискуссионный характер, но и защититься от чрезмерного проникновения политики в науку: «Экспертная деятельность ученых создает своего рода “защитный пояс”, который оберегает “ядро” науки – фундаментальные исследования – от внешнего вмешательства и чрезмерного политического контроля»²⁷⁸.

В условиях, когда ситуация неопределенности обостряется, разграничение экспертного знания и теоретического научного значительно ослабевает, так как те крупницы готового знания, которые эксперт может предоставить публике или политическим субъектам, еще не успели оформиться в «черный ящик» факта. На практике это проявляется в том числе в невозможности дать однозначный определенный ответ на тот или иной вопрос, что в глазах непрофессиональной публики может выглядеть как неуверенность, а, следовательно, незнание. В связи с этим усугубляется недоверие как к институту науки в целом, так и к каждому отдельному эксперту, так как «снижение доверия к институту науки привело к снижению готовности общества без колебаний признавать кого-либо экспертом просто на основании принадлежности этого человека к числу ученых»²⁷⁹.

Чтобы определить основание легитимности экспертизы, необходимо рассмотреть факторы, влияющие на доверие к науке в целом. По мнению Тухватулиной Л.А., доверие к науке «связано с общим уровнем образованности граждан, наличием доступа к актуальной научной информации (здесь нельзя не отметить роль популяризации науки), а также мерой поддержки научных организаций со стороны государства»²⁸⁰. В случаях, когда решение принимается политическим субъектом и граждане получают распоряжение от уполномоченных органов власти со ссылкой на высказывание экспертов, этот перечень факторов

²⁷⁷ Шиповалова Л. В. Власть, общество, эксперты – трансформация связей в эпоху цифровых технологий // Государство и граждане в электронной среде. 2020. № 4. с. 12–13.

²⁷⁸ Тухватулина Л.А. Экспертное знание в демократическом обществе: к проблеме обоснования // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3, № 1. с. 69.

²⁷⁹ Звонарева О. И. Производство знания во время пандемии COVID-19: перезагрузка отношений науки и общества? // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3, № 2. с. 32.

²⁸⁰ Тухватулина Л.А. Экспертное знание в демократическом обществе: к проблеме обоснования // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3, № 1. с. 71.

дополняется доверием публики к органам власти. Так, документ Всемирной организации здравоохранения о связи вакцинации и доверия к вакцинам и официальным органам, отмечает серьезное воздействие утраты доверия к уполномоченным органам на использование вакцины²⁸¹. Основой для формирования доверия к официальным органам являются, согласно документу, следующие показатели: 1) компетенция (обладание соответствующих органов знаниями и опытом); 2) объективность (отсутствие связи с чьими-либо интересами); 3) справедливость (учет всех точек зрения); 4) последовательность принимаемых решений; 5) доверие (сочувствие и понимание со стороны органов власти). Чем большее количество показателей находятся на низком уровне, тем, соответственно, ниже доверие к уполномоченным органам, что способствует снижению доверия к экспертам, на чье мнение в принятии решений опираются политические субъекты.

Снижение доверия к мнению экспертов²⁸² приводит к тому, что непрофессионалы ищут иные источники готового научного знания, которое может стать основанием для принятия решений. Это могут быть лидеры общественного мнения, которые, не являясь представителями науки, высказывают свою позицию по тому или иному поводу, представители «альтернативной науки», объявляющие себя экспертами и критикующие «официальную науку», подчиненную государственным интересам и т.д. Кроме того, в таком случае заметно повышение интереса к специализированной научной литературе (в силу того, что СМИ, сообщая те или иные новости об актуальном положении дел в кризисной ситуации, как правило, дают прямые ссылки на научные источники, о чем уже говорилось ранее). Однако обращение к такой литературе (в частности, к научным статьям) может способствовать не росту доверия к институту науки, а, напротив, к его снижению, в силу специфики самой научно-технической литературы.

²⁸¹ Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. Вакцинация и доверие: как возникает озабоченность и роль коммуникации в смягчении кризисных ситуаций [Электронный ресурс]. URL: <https://iris.who.int/handle/10665/343300> (дата обращения: 28.11.2024).

²⁸² см., например, Пружинин Б. И. Экспертиза как эпистемологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37, Вып. 3. С. 393–402.

В ситуации проникновения технической литературы в повседневность, мы сталкиваемся с двумя проблемами. Во-первых, условный непрофессионал сталкивается с научной кухней непосредственно, а значит, сталкивается с разногласиями, которые в принципе невозможно использовать как основу для принятия решений, что в том числе способствует созданию впечатления, что «эти ученые сами ничего не знают». Во-вторых, сталкиваясь с техническим текстом, непрофессионал не в состоянии в достаточной мере оценить все предлагаемые им аргументы, так как технический текст располагает ресурсами, во много раз превосходящими возможности отдельного человека. Обе эти проблемы вносят существенные трудности в использование научных знаний в качестве основы для принятия индивидуальных решений, что особенно значимо в условиях постепенной технологизации и усложнения повседневной жизни человека. Обращение к научной литературе не упрощает процесс принятия решений, а, напротив, усложняет его «Никто больше не может найти спасения от ожесточенных политических дебатов за стенами лабораторий. Если читатель все еще сомневается в этом, то ему достаточно бросить беглый взгляд на страницы научных журналов, чтобы обнаружить свидетельства этих фундаментальных изменений: вместо того, чтобы завершить дискуссию, обратившись к фактам, всякая новость из области науки только подливает масла в огонь, вызывая ажиотаж публики»²⁸³.

Выводы к разделу 3

Подводя итог, можно указать на следующие смысловые аберрации научной статьи, приводящие к трансформации ее прагматики:

1. Редукция статьи к акту отчетности и основанию для количественной оценки работы исследователя приводит к трансформации смысла научной публикации, вплоть до полного его искажения. Наукометрический бихевиоризм, натаскивание ученых на показатели, приводит к изменению текстового поведения

²⁸³ Латур Б. Политики природы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. с. 85.

ученых, в конечном счете, приводит к очевидной дисфункции научной статьи как средства передачи научного знания и научного журнала как посредника, связывающего научное сообщество. Эта коммуникативная ситуация создает все условия для накопления временного капитала, получаемого не за вклад в науку, а за достижение предписываемых показателей.

2. Диффузия внутренней и внешней публичности науки, которая проявляется, в том числе, в открытом доступе к научным статьям, порождает изменение прагматики научной статьи, ее воздействия на адресата. Начало научной дискуссии сменяется безусловным принятием информации, что приводит к формированию искаженных представлений о научной деятельности и научном знании.

3. Еще одним следствием открытого доступа к научным статьям для внешней публики является утрата доверия к науке, как источнику готового знания, что усложняет принятие научно информированных решений. Доступ непрофессионалов к специализированной литературе, открывающей всю глубину разногласий научных дискуссий, порождает сомнение в возможностях науки как метода получения истинного знания.

4. Гуманитарная статья: институциональная специфика и возможные альтернативы

Тот факт, что традиция исследований научной коммуникации формировалась преимущественно в англоязычном исследовательском пространстве, оказал существенное влияние на определение предметной области этих исследований. Специфика английского “*science*” состоит в том, что оно означает именно естественные и технические науки. Социальные науки именуются “*social sciences*”, для обозначения гуманитарных наук применяется термин “*arts & humanities*”. Как следствие, изучение науки (*science*) как социального института фокусировало внимание исследователей именно на естественных науках²⁸⁴. В силу чего специфика социально-гуманитарной научной коммуникации нередко оказывается недостаточно раскрытой, что также повлияло и на институционализацию научной коммуникации в этих дисциплинах.

Рассматривая взаимовлияние разных отраслей знания, Дж. де С. Прайс отмечает, что «хотя гуманитарные дисциплины имеют свои журналы, статьи с развитым научным аппаратом, библиографии, нормальный темп роста и накопления информации, именно естественнонаучные дисциплины сегодня, как и всегда, демонстрируя ускоренный рост и массивированное накопление информации, вызывают к жизни новые коммуникационные системы»²⁸⁵.

Действительно, именно естествознание определяет направление развития коммуникации со времени зарождения научных журналов. И именно потому, что новые коммуникационные средства организуются в соответствии с потребностями

²⁸⁴ эта тенденция также характерна и для отечественных исследований науки XX века, см., например: Мирская Е. З. Механизм оценки и формирования знания в естественных науках // Вопросы философии. 1979. № 5. С. 119–130; Мирская Е. З. Мирский Э. М. Наука, технология, общество // Вопросы философии. 1970. № 5. С. 166–174.; Мирская Е. З. Научные школы: история, проблемы и перспективы // Наукосведение и новые тенденции в развитии российской науки. М.: Логос, 2005. С. 244–265.; Мирская Е. З. Ученый и современная наука. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1971. 103 с.; Мирская Е. З. Этические регулятивы функционирования науки // Вопросы философии. 1975. № 3. С. 131–138.; Мирский Э. М. Массив публикаций и система научной дисциплины // Системные исследования. Методологические проблемы. М.: Издательство «Наука», 1977. С. 133–158.; Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980. 304 с.; Мирский Э. М. Системный подход в изучении науки (Методологические замечания) // Системные исследования. Ежегодник. 1973. М.: Наука, 1973. С. 187–202.

²⁸⁵ Прайс Д. Дж. де С. Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов. М.: Прогресс, 1976. с. 95–96.

естествознания, а к социально-гуманитарному корпусу дисциплин применяются скорее по инерции и за счет того, что они также вписаны в академическую действительность, у социально-гуманитарных дисциплин это вызывает дополнительные трудности – особенно у философии, как «самой гуманитарной» дисциплины. Основными задачами этого раздела являются определение дисциплинарной специфики научной коммуникации посредством статьи и поиск возможных альтернатив научной статье как малой форме коммуникации ученых.

4.1. Коммуникативная ситуация в философской статье

Отсутствие сколь-нибудь масштабных исследований гуманитарной научной коммуникации и слепое применение к ней публикационных нормативов естественных и точных наук порождает несоответствие формы публикации ее содержанию. Подобная ситуация не могла остаться незамеченной, и в отечественном философском сообществе появляются монографии²⁸⁶ и целые выпуски журналов²⁸⁷, проходят конференции²⁸⁸ и круглые столы²⁸⁹, посвященные проблемам гуманитарной и философской публикации.

На некорректность смешения естественнонаучной и социально-гуманитарной коммуникации обращают внимание и филологи. В настоящее время в теории функциональных стилей сложилось общее представление о наиболее характерных чертах научного языка, которые обусловлены целями научного текста, спецификой передаваемой информации и закреплены традицией: это требование точности предоставления информации, терминологичность лексики,

²⁸⁶ См., например, Идеи и числа. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 272 с.; История философии в формате статьи. М.: Культурная революция, 2016. 244 с.

²⁸⁷ Данилов В., Дуденкова И., Космарский А., Кралечкин Д., Сафронов П. Как перестать беспокоиться и полюбить реферируемые журналы. Дискуссия о наукометрии // Versus. 2022. Т. 2, № 2. С. 70–86.

²⁸⁸ Философский журнал как феномен интеллектуальной культуры. К 70-летию журнала «Вопросы философии». Коллективная монография. / Отв. ред.-сост. А. А. Гусейнов, Б. И. Пружинин, науч. ред. Т. Г. Щедрина. М., СПб.: ЦГИ «Принт», 2017. 471 с.

²⁸⁹ Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола) // Человек. 2015. № 2. С. 6–41.; Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола) // Человек. 2015. № 3. С. 5–25.; Социально-гуманитарная статья: эпистемологический и культурно-исторический ракурс (часть 1) // Высшее образование в России. 2017. № 7. С. 46–68.; Социально-гуманитарная статья: эпистемологический и культурно-исторический ракурс (часть 2) // Высшее образование в России. 2017. № 8/9. С. 74–99.

отстраненность автора, преобладание повествовательных предложений, использование безличных конструкций и т. д. Среди исследований коммуникации в области гуманитарного знания показательна работа Косовой В. А.²⁹⁰, которая сопоставляет естественнонаучные и социально-гуманитарные статьи и отмечает, что «практика редактирования научных статей гуманитарного содержания демонстрирует вполне очевидное расхождение между теоретическим описанием особенностей научного стиля и жанра научной статьи и реальными научными текстами в рамках этого жанра»²⁹¹.

Язык современной науки существенно трансформировался со времен возникновения научной статьи, однако эта трансформация ощутима скорее в области наук о природе, нежели в гуманитарном знании. Если в качестве образца гуманитарного знания принять философию, можно увидеть, что язык философии изменился в меньшей степени. При этом язык физики Ньютона и язык современной физики – это два разных языка. Язык гуманитарных наук, как и прежде, гораздо ближе к естественному языку, чем язык точных наук. Как известно, один из главных недостатков слов естественного языка – их многозначность, которая свойственна и вокабуляру гуманитарных наук. Однако в данном случае мы имеем дело скорее с принципиальной многозначностью, если угодно – смыслопорождающей многозначностью. Детально анализируя выпуск научного журнала по специальности «Философия», В. А. Косова отмечает, что авторы философских статей склонны к словотворчеству, причем к смыслопорождающему, а также такому словоупотреблению, которое подчеркивает те или иные смысловые оттенки. «Не вызывает сомнений то, что такие окказионализмы имеют наиболее непосредственное отношение к выполнению языком его когнитивной функции, поскольку они выражают рожденное в рамках научного текста новое знание, “означивают” его, фиксируя в словесной форме» – пишет исследовательница²⁹².

²⁹⁰ Косова В. А. Трансформация жанра научной статьи или выделение жанровых разновидностей? // Ученые записки Казанского Государственного Университета. Гуманитарные науки. 2007. Т. 149, Кн. 1. С. 224–234.

²⁹¹ Там же, с. 225.

²⁹² Там же, с. 227.

Кроме того, отмечается, что в гуманитарных статьях вполне допустимо использовать первое лицо, единственное число – писать от имени «я». Если сопоставлять это обстоятельство со стилистикой статей по естественным наукам, то можно говорить о специфике трансформации авторства в различных научных отраслях. С учетом тенденции множественного авторства, характерной для естественнонаучных публикаций, в условиях, когда авторов больше одного – использование местоимения «я» в принципе невозможно, а значит, создаются объективные условия для обезличивания языка статьи. Так как до гуманитарных статей пока не дошло веяние «гипер-авторства» (скорее всего, и не дойдет), сохранение личностного начала в этих текстах предрешено.

Когнитивная функция языка в гуманитарных исследованиях и значимость языкового инструментария для гуманитарных наук обуславливают особенности формы представления текста гуманитарной статьи. Если естественнонаучные статьи сообщают нам некоторые результаты уже проведенного эксперимента, совершенного открытия, то гуманитарные статьи демонстрируют скорее процесс получения знания или намечают некоторые возможные пути к нему. Философский текст может быть построен именно таким образом – в форме вопрошания. Согласимся, что представить себе такую статью-вопрошание в формате IMRAD, по меньшей мере, сложно. Таким образом, мы видим существенные различия в форматах статей по естественнонаучной и гуманитарной проблематике – по крайней мере, в том, что касается формы текста. Ниже мы покажем более фундаментальные различия, связанные непосредственно с текстовыми практиками в гуманитарных науках.

Сделаем два возможных предположения:

- тексты по гуманитарным наукам не соответствуют стандартам научной точности, они до них не «доросли», им нужно методологически «развиваться»;
- специфика гуманитарных статей (философских, в частности) определена спецификой гуманитарных наук в целом, а значит, к ним должны быть иные требования. Таким образом, неприемлемо использовать в отношении гуманитарных статей тот подход, который существует в настоящее время и

является слепой рецепцией всех тенденций естественнонаучной журнальной среды.

Первое предположение очевидно позитивистское. В некотором смысле на него наталкивает текущая ситуация в мире социально-гуманитарных публикаций: в философии наиболее успешны с точки зрения наукометрических показателей научные журналы аналитической ориентации. Отчасти это связано с явной наукообразностью аналитических статей, отчасти с тем, что в англоязычной философии преобладает аналитическая традиция. С точки зрения социальных практик в аналитическом научном сообществе статья играет куда большую роль, чем в иных философских дисциплинах²⁹³.

Второе предположение скорее указывает направление для размышлений, чем дает готовый ответ. Особые требования к качеству гуманитарного научного текста, его стилистике, выбору способа изложения и презентации исследования приводят к тому, что работа с текстом для гуманитарных наук зачастую столь же важна, как и само исследование. Если в естественнонаучном журнале вклад редактора и рецензентов заключается в том, чтобы указать на технические неточности, а статьи нередко публикуются в авторской редакции, то гуманитарный текст требует отдельной редакторской работы. Как отмечает Н. И. Кузнецова, «редактор может и должен помочь автору раскрыть свою идею, дорогой для него тезис. Можно помочь структурировать статью, чтобы полнее раскрыть ее содержание, можно придумать яркие подзаголовки, более четко сформулировать вводную и заключительную части. Хорошие журналы вкупе с редактором и редколлегией этим и занимаются. Если это есть, то это проявление высокой культуры сообщества ... Для философии и гуманитаристики звучание текстов чрезвычайно важно. Хороший редактор добивается такого звучания, а это куда важнее всяких IMRaDов. Витгенштейн говорил о сфере нефактических смыслов – они царствуют в этике, эстетике, в самом чувстве благоговения. Некоторые наши журналы явно несут такие смыслы, а если

²⁹³ Быкова М. О журнальной статье, ее роли и значении в философии // История философии в формате статьи. М.: Культурная революция, 2016. с. 26–27.

они будут под запретом, исчезнет важнейшая компонента философского и гуманитарного текста»²⁹⁴.

В словах Н. И. Кузнецовой прослеживается беспокойство о судьбе гуманитарного журнала. Как уже упоминалось ранее, для современной науки как социального института, эффективность работы которого подлежит внешней оценке и внешнему же регулированию, характерно особое понимание того, что считается значимой научной публикацией. Стоит задать вопрос, крайне важный для философского сообщества – что же считать значимой философской публикацией? Философское исследование, безусловно, может быть опубликовано в виде статьи, философский журнал необходим для поддержания дискуссии, живой мысли философии, что особо подчеркивает Б. И. Пружинин, главный редактор журнала «Вопросы философии»: «Философский журнал в этом плане – важнейший элемент такой коммуникации, ибо журнал – тоπος, куда философы “приносят” свои идеи и где, тем самым, они встречаются для обсуждения этих идей. Журнал – это, если угодно, часть Агоры»²⁹⁵. Указанное, впрочем, верно и для собственно научного журнала, но философская публикация имеет свою специфику. Приведенная реплика Б. И. Пружинина прозвучала на конференции, посвященной проблемам современного философского журнала²⁹⁶. На этой же конференции А. В. Смирнов, на тот момент директор Института философии РАН, сформулировал крайне значимый вопрос, который в той или иной форме возникал на всех круглых столах: «своя ли это форма для собственно философии или же научная статья уводит философию куда-то, может быть, в какие-то интересные, но какие-то другие области? То есть не теряем ли мы чего-то своего, соглашаясь на эту форму, вынужденно соглашаясь, потому что нужно и цитирование, нужно и присутствие в

²⁹⁴ Социально-гуманитарная статья: эпистемологический и культурно-исторический ракурс (часть 2) // Высшее образование в России. 2017. № 8/9. с. 78–79.

²⁹⁵ Философский журнал как феномен интеллектуальной культуры. К 70-ти летию журнала «Вопросы философии». Коллективная монография / отв. ред-сост. А.А. Гусейнов, Б.И. Пружинин, науч. ред. Т.Г. Щедрин. М., СПб.: ЦГИ Принт, 2017. с. 15.

²⁹⁶ Философский журнал как феномен интеллектуальной культуры: проблемы и перспективы, 2017 г. (к 70-летию журнала «Вопросы философии»).

базах? Нет ли здесь потери чего-то существенного?»²⁹⁷. Это вопрошание, общее для философов, побуждает искать иные формы и иные пути выражения философской мысли, уходя в эссеистику или публицистику, в ущерб наукометрическим показателям. Эссе и публицистическая статья уже предполагают некоторую ненаучность, а в случае философии – выход за пределы самого института науки. Однако в настоящее время за пределы внутренней научной коммуникации выходят и специфически научные статьи, что также трансформирует их изначальный смысл.

Таким образом, мы видим, что гуманитарная (и тем более философская) научная статья отличается от естественнонаучных статей по своему формату – коммуникативная ситуация предполагает сохранение индивидуального авторства, цель – не столько *сообщение о результатах* исследования, сколько сам процесс исследования, что предполагает большую диалогичность и дискуссионность. Указанные особенности, наряду со стилистической и риторической свободой при сохранении требований к строгости аргументации, побуждают искать иные малые формы, которые могли бы служить альтернативой классической научной статье.

4.2. *Смысловая адекватность формата эссе*

Очевидно, что в наши дни эссе не является академическим жанром. Его случайность, фрагментарность, неметодичность и образность не позволяют считать его достойным инструментом для фиксации объективного знания. Однако есть направления исследований, в которых эссе как жанр встречается с завидным постоянством. Это, в первую очередь, философия, а также литературоведение, искусствоведение, культурология. Эссеизм настолько неустраним из этих наук, что дискуссии по поводу его научности и допустимости в академических исследованиях не умолкают с середины XX века. Так, Теодор Адорно указывает на предвзятое отношение к эссе в современной ему Германии: «Даже сегодня

²⁹⁷ Философский журнал как феномен интеллектуальной культуры. К 70-ти летию журнала «Вопросы философии». Коллективная монография / отв. ред-сост. А.А. Гусейнов, Б.И. Пружинин, науч. ред. Т.Г. Щедрина. М., СПб.: ЦГИ Принт, 2017. с. 46.

достаточно похвалить кого-нибудь в качестве “писателя”, чтобы можно было исключить его из академической сферы. Несмотря на все весомые прозрения Зиммеля, молодого Лукача, Каснера и Бенямина относительно эссе как спекуляции по поводу специфических, культурно предзаданных предметов, академический цех терпит в качестве философии лишь то, что облачено в мантию всеобщего, устойчивого и на сегодня максимально изначального, а конкретные духовные образования затрагивает лишь в той мере, в какой они позволяют увидеть всеобщие категории или, по крайней мере, продемонстрировать частное»²⁹⁸. Эссеизм, в свою очередь, слабо совместим со всеобщими категориями, устойчивостью и изначальностью. Однако способность к прокладыванию новых мыслительных троп, к обнаружению ранее не схваченного, не позволяет академическим дисциплинам отказаться от признания эссеистических текстов.

В предисловии к «Энциклопедии эссе», (впервые вышла в 1997 году, содержит около четырех с половиной тысяч наименований²⁹⁹) отмечается, что эссе существует на периферии академических дисциплин или у их истоков³⁰⁰. Тема, которая впервые была проявлена в том или ином эссе, может впоследствии лечь в основу нового направления исследований. Или, напротив, чрезмерная институционализация, затвердевание, стагнация науки побуждает авторов обращаться к «неортодоксальным» формам выражения, чтобы преодолеть ограниченность современной им исследовательской практики. Эссеистика действительно составляет своеобразную «параллель» академическим исследованиям. Как пишет В. Кругликов: «работа сознания эссеиста осуществляется в режиме параллелей по отношению к традиции взаимосвязанных и взаимоотталкивающихся учений и систем. <...> наблюдатель-эссеист, расположенный в параллельной и мыслительной традиции плоскости, не обращает внимания на нее, часто ее может и не знать, и так как он ведет чисто интимную работу (его отношения с предметностью индивидуализированы, уникальны, часто

²⁹⁸ Адорно Т. Эссе как форма // Своеволие философии: собрание философских эссе. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. с. 65–66.

²⁹⁹ см. Encyclopedia of the Essay / ed. Chevalier T. London: Taylor & Francis, 2006. 2156 p.

³⁰⁰ Good G. Preface // Encyclopedia of the Essay / ed. Chevalier T. London: Taylor & Francis, 2006. p. xxxi.

даже личностны), то он вынужден каждый раз обосновывать свое субъективное видение»³⁰¹. Этот «параллелизм» эссе приобретает особую привлекательность для гуманитария тогда, когда того требует сам предмет (например, индивидуальное произведение искусства, аффект от которого невыразим строгим научным языком) или же когда суть дисциплины состоит в непрерывном поиске новых путей мышления (как в случае с философией).

Журнал Стэнфордского университета «Republics of Letters» в 2014 году выпустил тематический номер, посвященный эссе – «The Essay: An Attempt, a Protean Form» (Эссе: Попытка, протеическая форма)³⁰². Сквозной темой этого номера было место эссе в современном литературоведении. Особый интерес представляет опубликованная в нем статья Ханса Ульриха Гумбрехта о месте эссе в немецком языковом пространстве³⁰³, которая является своего рода ответом на критическое эссе, опубликованное в том же году Юргеном Каубе, социологом веберианской традиции, редактором еженедельного приложения к газете, одной из самых влиятельных в интеллектуальной среде Германии. Эссеистику Каубе определяет как «высшую форму досуга в идиллических пейзажах гуманитарных исследований». Едва ли можно ему возразить – эссе действительно неотделимо от интеллектуального досуга, который и позволяет выйти за рамки привычного рассмотрения предмета исследования. Однако проблема эссе как жанра в том, что отсутствие цели, задач, методов и результатов делают его неизмеримым, неквантифицируемым. Невозможно определить «научный вклад» эссеиста, поскольку эссе не дает очевидного приращения знания, которое обеспечивает научная статья. С этой проблемой сталкивается не только литературоведение, но и философия.

³⁰¹ Кругликов В. Возможности эссеизма в понимании культуры [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2006/12/25-234> (Дата обращения: 25.11.2024)

³⁰² «Republics of Letters». 2014. Vol. 4, № 1. The Essay: An Attempt, A Protean Form. URL: <https://shc.stanford.edu/arcade/publications/rofl/fora/essay-attempt-protean-form> (accessed: 30.11.2024).

³⁰³ Гумбрехт Х.У. Эссе, жизнь, переживание (Дьердь Лукач в 1910 году и литературоведение сегодня) // Новое литературное обозрение. 2015. № 2 (132). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/132_nlo_2_2015/article/11352/#_ftn2 (Дата обращения: 30.11.2024)

Институционализация философии в качестве научной дисциплины³⁰⁴ во многом определила допустимые форматы академических текстов, среди которых не оказалось места для эссе. Тем не менее, устранение эссе из философии означало бы утрату одного из путей философского поиска. Мишель Фуко пишет: «Проба, опыт, “эссе” [“essai”] – что надо понимать как преобразующее испытание самого себя в игре истины, а не как основанное на примитивизации присвоение другого в целях коммуникации – это живое тело философии, по крайней мере, если сегодня она все еще продолжает оставаться тем, чем была когда-то, то есть определенной “аскезой”, упражнением себя в движении мысли»³⁰⁵. Поэтому неудивительно стремление философов сохранить место для эссе в современном академическом пространстве. Эссе находит себе место в сборниках – ярким тому примером является сборник эссе «Своеволие философии», опубликованный Институтом философии Российской академии наук в 2019 году³⁰⁶. Главный редактор ведущего российского философского журнала «Вопросы философии» отмечает, что журнал пытается сохранить место для эссе, публикуя их в разделе «Из редакционной почты» (хотя и здесь возникают проблемы – сам журнал входит в различные системы цитирования – но будет ли эссе индексироваться в них и можно ли им отчитываться по гранту?)³⁰⁷. Эти усилия становятся своего рода реакцией на стандартизацию учета научных публикаций, «обращение к нему [эссе – *Е.Ш.*] отвечает желанию оказать сопротивление дефилософизации философии, превращению ее в науку, распадению на отдельные области знания»³⁰⁸.

Пограничность, периферийность эссе может вызывать опасения – вдруг оно вовсе будет вытеснено из академического пространства другими, более наукообразными жанрами? Адорно уже в 1958 г. писал, что «Актуальность эссе –

³⁰⁴ См. Шиян Т. А. Философия и наука как институциональные формы: проблема институциональной демаркации // Южный Полус. Исследования По Истории Современной Западной Философии. 2018. Т. 4. № 1–2. С. 44–80. Шиян Т. А. К проблеме институционального формирования философии // Южный Полус. Исследования По Истории Современной Западной Философии. 2024. Т. 12. № 2. С. 55–72.

³⁰⁵ Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. СПб.: Академический проект, 2004. с. 15.

³⁰⁶ Своеволие философии: собрание философских эссе. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 499 с.

³⁰⁷ Философский журнал как феномен интеллектуальной культуры. К 70-летию журнала «Вопросы философии». Коллективная монография / Отв. ред.-сост. А. А. Гусейнов, Б. И. Пружинин, науч. ред. Т. Г. Щедрина. – М., СПб.: ЦГИ Принт, 2017. с. 46–47.

³⁰⁸ Зубец О. Об эссе и об этой книге // Своеволие философии: собрание философских эссе. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. с. 28.

это актуальность анахроничного. Нынешнее время неблагоприятно для него, как никогда. Эссе разрывается между организованной наукой, в которой все требуют для себя права контролировать все и всех и которая блокирует все, что не соответствует консенсусу, при этом лицемерно хваля как интуитивное или стимулирующее; и философией, которая довольствуется пустым и абстрактным остатком того, что еще не занято научным предприятием и что тем самым становится для нее вторичным объектом заботы»³⁰⁹. Однако не стоит забывать, что эссе принципиально периферийно – любая институционализация, окончательное его принятие как жанр академического письма, тотчас же превратило бы эссе в застывшую форму, каковой и стало «академическое эссе», которое задается в качестве домашнего задания студентам, или, в еще более выхолощенной форме – становится одним из заданий единого государственного экзамена. Эссе не может и не должно быть вписано в устоявшуюся академическую практику. Но и не может исчезнуть из интеллектуальной жизни.

Поводом для оптимизма здесь становится также то, что европейское эссе – такое же дитя Модерна, как и европейская наука. С шестнадцатого-семнадцатого века идут они рука об руку: наука в установлении объективной истины, утвержденного знания, эссе – в поиске выражения мысли, схватывании живого опыта. Дальнейшая институционализация и специализация науки только подогревает потребность в эссе (красноречивым подтверждением этого будет бум эссеизма в первой половине XX века). Утверждая эссеизм как сущностный механизм культуры Нового времени, М. Эпштейн пишет: «Эссеизм – это мягкая форма собирания и конденсации культуры; общим знаменателем всех разошедшихся культурных дробей тут выступает неделимая единица, индивидуальность. <...> Эссеизм – это синтез разнообразных форм культуры на основе самосознания личности, которая восходит благодаря такому опосредованию ко все более высоким степеням духовной универсальности. Эссеизм – одно из проявлений устойчивости, “гомеостаза” в той открытой системе,

³⁰⁹ Адорно Т. Эссе как форма // Своеволие философии: собрание философских эссе. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. с. 84.

какую представляет собой культура Нового времени. Его назначение – поддерживать равновесие в системе, осуществлять связь всех периферийных обособлений, самых далеких и утонченных специализаций с центрообразующим сознанием личности – но не закрывать систему. Иначе для сохранения целостности культуры пришлось бы пожертвовать ее основной ценностью и смыслом – открытостью»³¹⁰. Благодаря возможности тотализировать индивидуальное, постигать предмет во всей его целостности, пусть и в ущерб точности и определенности, эссе сохраняет и будет сохранять свое место в культуре. До той поры, до которой возможно свободное мышление и выражение его в тексте, эссеизм как поиск мысли и встреча с собой мыслящим, принципиально неустраним.

Эссе пишется «ни для кого», «для себя» и «для кого угодно», для его написания не нужна причина – только повод и «праздность», позволяющие выпускать мысль в свободное плавание. Бесцельность эссе обуславливает его прагматику – эссеист не может предложить читателю ничего, кроме как разделить с ним акт созерцания, зафиксированный в тексте. Только потому эссе и может доставить читателю то удовольствие, на которое не способен научный текст: «В автономии отображения сохраняются следы коммуникативного, что отличает эссе от научного сообщения, лишённого их напрочь. Удовлетворение, которое риторика стремится дать слушателю, сублимируется в эссе в идею счастья свободы в отношении предмета, которая дает ему больше, чем неумолимое включение в порядок идей. Сциентистское сознание, направленное против любого антропоморфного представления, изначально связано с принципом реальности и подобно последнему враждебно счастью»³¹¹. Несмотря на то, что автор эссе представляет свидетельство действительности, это свидетельство субъективно и является «самосвидетельством», «мыслесвидетельством», а значит не противоречит ничему и не требует безусловного принятия. Только приобщение к

³¹⁰ Эпштейн М.Н. На перекрестке образа и понятия: эссеизм в литературе Нового времени // Эпштейн М. Парадоксы новизны. М.: Советский писатель, 1988. с. 375.

³¹¹ Адорно Т. Эссе как форма // Своеволие философии: собрание философских эссе. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. с. 82.

мысли является действием эссе. Эта возможность эссе не вступать в «войну философий», не конкурировать с научными теориями и философскими системами сохраняет за ним право быть «минус-формой», вечно неопределенным пятном в интеллектуальной жизни культуры. Согласимся в заключение с Хансом Ульрихом Гумбрехтом: «Убедиться в этом можно на примере отдельных эссе, которые вторгались и продолжают вторгаться в различные области интеллектуальной жизни; использование строгих понятий в них неизбежно дает сбой, но они не теряют релевантности для нашего осознания самих себя как гуманитариев»³¹²

Итак, одним из способов бегства философии от ограничений, налагаемых форматом научной статьи, является обращение к эссе как малому жанру, позволяющему отразить свободный поток ищущей мысли. Слабая институционализируемость и низкая степень академичности эссе не позволяют ему становиться доминирующим форматом философской коммуникации, однако создают альтернативу для выражения тех смыслов, которые утрачиваются в журнальной статье.

4.3. Коммуникативная прагматика публицистики

Еще одна возможная альтернатива формату научной статьи – публицистическая статья – становится тем типом письменного текста, который содержит в себе значительный диалогический потенциал, так как предполагает реакцию публики, ожидает этой реакции. Более того, отсутствие отклика на публицистический текст – будь то ответ на страницах газет и журналов или принятие и распространение идей, выражаемых публицистом – говорит о том, что текст не оказал никакого воздействия, а значит, не достиг своей цели. Цель же философской публицистики – прежде всего, просвещение, распространение истины. Недаром А. И. Герцен, выдающийся публицист, указывал на это как на первую и единственную причину, побуждающую философа писать текст. Как

³¹² Гумбрехт Х.У. Эссе, жизнь, переживание (Дьердь Лукач в 1910 году и литературоведение сегодня) // Новое литературное обозрение. 2015. № 2 (132). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/132_nlo_2_2015/article/11352/#_ftn2 (Дата обращения: 30.11.2024)

отмечает Э. Ю. Соловьев в статье, посвященной именно этому философскому формату, «философская публицистика в точном смысле слова – это, конечно же, плод Просвещения. Она расцветает на базе основного стратегического убеждения английских и французских энциклопедистов: истина овладевает людьми (можно сказать “общим сознанием”) только благодаря беспощадному обличению их обманов и самообманов»³¹³. Философская публицистика в особенности предполагает именно этот просветительский пафос – публичное пользование собственным разумом, о котором И. Кант в статье «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?» пишет следующее: «Под публичным же применением собственного разума я понимаю такое, которое осуществляется кем-то как ученым перед всей читающей публикой»³¹⁴.

Просветительская интенция роднит философскую публицистику с современными научно-популярными текстами, однако между ними есть ряд существенных различий, как накладывающих некоторые ограничения на «научно-популярную» философию, так и позволяющих говорить о большей применимости публицистики для репрезентации философии. Одним из таких различий является уже упомянутая диалогичность публицистики. Согласимся с Зарапиным О.В. в утверждении, что «Практика диалога предполагает выход во внешний мир из скорлупы созерцательного уединения. Ее основу образует коммуникативный контакт, который может быть реализован на равных в дружественной обстановке»³¹⁵.

О диалогическом потенциале философской публицистики свидетельствует история становления этого жанра. Публицистика представляет собой не просто письменный, а печатный текст, сама форма существования которого связана с газетами, журналами и другими средствами массовой информации, однако своими истоками она восходит к публичным речам на античной агоре. Будучи наследницей устной публичной речи, публицистика предполагает воздействие на слушателя.

³¹³ Соловьев Э. Ю. История философии в регистре публицистики // История философии в формате статьи. М.: Культурная революция, 2016. с. 80.

³¹⁴ Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Собр. Соч. в 6-ти томах. Т.6. М., 1966. с. 26.

³¹⁵ Как действует философия / Рыскельдиева Л.Т., Зарапин О.В., Шкорубская Е.Г., Валуев Д.Г. М.: Академический проект, 2023. с. 115.

Ученкова В. В. в работе «У истоков публицистики»³¹⁶ в качестве предвестников публицистики указывает памфлеты, диатрибы, эпистолярные тексты, предназначенные для публичного прочтения. Так как памфлеты отличаются преимущественно политическим содержанием, что несколько отдаляет их от собственно философской публицистики, а диалогические начала эпистолы мы рассмотрели ранее, подробнее остановимся на диатрибе.

Диатриба представляет собой один из жанров кинической литературы, создателем которого считается Бийон из Борисфена на Днепре, философ-киник, ученик Кратета. По словам Диогена Лаэртского, «За то, что его речь была смешана из выражений разного стиля, Эратосфен, по преданию, сказал, что Бийон первый нарядил философию в лохмотное одеяние»³¹⁷ (в других переводах – «нарядил философию в пестрое платье гетеры»³¹⁸). Так в форме диатрибы, уже не в устном, а в письменном виде, философия вышла на площадь. Доступность изложения философских идей для широкой публики позволяет называть диатрибу популярно-философским жанром³¹⁹. При этом публичность диатрибической речи-текста не тождественна публичной речи на агоре, своей этимологией диатриба значительно ближе к сократическим диалогам, как пишет И. М. Нахов: «Первоначально термин *diatribe* обозначал беседу, разговор на философскую тему, своеобразную устную проповедь. Сократ заявлял, что его осудили афиняне, не переносившие его выступлений и бесед (*tas emas diatribas*), его правдивых речей (Платон. Апология 37С)»³²⁰. Но даже будучи письменным текстом, записанным в виде монолога (в отличие от диалогов Платона), диатриба не утрачивает диалогичности благодаря фигуре воображаемого собеседника, к которому обращается автор. При этом в качестве такого собеседника могут выступать как современники, так и мифологические герои, животные, неодушевленные предметы и абстрактные понятия (такие как Бедность, Заботы, Красота, справедливость и т.д.). Целью

³¹⁶ Ученкова В. В. У истоков публицистики. М.: Изд-во МГУ, 1989. 214 с.

³¹⁷ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. с. 199.

³¹⁸ Нахов И. М. Киническая литература. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1981. с. 47.

³¹⁹ см. Дуров В.С. Жанр мениппеи в творчестве Варрона-сатирика // Традиции и новаторство в античной литературе: Межвузовский сб.: *Philologia classica*. Л., 1982. Вып. 2. с. 189.

³²⁰ Нахов И. М. Киническая литература. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1981. с. 47.

диатрибы является не изложение результатов научной деятельности, а развенчание обыденных мифов и заблуждений, поучение и наставление, побуждение читателя к умоперемене в процессе дебатов с воображаемым противником.

Побуждение к изменению самого себя за диатрибой наследует публицистика вообще и философская публицистика в частности. Разумеется, не во всех философско-публицистических текстах столь очевидно морализаторство и призыв к изменению поведения, однако их общей интенцией является побуждение к изменению мышления, умоперемена, которая достигается в том числе через скрытый диалог, обращение к публике или к конкретному оппоненту. Обращение к широкой публике порождает еще одно качество философской публицистики – относительную простоту изложения, упрощение философских идей, то самое «лоскутное одеяние», облачаясь в которое, философия может быть воспринята аудиторией. Это качество публицистики, а также ее злободневность и подчиненность житейским темам, нередко подвергаются критике со стороны более строгой, академической философии – так, В. В. Зеньковский в «Истории русской философии» сетует: «Сколько философского раздумья и подлинного философского творчества уходило, например, в публицистику!»³²¹. По его мнению, это отчасти помешало формированию в русской мысли «философских систем». С другой стороны, он же пишет, что публицистика – «Это есть *особый тип философствования*, – несомненно “связанного”, несвободного, ввиду “давления” тем конкретной жизни, но все же тип философствования. Среди русских мыслителей такая “девиация” встречается *очень часто*, – редко кто из русских мыслителей совершенно свободен от нее»³²². В чем же специфика этого типа философствования, столь характерного для русской философии? Наиболее значимыми особенностями, по нашему мнению, являются обращенность к публике, и связанная с этим диалогичность, выбор злободневных, актуальных тем, и побуждение к умоперемене у читателя.

³²¹ Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. с. 449.

³²² Там же, с. 253–254; курсив авторский.

Понятие «публицистика» само по себе отсылает нас к «публичной сфере» в понимании Ю. Хабермаса – открытому пространству свободной коммуникации, подчиненному принципам просвещенного разума. Политическому измерению публичной сферы предшествует «литературная публичность», в которой становится возможен «процесс самопросвещения частных лиц», первые робкие шаги в сторону публичной полемики и критики³²³. При этом имеется в виду образованная и читающая публика, заинтересованная в самопросвещении в классическом понимании «*sapere aude*». Про такую публику Д. Юм в работе «О написании эссе» пишет: «Утонченную часть человечества, не погрязшую в животной жизни, а использующую операции ума, можно разделить на *ученых* и *общительных (conversible)*»³²⁴. Различая ученых – «*men of letters*», и людей мира (упомянутых «общительных») – «*men of world*», Юм отмечает, что в его эпоху было отделение одной части публики от другой неуклонно снижается. Союз мира ученых и мира общительных, по его мнению, способствует интеллектуальному обогащению и тех и других.

Такой призыв к объединению предполагает отношения условного равенства, что позволяет развести «публичную» и «популярную философию»: «Публичное высказывание предназначено для равного и заинтересованного контакта с аудиторией, которую мыслитель как будто невзначай, не планируя, поднимает до своего уровня. Популярная философия пусть естественно и ненамеренно, но снижает интеллектуальный градус, чтобы приблизиться к реципиентам. С популяризацией философского материала читатель имеет дело, когда читает научно-популярную журналистику, объясняющую различные философские теории»³²⁵. Цель публицистики – «публичной философии» – не *рассказать о философии*, а *приобщить к философии*. Философская публицистика не просто сообщает о результатах некоторого исследования – она представляет процесс

³²³ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. С Предисловием к переизданию 1990 года. М: «Весь Мир», 2017. с. 80–81.

³²⁴ Юм Д. О написании эссе // Своеволие философии: собрание философских эссе. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. с. 36.

³²⁵ Кузнецова Е.В. Философская публицистика современной России: генезис и потенциал познания: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. СПб, 2016 г. с. 64.

философского поиска сама по себе. Это является одним из проявлений эссеизма в философской публицистике (наряду с выраженной ролью автора) – с той разницей, что в эссе автор погружается в чистое созерцание, следуя за самой мыслью, а в публицистике автор ведет читателя по пути поиска мысли. Философ творит мысль непосредственно в тексте, привлекая читателя к соучастию, приглашая его в своеобразную «лабораторию мысли». Методология автора становится очевидной, ход рассуждения вынуждает согласиться или не согласиться, но в любом случае вовлекает в некоторый процесс осмысления.

Приобщение читателя к философии проявляется и в выборе темы, которая должна задевать читателя за живое, вызывать «остановку», вырывать его мышление из обыденности. Публицистика всегда говорит о настоящем, злободневном, общественно значимом. Именно здесь проявляется претензия философии на особую экспертизу, на вынесение оценки тем или иным явлениям общественной жизни, на формирование ценностных установок, на изменение мироотношения, и, как следствие, изменение поведения. Поэтому публицистика, так или иначе, носит проективный характер. На это указывает Л. П. Карсавин в работе «Философия истории»: «Истинная его [*философа-публициста – Е.Ш.*] задача в том, чтобы чрез выяснение возможностей переживаемого момента и его усовершенности (идеала) призвать себя и других к деятельному осуществлению идеального и возможного. Она не в том, чтобы утешать себя и других посулами прекрасного эмпирического будущего. Будущее свободно создается нами чрез восхождение из настоящего во всеединство <...> По основному заданию своему философская публицистика или “история настоящего” являет собою историческую науку в ее действенности. Раскрывая идеал настоящего, его усовершенность, она из противопоставления себя эмпирическому процессу истории снова становится им самим и тем самым свободно созидает будущее»³²⁶. Побуждение к созиданию будущего через преобразование настоящего благодаря свершившейся умоперемене – вот прагматика философской публицистики. Читатель подобного философского текста не просто узнает нечто новое о мире – он обязательно должен

³²⁶ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993. с. 282–283.

поменяться сам – «Философско-публицистический эффект нельзя считать достигнутым, если текст не вызвал в читателе хотя бы минимальной реформации его умственного склада»³²⁷. Почему такая трансформация становится возможна? Вновь вспомним предвестников публицистики – диатрибы, о прагматическом эффекте которых пишет И. М. Нахов: «Диатриба всегда полемична, одно отвергая, другое защищая и утверждая. Новая истина противопоставляется старой лжи, необычное – общепринятому, банальному, обветшавшим ценностям – свежий взгляд на мир. Вокруг этих фундаментальных кинических антитез организована вся бинарная структура диатрибы. Здесь как бы действует принцип перевертыша, парадокса в его истинном значении, когда изменяется смысл привычных слов и представлений»³²⁸. Парадоксальность, бинарность, столкновение противоположных утверждений составляют ядро публицистического текста, обеспечивающее реализацию его прагматики. Суммируя указанные особенности философской публицистики, Э. Ю. Соловьев блестяще выводит формулу ее риторической драматургии: «Р есть не Z, а S»³²⁹. Именно такая формула в наибольшей степени способствует «остановке», провоцирует ситуацию непонимания ранее очевидного и, в конце концов, побуждает к отказу от заблуждения, «выходу из пещеры Платона». Эрих Юрьевич утверждает, и мы с ним согласимся, что «это формула *философского просвещения* и смысловая схема *публичного предъявления истинных содержаний*»³³⁰, а именно публичное распространение истины и является подлинной целью философской публицистики.

Прагматика философского публицистического текста заключается, прежде всего, в побуждении читателя к умоперемене, а впоследствии и перемене поведения, в призыве к совместной созидательной деятельности желаемого будущего. Этот эффект достигается благодаря диалогичности, внутренней полемичности публицистического текста, построенном на парадоксах и

³²⁷ Соловьев Э. Ю. История философии в регистре публицистики // История философии в формате статьи. М.: Культурная революция, 2016. с. 81.

³²⁸ Нахов И. М. Киническая литература. М., Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1981. с. 48.

³²⁹ Соловьев Э. Ю. История философии в регистре публицистики // История философии в формате статьи. М.: Культурная революция, 2016. с. 78.

³³⁰ Там же, с. 80.

противоречиях. Усиливает возможность умоперемены то, что публицистика «берет начало в общем духе времени, со всеми его положительными и отрицательными сторонами, со всеми его радостями и страданиями, со всем его порядком и хаосом»³³¹, что позволяет читателю увидеть в ней самого себя, соотнести себя с философским текстом, почувствовать необходимость изменения. В публицистическом тексте автор предлагает читателю разделить авторское «я должен» и превратить его в «мы должны», но достигается это не репрессивными методами, а совместным поиском истины. Следует отметить, философская публицистика представляет собой пограничный тип философского текста – то приближаясь к академическому философскому тексту, то к литературно-публицистическому, то к социально-критическому, эта форма философствования имеет особый прагматический потенциал, побуждающий философию спуститься с вершины башни из слоновой кости в проблемное поле «на котором философ не может не быть публицистом»³³².

Таким образом, философская публицистическая статья также может рассматриваться в качестве своеобразной альтернативы как философской научной статье, так и философской популярной статье. Ее прагматика заключается прежде всего в просвещении и развенчании мифов, побуждении к мышлению, что делает этот формат органичным для философии. Однако публицистике недостает академической строгости, что не позволяет этой статье стать доминирующей малой формой философии.

Выводы к разделу 4

Рассмотрев особенности гуманитарной (и, в частности, философской) научной статьи, можно сделать следующие выводы:

1. Гуманитарная (и тем более философская) научная статья отличается от естественнонаучных статей по своему формату – коммуникативная ситуация

³³¹ Лосев А.Ф. Русская философия // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. с. 213.

³³² Соловьев Э. Ю. История философии в регистре публицистики // История философии в формате статьи. М.: Культурная революция, 2016. с. 95.

предполагает сохранение индивидуального авторства, цель – не столько *сообщение о результатах* исследования, сколько сам процесс исследования, что предполагает большую диалогичность и дискуссионность. Указанные особенности, наряду со стилистической и риторической свободой при сохранении требований к строгости аргументации, побуждают искать иные малые формы, которые могли бы служить альтернативой классической научной статье.

2. Одним из способов бегства философии от ограничений, налагаемых форматом научной статьи, является обращение к эссе как малому жанру, позволяющему отразить свободный поток ищущей мысли. Слабая институционализируемость и низкая степень академичности эссе не позволяют ему становиться доминирующим форматом философской коммуникации, однако создают альтернативу для выражения тех смыслов, которые утрачиваются в научной статье.

3. Философская публицистическая статья также может рассматриваться в качестве своеобразной альтернативы как философской научной статье, так и философской популярной статье. Ее прагматика заключается прежде всего в просвещении и развенчании мифов, побуждении к мышлению, что делает этот формат органичным для философии. Однако публицистике недостает академической строгости, что не позволяет этой статье стать доминирующей малой формой философии.

4. Таким образом, несмотря на то, что статья в научном журнале все еще является доминирующим форматом научной коммуникации, философия тяготеет к альтернативным малым формам, таким как эссе или публицистика. Это проявляется и в привнесении элементов эссеизма и публицистичности в научные статьи, и в непосредственном обращении к этим малым формам.

Заключение

Формирование научного сообщества стало закономерным результатом институционализации науки – возникло уникальное социальное объединение, существование которого поддерживается благодаря сознательным целенаправленным усилиям его членов. В исследовании такого сообщества неизбежно сочетание дескрипции и нормативности, констатаций и проекций, объективного изучения и субъективного оценивания, рассмотрение сущего и выработка должного.

Единство и целостность научного сообщества является предметом дискуссий, однако в настоящее время не вызывает сомнений то, что научная деятельность по своей сути коммуникативна. Взаимодействие исследователей в процессе проведения научных изысканий, обмен эмпирическими данными и теоретическими результатами, а также дискуссии и споры, способствующие отбору верифицированного знания – все эти процессы осуществляются посредством научной коммуникации. Усиление институционализации науки обусловило тенденцию к формализации коммуникативных практик, что, в свою очередь, привело к доминированию отдельных ее форм. Так постепенно стала доминирующей *коммуникация посредством статей в научных журналах*.

Так как последствия трансформации коммуникативных практик в процессе их институционализации и формализации могут оказывать значительное влияние на саму научно-исследовательскую деятельность, они нуждаются в особом осмыслении. Рефлексия трансформации коммуникации, осуществляемой в форме научной статьи – исходная интенция данного исследования. Рассмотрение научной коммуникации именно как текстовой коммуникации в оптике философской текстологии позволило раскрыть коммуникативную ситуацию научной статьи как отношение между ее адресатом и адресантом, которое определяется характером авторства статьи, предполагаемым читателем и ожидаемыми последствиями прочтения текста адресатом. Понятая таким образом научная статья обнаруживает собственный смысл – основанную на внутреннем целеполагании автора

фундаментальную целостность научного текста, определяющую его содержание, адресат и место в системе научной коммуникации.

Согласно **гипотезе представленного исследования**, трансформация коммуникативной ситуации научной статьи приводит к изменению смысла научной коммуникации, осуществляемой в форме статей и потенциально способствует искажению коммуникативных практик, свойственных социальному институту науки. Выявление aberrаций этих коммуникативных практик стало основной целью исследования, а его проведение позволило ответить на следующие вопросы: 1) каковы коммуникативные основы функционирования научного сообщества? 2) каким образом осуществлялась трансформация коммуникативной ситуации статьи в процессе ее исторического генезиса? 3) каково современное состояние научной коммуникации в формате научной статьи? 4) какие факторы вызывают aberrации научной коммуникации посредством статьи и каков характер этих aberrаций? 5) в чем состоит дисциплинарная специфика научной коммуникации посредством статьи? 6) существуют ли альтернативы научной статье как малой форме коммуникации ученых?

Подведем итоги нашего исследования и наметим дальнейшие исследовательские пути.

Воспроизводство научного сообщества обеспечивается научной коммуникацией, которая выполняет наиболее значимые для сохранения науки функции: эпистемическую – обеспечивает производство истинного знания через кодирование предложений как истинные и ложные и социальную – поддерживает существование сообщества людей, занимающихся производством этих предложений. Формирование научного сообщества обеспечивается взаимодействием акторов, объединяющихся в коллектив, как это показано в акторно-сетевой теории Б. Латура. Акторы выступают либо как проводники, не влияющие на установленные отношения, либо как осуществляющие процедуру перевода посредники, к которым мы относим в том числе научную статью и научный журнал. Механизмы саморегуляции научного сообщества, обеспечивающие соблюдение учеными специфических научных норм, наиболее

полно раскрываются в рамках теории поля науки П. Бурдьё. Отказываясь от идеализированного представления об автономной республике ученых, Бурдьё снимает противоречие между постулируемыми ценностями и актуальным поведением ученых, указывая на их взаимообусловленность в естественной для научного сообщества борьбе за накопление научного капитала. При этом сформированный в XX веке образ научного сообщества отчасти воспроизводит миф *Respublica Literaria* – добровольного объединения свободных исследователей, стремящихся исключительно к приумножению знания. Несмотря на то, что этот образ не в полной мере соответствует реалиям научной жизни, заложенные в нем и эксплицированные Мертоном ценности настолько фундаментальны для саморегуляции ученых, что по сей день являются мерилем оценки трансформаций научного сообщества.

Научная статья становится преемником научного письма и вместе с его функциями перенимает и коммуникативную интенцию, предполагающую нацеленность на конкретного адресата (который постепенно замещается научным сообществом) и имплицитную диалогичность (что в большей или меньшей степени сохраняется в цитировании или, что гораздо реже, в явном обращении к коллегам). В процессе институционализации научной коммуникации статья превратилась в стандартизированное сообщение, передаваемое посредством научного журнала от автора, говорящего от лица научного сообщества и разделяющего ответственность за публикацию с редактором и рецензентами, к принципиально неопределенному читателю, при этом написанное на языке, доступном для прочтения лишь профессионалам.

Современные информационные технологии облачают научную статью в новые контексты, что способствует существенному изменению коммуникативной ситуации статьи. Однако простота и доступность новых способов размещения результатов исследований, равно как и возможность прямого диалога с читателем, для подавляющего большинства ученых не становятся достаточным основанием отказа от публикаций в рецензируемых журналах, что говорит о чрезвычайной стабильности статьи как формы научной коммуникации. Стабильность научной

статьи обусловлена ее функциональностью, так как она наилучшим образом утверждает полученные ученым результаты как научный факт и закрепляет за автором право на произведенную «единицу знания». Журнал же, в свою очередь, являясь неотъемлемым посредником, связующим звеном научного сообщества, с одной стороны, осуществляет фильтрацию тех, кто будет допущен в поле науки и признан в качестве ученого, а с другой стороны, создает пространство для дискуссий, обмена и распространения информации.

Редукция статьи к акту отчетности и основанию для количественной оценки работы исследователя приводит к трансформации смысла научной публикации, вплоть до полного его искажения. Наукометрический бихевиоризм, натаскивание ученых на количественные показатели, приводит к изменению текстового поведения ученых и к дисфункции научной статьи как средства передачи научного знания, а также научного журнала как посредника, связывающего научное сообщество в целое. Эта коммуникативная ситуация создает все условия для накопления временного капитала, получаемого не за счет вклада в науку, а за счет достижения предписываемых показателей. Диффузия внутренней и внешней публичности науки, которая проявляется, в том числе, в открытом доступе к научным статьям, порождает изменение прагматики научной статьи, ее воздействия на адресата. Начало творческой научной дискуссии заменяется принятием к сведению информации, что приводит к формированию искаженных представлений о научной деятельности и научном знании. Еще одним следствием открытого доступа к научным статьям для внешней публики является утрата доверия к науке как источнику полученного в процессе исследований знания, что усложняет принятие научно информированных решений. Простота доступа к специализированной литературе, обнаруживающей всю глубину разногласий в научных дискуссиях, у непрофессионала или носителя обыденного сознания порождает сомнение в возможностях науки как метода получения истинного знания.

Гуманитарная (и тем более философская) научная статья отличается от естественнонаучных статей по своему формату, ее коммуникативная ситуация

предполагает сохранение индивидуального авторства, ее цель – не столько сообщение о результатах исследования, сколько сам процесс исследования, что подразумевает эксплицированную диалогичность и дискуссионность. Эти особенности, наряду со стилистической и риторической свободой при сохранении требований строгости, аргументации и ожиданий дискурсивной последовательности побуждают искать иные малые формы, которые могли бы служить альтернативой классической научной статье.

Одним из способов своеобразного бегства философии от ограничений, налагаемых форматом научной статьи, является обращение к эссе как малому жанру, позволяющему выразить или уловить свободный поток ищущей мысли. Однако слабая институционализируемость и низкая степень академичности не позволяют ему стать доминирующим форматом философской коммуникации, но создают альтернативу для выражения тех смыслов, которые утрачиваются в научной статье. Философская публицистическая статья также может рассматриваться в качестве своеобразной альтернативы как философской научной статье, так и философской популярной статье. Ее прагматика заключается прежде всего в просвещении и развенчании мифов, побуждении к самостоятельному мышлению, что делает этот формат органичным для философии. Однако публицистике недостает академической строгости, что не позволяет этой статье стать доминирующей в профессиональной среде малой формой философии. Таким образом, несмотря на то, что статья в научном журнале все еще является доминирующим форматом научной коммуникации, философия тяготеет к альтернативным малым формам, таким как эссе или публицистика. Это проявляется как в привнесении элементов эссеизма и публицистичности в научные статьи, так и в непосредственном обращении к этим малым формам.

Полученные выводы демонстрируют неустранимую амбивалентность научной коммуникации: поскольку эффективность каждого отдельного ученого зависит от степени его включенности в коммуникативное поле современной науки, возникает парадоксальная ситуация принуждения к коммуникации, когда ученый, как предполагается, хочет поделиться с сообществом важными, эвристическими,

значимыми результатами своих исследований, а обязан делиться хоть какими-то результатам – иногда просто для того, чтобы отстоять свое право называться исследователем. Существующие наукометрические практики, с одной стороны, являются исключительно внешним явлением, результатом активной работы эффективных менеджеров от науки, а с другой стороны – в своей основе опираются на фундаментальные для научной коммуникации взаимную оценку и взаимный контроль ученых. Это приводит к тому, что, осознанно или нет, исследователи подчиняют свою научную деятельность наукометрической целесообразности, что обуславливает изменение текстового поведения и выбор публикационных стратегий, способствующих не совместным поискам истины, а накоплению временного символического капитала, способствующего продвижению в академической иерархии.

Существуют ли альтернативы этой бесконечной публикационной гонке? Как скоро накопление дисфункций в самом институте научного журнала приведет к полной дискредитации этого средства научной коммуникации? Наиболее деструктивные явления – «покупное авторство» и «статьи под ключ» пока что затрагивают прежде всего периферию научной периодики, однако и образцовые научные журналы иногда демонстрируют такие неожиданные девиации как саморецензирование и откровенный плагиат. Усугубляется положение дел и постепенным внедрением нейросетей в производство научного текста, которые с одной стороны, могут стать эффективным инструментом и упростить работу ученых, а с другой стороны – без должного контроля могут привести к искажению и фабрикации данных. А это значит, что единственной силой, способной сохранить подлинный научный поиск и обеспечить воспроизводство добросовестных исследовательских практик и трансляцию собственно научного габитуса, становится добровольная и низовая саморегуляция и самоорганизация научного сообщества. Сознательная наукометрическая аскеза, отказ от публикации ради публикации и цитирования ради цитирования, поиск наиболее адекватных способов выражения своих идей – вот тот путь, который остается современному ученому, не желающему воспроизводить пагубные коммуникативные практики.

Это, конечно, чревато проигрышем в научной конкуренции и лишением доступа к ресурсам, необходимым для исследовательской деятельности. Однако поиск путей решения этой проблемы в ситуации все уменьшающейся автономии науки под управлением государства и корпораций необходим и неизбежен — это продуктивное направление дальнейших исследований для тех, кто видит социальный смысл научной коммуникации.

Список литературы

1. Абрамычев, М. М. Отношения власти и сопротивления в сфере производства научного знания / М. М. Абрамычев // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2023. – Т. 6, № 2. – С. 75–88.
2. Адамс, Дж. Мегасоавторство и научная аналитика / Дж. Адамс, Р. Поттер, Д. Пендлбери, М. Шомшор; пер. с англ. О. В. Москалевой // Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии. – 2-е издание. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. – С. 325–346.
3. Адлер, Р. Статистики цитирования / Р. Адлер, Дж. Эвинг, П. Тейлор ; пер. с англ. под ред. А. П. Василевича // Игра в цифры, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). – М.: МЦНМО, 2011. – С. 6–38.
4. Адорно, Т. Эссе как форма / Т. Адорно ; пер. с нем. О. В. Кильдюшова и И. А. Михайлова // Своеволие философии: собрание философских эссе / сост. и отв. ред. О. Зубец. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. – С. 65–86.
5. Антоновский, А. Ю. «Дайте денег и не мешайте», или О том, как наука относится к публике / А. Ю. Антоновский // Вестник Томского Государственного Университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 74. – С. 249–256.
6. Антоновский, А. Ю. Введение в системно-коммуникативную философию науки / А. Ю. Антоновский, Р. Э. Бараш. – М.: ООО Издательская группа «Логос», 2023. – 384 с.
7. Антоновский, А. Ю. Зачем науке лузеры? О перепроизводстве научного знания и его функции / А. Ю. Антоновский // Эпистемология и философия науки. – 2023. – Т. 60, № 2. – С. 75–93.
8. Антоновский, А. Ю. Коммуникация как эпистемическая проблема / А. Ю. Антоновский // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. 47, №1. – С. 5–24.
9. Антоновский, А. Ю. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины / А. Ю. Антоновский // Вопросы философии. – 2017. – № 7. – С. 158–171.
10. Антоновский, А. Ю. Несоизмеримость и коммуникация: к эволюционно-коммуникативному повороту в философии науки / А. Ю. Антоновский // Эпистемология и философия науки. – 2022. – № 4 (59). – С. 92–110.
11. Аристотель. Метафизика / Аристотель ; пер. с греч. П. Д. Первова и В. В. Розанова. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 232 с.

12. Арнольд, Д. Гнусные цифры / Д. Арнольд, К. Фаулер ; пер. с англ. С. Кузнецова // Игра в цифры, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). – М.: МЦНМО, 2011. – С. 52–62.
13. Бен-Дэвид, Д. Роль ученого в обществе / Джозеф Бен-Дэвид ; пер. с англ. А. Смирнова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 344 с.
14. Богданова, И. Ф. Онлайновое пространство научных коммуникаций / И. Ф. Богданова // Социология науки и технологий. – 2010. – Том 1, №1. – С. 140–161.
15. Бурдьё, П. Homo academicus / Пьер Бурдьё ; пер. с фр. С. М. Гавриленко, О. М. Журавлева, Д. Ж. Кондова, Е. В. Кочетыговой, О. О. Николаевой, Н. В. Савельевой ; под науч. ред. Е. В. Кочетыговой и Н. В. Савельевой. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 464 с.
16. Бурдьё, П. Поле науки / Пьер Бурдьё // Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц. ; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – С. 473–517.
17. Бурдьё, П. Социальное пространство и символическая власть / Пьер Бурдьё // Социология социального пространства / пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 64–86.
18. Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики. / Пьер Бурдьё ; пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.
19. Бурдьё, П. Социология социального пространства / Пьер Бурдьё ; пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
20. Быкова, М. О журнальной статье, ее роли и значении в философии / М. Быкова // История философии в формате статьи ; Сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 13–34.
21. Вархотов, Т. А. Технонаука – наука без ученых? / Т. А. Вархотов // Эпистемология и философия науки. – 2020. – Т. 57, № 1. – С. 32–37.
22. Вахитов, Р. Макдональдизация вузовской науки в современной России / Р. Вахитов // Versus. – 2022. – Т. 2, № 2. – С. 87–103.
23. Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. Вакцинация и доверие: как возникает озабоченность и роль коммуникации в смягчении кризисных ситуаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iris.who.int/handle/10665/343300> (дата обращения: 28.11.2024).
24. Гайденко, П. П. Научная рациональность и философский разум / П. П. Гайденко. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.

25. Галисон, П. Коллективный автор / Питер Галисон // Вопросы философии. – 2018. – № 5. – С. 93–113.
26. Глушановский, А. В. Несколько слов в защиту наукометрии / А. В. Глушановский // Управление наукой: теория и практика. – 2023. – Том 5, № 3. – С. 14–21.
27. Гримов, О. А. Академическая мобильность в научных социальных сетях (по материалам эмпирического исследования) / О. А. Гримов // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, № 12. – С. 2680–2684.
28. Гримов, О. А. Ученые в научных социальных сетях: коммуникативные практики, профессиональные связи и коллаборации / О. А. Гримов // Наукоевческие исследования. – 2022. – № 1. – С. 164–192.
29. Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола) / В. А. Лекторский, И. Т. Касавин, Б. Г. Юдин, С. С. Неретина, С. С. Аванесов, С. А. Смирнов, М. С. Киселева, Т. В. Артемьева, С. М. Климова, М. А. Мануильский, А. Д. Майданский, О. В. Попова, Г. Л. Тульчинский // Человек. – 2015. – № 2. – С. 6–41.
30. Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола) / П. С. Гуревич, Ф. И. Гиренок, И. Ф. Михайлов, А. Н. Фатенков, В. А. Кутырев, В. М. Найдыш, О. А. Донских, М. И. Микешин, А. П. Марков // Человек. – 2015. – № 3. – С. 5–25.
31. Гумбрехт, Х. У. Эссе, жизнь, переживание (Дьердь Лукач в 1910 году и литературоведение сегодня) / Ханс Ульрих Гумбрехт ; пер. с англ. Андрея Логута // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 2 (132). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/132_nlo_2_2015/article/11352/#_ftn2 (Дата обращения: 30.11.2024).
32. Данилов, В. Как перестать беспокоиться и полюбить реферируемые журналы. Дискуссия о наукометрии / В. Данилов, И. Дуденкова, А. Космарский, Д. Кралечкин, П. Сафронов // Versus. – 2022. – Т. 2, № 2. – С. 70–86.
33. Денисова, Г. С. Акторно-сетевая теория: инновационные аспекты социологической методологии / Г. С. Денисова, И. Н. Полонская, Е. В. Сусименко // Вестник Института социологии. – 2022. – Том 13, № 2. – С. 137–158.
34. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский ; АН СССР, Ин-т философии ; пер. с греч. М. Л. Гаспарова ; Общ. ред. и вступит. статья А. Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.
35. Домнина, Т. Н. Научные журналы: количество, темпы роста / Т. Н. Домнина, О. А. Хачко // Информационное обеспечение науки: новые технологии. – 2015. – С. 83–96.

36. Дуров, В. С. Жанр мениппеи в творчестве Варрона-сатирика / В. С. Дуров // Традиции и новаторство в античной литературе: Межвузовский сб.: *Philologia classica*. – Л., 1982. – Вып. 2. – С. 187–199.
37. Душина, С. А. Академические интернет-сети: платформа научного обмена или инстаграм для ученых? (На примере ResearchGate) / С. А. Душина, Т. Ю. Хватова, Г. А. Николаенко // Социологические исследования. – 2018. – №5. – С. 121–131.
38. Душина, С. А. Идея и реальность научной коммуникации в академических социальных сетях / С. А. Душина, В. А. Куприянов // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – № 3 (100). – С. 81–91.
39. Душина, С. А. Социальные академические интернет-сети как репрезентация «открытой науки» / С. А. Душина, В. А. Куприянов, Т. Ю. Хватова // Социология науки и технологий. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 80–98.
40. Ерунда // Троицкий вариант. – 2008. – 30 сентября. – № 13 (839). – С. 1.
41. Жэнгра, И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию / Ив Жэнгра ; пер. с франц. А. Зайцевой. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 184 с.
42. Жэнгра, И. Трансформация научной статьи: от знания к отчетности / Ив Жэнгра // Жэнгра, И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию ; пер. с франц. А. Зайцевой. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – С. 130–147.
43. Жэнгра, И. Социология науки / Ив Жэнгра ; пер. с фр. С. А. Гашкова; под ред. О. И. Кирчик; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 112 с.
44. Звонарева О. И. Производство знания во время пандемии COVID-19: перезагрузка отношений науки и общества? / О. И. Звонарева // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2020. – Т. 3, № 2. – С. 30–37.
45. Зеньковский В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.
46. Зубец О. Об эссе и об этой книге // Своеволие философии: собрание философских эссе / сост. и отв. ред. О. Зубец. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. – С. 11–28.
47. Зуева, О. В. О проблемах лингвистического изучения эпистолярных текстов Средневековой Руси / О. В. Зуева // В. А. Богородицкий : Научное наследие и современное языковедение : Труды и материалы Международной науч. конф. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2007. – Т. 1. – С. 137–139.

48. Идеи и числа. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований. – М.: Прогресс-Традиция, 2016. – 272 с.
49. История философии в формате статьи / сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. М. : Культурная революция, 2016. – 244 с.
50. Как действует философия / Рыскельдиева Л. Т., Зарапин О. В., Шкорубская Е. Г., Валуев Д. Г. – М.: Академический проект, 2023. – 319 с.
51. Кант, И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? / Иммануил Кант // Кант, И. Сочинения в шести томах. Т. 6. / ред. Т. И. Ойзерман. – М.: Мысль, 1966. – С. 25–35.
52. Карсавин, Л. П. Философия истории / Л. П. Карсавин. – СПб.: АО «Комплект», 1993. – 350 с.
53. Касавин, И. Т. Амбивалентность научного этоса непреодолима / И. Т. Касавин // Высшее образование в России. – 2021. – № 4 (30). – С. 36–48.
54. Касавин, И. Т. Иллюзия дарения: как сети превращают бескорыстный обмен знанием в навязчивый краудсорсинг / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2019. – Т. 56, № 4. – С. 29–36.
55. Касавин, И. Т. Наука – гуманистический проект / И. Т. Касавин. – М.: Издательство «Весь Мир», 2020. – 496 с.
56. Касавин, И. Т. Публикация как смерть автора / И. Т. Касавин // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2022. – № 3 (5). – С. 6–16.
57. Касавин, И. Т. Этический парадокс науки: между абсолютном и солидарностью / И. Т. Касавин // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 55. – С. 249–254.
58. Коммуникации в науке: эпистемологические, социокультурные, инфраструктурные аспекты. Материалы «круглого стола» / Б. И. Пружинин, А. Ю. Антоновский, Н. Н. Воронина, И. И. Грифцова, А. М. Дорожкин, И. Т. Касавин, Е. В. Масланов, И. Д. Невважай, С. В. Пирожкова, Т. Д. Соколова, Г. В. Сориная, О. Е. Столярова, Т. Г. Щедрина, Б. Г. Юдин // Вопросы Философии. – 2017. – № 11. – С. 23–57.
59. Коммуникация в современной науке. Сборник переводов / ред. Э. М. Мирский, В. Н. Садовский. – М.: Прогресс, 1976. – 438 с.
60. Коммуникация и смысл в текстовой культуре / Рыскельдиева Л. Т., Зарапин О. В., Шапиро О. А. Шкорубская Е. Г. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. – 276 с.
61. Косова В. А. Трансформация жанра научной статьи или выделение жанровых разновидностей? / В. А. Косова // Ученые записки Казанского

- Государственного Университета. Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149, Кн. 1. – С. 224–234.
62. Кругликов, В. Возможности эссеизма в понимании культуры / В. Кругликов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2006/12/25-234> (дата обращения: 25.11.2024)
 63. Кузнецова, Е. В. Философская публицистика современной России: генезис и потенциал познания: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Елена Владимировна Кузнецова. – СПб, 2016 г. – 262 с.
 64. Кузьминская Е. Г. Информационные технологии и научная коммуникация: инструменты и модели внедрения в условиях университета / Е. Г. Кузьминская // Образовательные технологии и общество. – 2014. – Т. 16, № 1. – С. 447–456.
 65. Куприянов, В. А. Идея научной коммуникации в проектах Г. В. Лейбница по организации науки / В. А. Куприянов // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – 2021. – № 7 (37). – С. 19–31.
 66. Куприянов, В. А. Кризис репрезентаций. Как возможен успешный исход? Случай наукометрии / В. А. Куприянов, Л. В. Шиповалова // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 51, № 1. – С. 171–188.
 67. Куприянов, В. А. Научный капитализм в академических социальных сетях и анализ его влияния на ученых / В. А. Куприянов, Т. Ю. Хватова, С. А. Душина // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2019. – Т. 2, № 4. – С. 61–81.
 68. Куприянов, В. А. Первые научные журналы и идея публичности разума в науке нового времени / В. А. Куприянов // Диалог со временем. – 2020. – № 70. – С. 41–56.
 69. Куприянов, В. А. Проблема приоритета в вопросе о возникновении научных журналов / В. А. Куприянов // Эпистемология и философия науки. – 2020. – № 4 (57). – С. 185–198.
 70. Курьянович, А. В. Жанрово-стилистические особенности русского эпистолярного письма первой трети XX века: узус и идиостиль (на материале писем М. В. Нестерова, Ф. И. Шаляпина, В. И. Вернадского, М. И. Цветаевой) / А. В. Курьянович. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://koi.tspu.ru/koi_books/kuryanovich2/3.3.4.htm (дата обращения: 21.11.2024).
 71. Курьянович, А. В. Теоретические вопросы изучения эпистолярного письма в современной лингвистике / А. В. Курьянович. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2013. – 220 с.

72. Латур, Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / Бруно Латур // Логос. – 2002. – № 5–6 (35). – С. 211–242.
73. Латур, Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки / Бруно Латур // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2003. – № 3. – С. 20–39.
74. Латур, Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / Бруно Латур ; пер. с англ. К. Федоровой; науч. ред. С. Миляева. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с.
75. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Бруно Латур ; пер. с англ. И. Полонской; под. ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
76. Латур, Б. Политики природы / Бруно Латур ; пер. Е. Блинова. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 336 с.
77. Лейбниц, Г.-В. Краткое доказательство примечательной ошибки Декарта и других, относящейся к вводимому ими и применяемому в механике естественному закону, согласно которому Бог хранит всегда одно и то же количество движения / Г.-В. Лейбниц // Лейбниц, Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. 1 / Ред. и сост., авт. вступит статьи и примеч. В. В. Соколов; перевод Я. М. Боровского и др. – М.: Мысль, 1982. – С. 118–124.
78. Лейбниц, Г.-В. Лейбниц – Бейлю / Г.-В. Лейбниц // Лейбниц, Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. 1 / Ред. и сост., авт. вступит статьи и примеч. В. В. Соколов; перевод Я. М. Боровского и др. – М.: Мысль, 1982. – С. 345–348.
79. Лейбниц, Г.-В. Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душой и телом / Г.-В. Лейбниц // Лейбниц, Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. 1 / Ред. и сост., авт. вступит статьи и примеч. В. В. Соколов; перевод Я. М. Боровского и др. – М.: Мысль, 1982. – С. 271–282.
80. Лейбниц, Г.-В. Об усовершенствовании первой философии / Г.-В. Лейбниц // Лейбниц, Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. 1 / Ред. и сост., авт. вступит статьи и примеч. В. В. Соколов; перевод Я. М. Боровского и др. – М.: Мысль, 1982. – С. 244–246.
81. Лейбниц, Г.-В. Переписка с Н. Мальбраншем / Г.-В. Лейбниц // Лейбниц, Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. 3 / Ред. и сост., авт. вступит. статей и примеч. Г. Г. Майоров и А. Л. Субботин; перевод Я. М. Боровского и др. – М.: Мысль, 1984. – С. 297–345.

82. Лейбниц, Г.-В. Переписка с П. Бейлем / Г.-В. Лейбниц // Лейбниц, Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. 3 / Ред. и сост., авт. вступит. статей и примеч. Г. Г. Майоров и А. Л. Субботин; перевод Я. М. Боровского и др. – М.: Мысль, 1984. – С. 346–370.
83. Лейбниц, Г.-В. Письма к / Г.-В. Лейбниц // Лейбниц, Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. 1 / Ред. и сост., авт. вступит. статьи и примеч. В. В. Соколов; перевод Я. М. Боровского и др. – М.: Мысль, 1982. – С. 107–112.
84. Лейбниц, Г.-В. Разъяснение трудностей, обнаруженных г-ном Бейлем в новой концепции о взаимосвязи души и тела / Г.-В. Лейбниц // Лейбниц, Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. 1 / Ред. и сост., авт. вступит. статьи и примеч. В. В. Соколов; перевод Я. М. Боровского и др. – М.: Мысль, 1982. – С. 318–325.
85. Лейбниц, Г.-В. Славнейшему мужу Томасу Гоббсу Готфрид Вильгельм Лейбниц / Г.-В. Лейбниц // Лейбниц, Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. 1 / Ред. и сост., авт. вступит. статьи и примеч. В. В. Соколов; перевод Я. М. Боровского и др. – М.: Мысль, 1982. – С. 112–114.
86. Лисович, И. И. Скальпель разума и крылья воображения: Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового Времени / И. И. Лисович; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 440 с.
87. Ломовицкая, В. М. Из истории изучения научных коммуникаций / В. М. Ломовицкая // Социология науки и технологий. – 2017. – Том 8, № 4. – С. 37–44.
88. Лосев, А. Ф. Русская философия / А. Ф. Лосев // Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 209–236.
89. Лоуренс, П. А. Потерянное при публикации: как измерение вредит науке / Питер А. Лоуренс ; пер. с англ. под ред. А. П. Василевича // Игра в цифрь, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). – М.: МЦНМО, 2011. – С. 39–45.
90. Луман, Н. Дифференциация / Никлас Луман ; пер. с нем. Б. Скуратов. – М.: Логос, 2006. – 320 с.
91. Луман, Н. Истина, знание. Наука как система / Никлас Луман ; пер. с нем. и предисл. А. Ю. Антоновского. – М.: Логос, 2016. – 408 с.
92. Луман, Н. Медиа коммуникации / Никлас Луман ; пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров. – М.: Логос, 2005. – 280 с.
93. Масланов, Е. В. Нужны ли социальные сети для ученых ученым? / Е. В. Масланов // Эпистемология и философия науки. – 2019. – Т. 56, № 4. – С. 37–42.

94. Мертон, Р. К. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
95. Мертон, Р. К. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности / Р. К. Мертон ; пер. Е. И. Николаенко // THESIS. – 1993. – № 3. – С. 256–276.
96. Мирская, Е. З. Мертон и этос классической науки / Е. З. Мирская // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. – М., 2005. – С. 11–28.
97. Мирская, Е. З. Механизм оценки и формирования знания в естественных науках / Е. З. Мирская // Вопросы философии. – 1979. – № 5. – С. 119–130.
98. Мирская, Е. З. Наука, технология, общество / Е. З. Мирская, Э. М. Мирский // Вопросы философии. – 1970. – № 5. – С. 166–174.
99. Мирская, Е. З. Научные школы: история, проблемы и перспективы / Е. З. Мирская // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. – М.: Логос, 2005. – С. 244–265.
100. Мирская, Е. З. Р. Мертон и его концепция социология науки / Е. З. Мирская // Современная западная социология науки: Критический анализ. – М.: Наука, 1988. – С. 42–60.
101. Мирская, Е. З. Ученый и современная наука / Е. З. Мирская. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1971. – 103 с.
102. Мирская, Е. З. Этические регулятивы функционирования науки / Е. З. Мирская // Вопросы философии. – 1975. – № 3. – С. 131–138.
103. Мирский, Э. М. Вступительная статья / Э. М. Мирский, В. Н. Садовский // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов ; ред. Э. М. Мирский, В. Н. Садовский. – М.: Прогресс, 1976. – С. 5–24.
104. Мирский, Э. М. Массив публикаций и система научной дисциплины / Э. М. Мирский // Системные исследования. Методологические проблемы. – М.: Издательство «Наука», 1977. – С. 133–158.
105. Мирский, Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки / Э. М. Мирский. – М.: Наука, 1980. – 304 с.
106. Мирский, Э. М. Системный подход в изучении науки (Методологические замечания) / Э. М. Мирский // Системные исследования. Ежегодник. 1973. – М.: Наука, 1973. – С. 187–202.
107. Миссия ученого в современном мире: наука как призвание и профессия / ред. И. Т. Касавин. – М.: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2021. – 232 с.
108. Миссия ученого: фундаментальные контroversы бытия науки / ред. И. Т. Касавин. – М.: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2023. – 232 с.

109. Москалев, И. Е. Сети научных коммуникаций: междисциплинарный подход / И. Е. Москалев // Философия науки. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 196–211.
110. Нан Лин. Исследование коммуникационной структуры науки / Нан Лин, У. Д. Гарвей, К. Е. Нельсон // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов ; ред. Э. М. Мирский, В. Н. Садовский. – М.: Прогресс, 1976. – С. 291–334.
111. Наука: испытание эффективностью / Л. В. Шиповалова, П. А. Биргер, И. С. Дмитриев, В. А. Куприянов. – СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. – 212 с.
112. Научная деятельность: Структура и институты / ред. Э. М. Мирский, Б. Г. Юдин ; Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1980. – 432 с.
113. Нахов, И. М. Киническая литература / И. М. Нахов. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1981. – 303 с.
114. Огурцов, А. П. Бои за достоинство философии / А. П. Огурцов // Идеи и числа. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований. – М.: Прогресс-Традиция, 2016. – С. 87–114.
115. Павлов, А. В. Зачем технофеодализм? Беседа с читателем о новом термине / А. В. Павлов // Варуфакис Я. Технофеодализм : что убило капитализм ; пер. с англ. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2025. – С. 290–298.
116. Павлов, А. В. Что нового в новом капитализме? / А. В. Павлов // Социология власти. – 2021. – 33 (1). – С. 39–63.
117. Панчин, А. Сумма биотехнологии. Руководство по борьбе с мифами о генетической модификации растений, животных и людей / Александр Панчин. – Corpus, 2015. – 432 с.
118. Первичные формы научной коммуникации // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов / ред. Э. М. Мирский, В. Н. Садовский. – М.: Прогресс, 1976. – С. 27–92.
119. Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым, 1918–1939 / сост. Неаполитанская В. С. – М.: Наука, 1979. – 271 с.
120. Петров, М. К. Философские проблемы «науки о науке» / М. К. Петров // М. К. Петров. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 11–169.
121. Письма академика В. И. Вернадского сыну (1922–1936) // Архивы Российской академии наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arran.ru/vernad3> (дата обращения: 24.11.2024).

122. Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману (1907–1944) / сост. Н. В. Филлипова. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
123. Прайс, Д. Дж. де С. Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее / Дерек Джон де Солла Прайс // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов / ред. Э. М. Мирский, В. Н. Садовский. – М.: Прогресс, 1976. – С. 93–109.
124. Протопопова, О. В. Эпистолярный стиль / О. В. Протопопова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: «Флинта», «Наука», 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stylistics.academic.ru/265/Эпистолярный_стиль (Дата обращения: 21.11.2024).
125. Пружинин, Б. И. Экспертиза как эпистемологический феномен / Б. И. Пружинин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2021. – Т. 37, Вып. 3. – С. 393–402.
126. Розов, М. А. Объект исследования – наука / М. А. Розов, Ю. А. Шрейдер, Н. И. Кузнецова // Высшее образование в России. – 2012. – № 6. – С. 144–163.
127. Рыскельдиева Л. Т. Размышления о логике смысла // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 1. С. 143–147.;
128. Рыскельдиева Л.Т. Антиципация смысла или О цели философского текста // Вопросы философии. 2020. №4. с. 116-127;
129. Рыскельдиева Л.Т. В защиту смысла и его логики // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 4. С. 26–34;
130. Рыскельдиева Л.Т. О деонтологии и лексике смысла // Вопросы философии. 2019. №6. с.76-85;
131. Рыскельдиева, Л. Т. О цели философского текста и понятии «текстовое поведение» / Л. Т. Рыскельдиева // Каспийский регион: Политика, Экономика, Культура. – 2018. – № 3 (56). – С. 148–155.
132. Рыскельдиева, Л. Т. Текстовая культура как объект историко-философских исследований / Л. Т. Рыскельдиева // Философский журнал. – 2017. – Т.10. №1. – С. 136–159.
133. Рыскельдиева, Л. Т. Текстовый подход в социальной философии / Л. Т. Рыскельдиева, Ю. М. Коротченко // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 51, № 1. – С. 153–170.
134. Своеволие философии: собрание философских эссе / сост. и отв. ред. О. Зубец. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. – 499 с.
135. Семенов, Е. В. Цифровая трансформация научных коммуникаций: научный журнал в формате электронного издания / Е. В. Семенов, Д. В. Соколов,

- Б. Н. Гайдин // Управление наукой: теория и практика. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 210–232.
136. Сергеев, М. Л. Ученая переписка и обмен научной информацией в раннее новое время (на примере Письма Улиссе Альдрованди Томасу Йордану 1571 г.) / М. Л. Сергеев // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – 2022. – № 8 (38). – С. 91–102.
 137. Сметанин, В. А. Новое в развитии представлений об эпистолографии / В. А. Сметанин // Античная древность и средние века. – Свердловск, 1980. – Вып. 17: Античные традиции и византийские реалии. – С. 5–18.
 138. Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания. Приглашение к размышлению. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2021 — 448 с.
 139. Смирнов А.В. Слово и смысл. – М.: ООО «Садра», 2024. 160 с.
 140. снова про выступление Виктора Вахштайна // Блог Сергея Попова на площадке LiveJournal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sergepolar.livejournal.com/3394408.html#comments> (Дата обращения: 24.11.2024).
 141. Соловьев, Э. Ю. История философии в регистре публицистики / Э. Ю. Соловьев // История философии в формате статьи ; Сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 71–109.
 142. Социальная философия науки. Идеи и дискуссии / Научн. ред. и сост. И. Т. Касавина, Т. Д. Соколовой. – М.: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2018. – 254 с.
 143. Социально-гуманитарная статья: эпистемологический и культурно-исторический ракурс (часть 1) / Н. И. Кузнецова, М. Б. Сапунов, И. Б. Короткина, В. И. Заботкина, В. С. Сенашенко, В. М. Карелин, Ж. Т. Тощенко // Высшее образование в России. – 2017. – № 7. – С. 46–68.
 144. Социально-гуманитарная статья: эпистемологический и культурно-исторический ракурс (часть 2) / Н. И. Кузнецова, В. С. Сенашенко, И. Б. Короткина, Е. В. Балацкий, Е. М. Базанова, М. Б. Сапунов, А. М. Перлов, А. А. Шиян, И. Е. Задорожнюк, А. С. Роботова, Л. Ф. Красинская // Высшее образование в России. – 2017. – № 8–9. – С. 74–99.
 145. Тихонова, С. В. Конкуренция науки и лженауки в эпоху постправды / С. В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Т. 18, вып. 3. – С. 287–291.
 146. Тихонова, С. В. Научная коммуникация: этос науки и воображаемые сообщества в анклавах российской гуманитаристики / С. В. Тихонова // Социология науки и технологий. – 2020. – Том 11, № 4. – С. 161–174.

147. Тихонова, С. В. Социальные сети: проблемы социализации интернета / С. В. Тихонова // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 138–152.
148. Тухватулина, Л. А. Экспертное знание в демократическом обществе: к проблеме обоснования / Л. А. Тухватулина // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2020. – Т. 3, № 1. – С. 67–79.
149. Уитли, Р. Д. Деятельность научных журналов: анализ двух случаев в британской социальной науке / Р. Д. Уитли // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов ; ред. Э. М. Мирский, В. Н. Садовский. – М.: Прогресс, 1976. – С. 351–373.
150. Ученова, В. В. У истоков публицистики / В. В. Ученова. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 214 с.
151. Философский журнал как феномен интеллектуальной культуры. К 70-летию журнала «Вопросы философии». Коллективная монография / Отв. ред.-сост. А. А. Гусейнов, Б. И. Пружинин, науч. ред. Т. Г. Щедрина. – М., СПб.: ЦГИ «Принт», 2017. – 471 с.
152. Флек, Л. Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Людвиг Флек ; Составл., предисл., перевод с англ., нем., польского яз., общая ред. Поруса В. Н. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 220 с.
153. Фуко, М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / Мишель Фуко ; Пер. с франц. В. Каплуна. – СПб.: Академический проект, 2004. – 432 с.
154. Хабермас, Ю. Публичное пространство и политическая публичность / Юрген Хабермас // Хабермас, Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи ; пер. с нем. М. Б. Скуратова. – Москва: Изд-во «Весь мир», 2011. – С. 15–25.
155. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. С Предисловием к переизданию 1990 года / Юрген Хабермас ; пер. с нем. В. В. Иванова. – М.: «Весь Мир», 2017. – 344 с.
156. Халлонстен, У. Перестать оценивать науку: историкосоциологическое обоснование / У. Халлонстен // Versus. – 2022. – Т. 2, № 2. – С. 104–144.
157. Шибаршина С. В. Когда наука берется в «сообщники»: к проблеме символической власти научного знания / С. В. Шибаршина // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2024. – № 2 (7). – С. 20–29.
158. Шибаршина С. В. Научные коммуникации и коллаборации в сети как возможные зоны обмена / С. В. Шибаршина // Социология науки и технологий. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 75–92.

159. Шибаршина С. В. О символической власти науки: некоторые уточнения и дополнения / С. В. Шибаршина // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2024. – № 2 (7). – С. 57–66.
160. Шибаршина С. В. Почему социальные сети для ученых все-таки важны / С. В. Шибаршина // Эпистемология и философия науки. – 2019. – Т. 56, № 4. – С. 43–45.
161. Шибаршина С. В. Социальные сети для ученых: новая форма социальности? / С. В. Шибаршина // Эпистемология и философия науки. – 2019. – Т. 56, № 4. – С. 21–28.
162. Шиповалова, Л. В. Власть, общество, эксперты – трансформация связей в эпоху цифровых технологий / Л. В. Шиповалова // Государство и граждане в электронной среде. – 2020. – № 4. – С. 11–19.
163. Шиповалова, Л. В. Наука – между эффективностью и свободой // Наука: испытание эффективностью. Монография / П. А. Биргер, И. С. Дмитриев, В. А. Куприянов, Л. В. Шиповалова ; отв. ред. Л. В. Шиповалова. Наука: испытание эффективностью – СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. – С. 9–46.
164. Шиповалова, Л. В. Распределенное познание и его границы в контексте публичной научной коммуникации / Л. В. Шиповалова // Социология науки и технологий. – 2019. – № 3 (10). – С. 56–71.
165. Шиповалова, Л. В. Эпистемологическое осмысление статуса научной публикации / Л. В. Шиповалова, С. А. Душина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2018. – № 2 (34). – С. 165–176.
166. Шиян, Т. А. К проблеме институционального формирования философии / Т. А. Шиян // Южный Полус. Исследования по истории современной западной философии. – 2024. – Т. 12. № 2. – С. 55–72.
167. Шиян, Т. А. Философия и наука как институциональные формы: проблема институциональной демаркации / Т. А. Шиян // Южный Полус. Исследования по истории современной западной философии. – 2018. – Т. 4. № 1–2. – С. 44–80.
168. Эпштейн, М. Н. На перекрестке образа и понятия: эссеизм в литературе Нового времени / М. Эпштейн // Эпштейн, М. Парадоксы новизны. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 334–380.
169. Юдин, Г. Б. Иллюзия научного сообщества / Г. Б. Юдин // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9, №3. – С. 57–84.
170. Юм, Д. О написании эссе / Дэвид Юм // Своеволие философии: собрание философских эссе / сост. и отв. ред. О. Зубец. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. – С. 36–40.

171. «Republics of Letters». 2014. Vol. 4, № 1. The Essay: An Attempt, A Protean Form [Electronic resource]. – Available at: <https://shc.stanford.edu/arcade/publications/rofl/fora/essay-attempt-protean-form> (accessed: 30.11.2024).
172. A Companion to the History of Science / ed. by B. Lightman. – John Wiley & Sons Ltd, 2016. – 601 p.
173. Adams, J. The Rise of Research Networks / J. Adams // Nature. – 2012. – Vol. 490, № 7420. – P. 335–336.
174. Albert, M. Bringing Pierre Bourdieu to Science and Technology Studies / M. Albert, D. L. Kleinman // Minerva. – 2011. – Vol. 49, № 3. – P. 263–273.
175. Archer, L. “Science Capital”: a Conceptual, Methodological, and Empirical Argument for Extending Bourdieusian Notions of Capital Beyond the Arts / L. Archer et al. // Journal of Research in Science Teaching. – 2015. – Vol. 52, № 7. – P. 922–948.
176. arXiv.org [Electronic resource]. – Available at: <http://arxiv.org/> (accessed: 25.11.2024).
177. Atkinson, D. Scientific Discourse in Sociohistorical Context: The Philosophical Transactions of the Royal Society of London, 1675-1975 / Dwight Atkinson. – London: Routledge, 1999. – 240 p.
178. Baimuratov, I. Argument Identification for Neuro-Symbolic Dispute Resolution in Scientific Peer Review / Baimuratov I. et al. // Proceedings of the 24th ACM/IEEE Joint Conference on Digital Libraries. – Hong Kong China: ACM, 2024. – P. 1–9.
179. Baldwin, M. In Referees we Trust? / M. Baldwin // Physics Today. – 2017. – Vol. 70, № 2. – P. 44–49.
180. Baldwin, M. Making Nature: The History of a Scientific Journal / M. Baldwin. – The University of Chicago Press, 2015. – 309 p.
181. Barber, B. Science and the Social Order / B. Barber. – London: George Allen and Unwin Limited, 1953. – 308 p.
182. Barnes, S. B. The Scientific Ethos: A Deviant Viewpoint / S. B. Barnes, R. G. A. Dolby // European Journal of Sociology. – 1970. – Vol. 11, № 1. – P. 3–25.
183. Beaver, D. deB. Studies in Scientific Collaboration / D. deB. Beaver, R. Rosen // Scientometrics. – 1978. – Vol. 1, № 1. – P. 65–84.
184. Behringer, W. Communications Revolutions: A Historiographical Concept / W. Behringer // German History. – 2006. – Vol. 24, № 3. – P. 333–374.
185. Borgman, C. L. Scholarship in the Digital Age: Information, Infrastructure, and The Internet / C. L. Borgman. – Cambridge (Mass.): MIT Press, 2007. – 336 p.
186. Bourdieu, P. Science of Science and Reflexivity / Pierre Bourdieu. – Chicago and London: University of Chicago Press, 2004. – 129 p.

187. Checco, A. AI-assisted peer review / Checco A. et al. // Humanities and Social Sciences Communications. – 2021. – Vol. 8, № 1. – P. 25.
188. Combined Measurement of the Higgs Boson Mass in pp Collisions at $\sqrt{s} = 7$ and 8 TeV with the ATLAS and CMS Experiments / G. Aad et al. // Physical Review Letters. 2015. – Vol. 114, № 19. – P. 191803.
189. Communicating Uncertainty: Media Coverage of New and Controversial Science / ed. Friedman S.M., Dunwoody S., Rogers C.L. – New York: Routledge, 1999. – 296 p.
190. COVIDSurg Collaborative, GlobalSurg Collaborative. SARS-CoV-2 Vaccination Modelling for Safe Surgery to Save Lives: Data from an International Prospective Cohort Study // British Journal of Surgery. – 2021. – Vol. 108, № 9. – P. 1056–1063.
191. Crane, D. Invisible Colleges: Diffusion of Knowledge in Scientific Communities / D. Crane. – Chicago: University of Chicago Press, 1972. – 213 p.
192. Cronin, B. Hyperauthorship: A Postmodern Perversion or Evidence of a Structural Shift in Scholarly Communication Practices? / B. Cronin // Journal of the American Society for Information Science and Technology. – 2001. – Vol. 52, № 7. – P. 558–569.
193. Daston, L. The Ideal and Reality of the Republic of Letters in the Enlightenment / L. Daston // Science in Context. – 1991. – Vol. 4, № 2. – P. 367–386.
194. Encyclopedia of the Essay / ed. Chevalier T. – London: Taylor & Francis, 2006. – 2156 p.
195. Fagherazzi, G. Mentally Tiring Work and Type 2 Diabetes in Women: A 22-Year Follow-Up Study / G. Fagherazzi et al. // European Journal of Endocrinology. – 2019. – Vol. 180, № 4. – P. 257–263.
196. Fraser, N. The Evolving Role of Preprints in the Dissemination of COVID-19 Research and their Impact on the Science Communication Landscape / N. Fraser et al. // PLOS Biology. – 2021. – Vol. 19, № 4. – P. e3000959.
197. Fulcher, G. S. Preparation of Abstracts / G. S. Fulcher // Astrophysical Journal. – 1920. – Vol. 51. – P. 255–256.
198. Fulcher, G. S. Scientific Abstracting / G. S. Fulcher // Science. – 1921. – Vol. 54. – P. 291–295.
199. Garfield, E. “Science Citation Index” – A New Dimension in Indexing / E. Garfield // Science. American Association for the Advancement of Science. – 1964. – Vol. 144, № 3619. – P. 649–654.
200. Garfield, E. Citation Analysis as a Tool in Journal Evaluation / E. Garfield // Science. American Association for the Advancement of Science. – 1972. – Vol. 178, № 4060. – P. 471–479.

201. Garfield, E. Citation Indexes for Science / E. Garfield // Science. American Association for the Advancement of Science. – 1955. – Vol. 122, № 3159. – P. 108–111.
202. Garfield, E. Citation Indexes in Sociological and Historical Research / E. Garfield // American Documentation. – 1963. – Vol. 14, № 4. – P. 289–291.
203. Garfield, E. Citation Indexing / E. Garfield // Journal of Information Science. SAGE Publications Ltd. – 1980. – Vol. 2, № 1. – P. 47–47.
204. Garfield, E. From the Science of Science to Scientometrics. Visualizing the History of Science with HistCite Software / E. Garfield // Journal of Informetrics. – 2009. – Vol. 3, № 3. – P. 173–179.
205. Garfield, E. The History and Meaning of the Journal Impact Factor / E. Garfield // JAMA. – 2006. – Vol. 295, № 1. – P. 90–93.
206. Garisto, D. Publishing Nightmare: a Researcher's Quest to Keep His Own Work from Being Plagiarized / D. Garisto // Nature. – 2024. – Vol. 633, № 8029. – P. 260–262.
207. Garvey, W. D. Communication: the Essence of Science: Facilitating Information Exchange Among Librarians, Scientists, Engineers, and Students / W. D. Garvey. – Oxford, New York: Pergamon Press, 1979. – 344 p.
208. Garvey, W. D. Scientific Communication as a Social System / W. D Garvey, B. C. Griffith // Science. American Association for the Advancement of Science. – 1967. – Vol. 157, № 3792. – P. 1011–1016.
209. Gaston, J. Originality and competition in science / J. Gaston. – Chicago: Chicago university press, 1973. – 210 p.
210. Gaston, J. The reward system in British and American science / J. Gaston. – N. Y.: Wiley, 1978. – 204 p.
211. Gobo, G. Science, Technology and Society: An Introduction. 1st ed. 2022 edition / G. Gobo, V. Marcheselli. – Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2023. – 344 p.
212. Good, G. Preface / G. Good // Encyclopedia of the Essay / ed. T. Chevalier – London: Taylor & Francis, 2006. – p. xxx-xxxiii.
213. Gross, A. G. Communicating Science: The Scientific Article from the 17th Century to the Present / A. G. Gross, J. E. Harmon, M. S. Reidy – Cary: Oxford University Press, Incorporated, 2002. – 267 p.
214. Habermas, Ju. The Scientization of Politics and Public Opinion / Jurgen Habermas // Habermas, Ju. Toward a Rational Society. – Boston: Polity Press, 1987. – P. 62–82.
215. Hanitzsch, T. Publish and perish: mental health among communication and media scholars / T. Hanitzsch, A. Markiewicz, H. Bødker // Journal of Communication. – 2024. – Vol. 74, № 6. – P. 429–442.

216. Hartl, P. The Ethos of Science and Central Planning: Merton and Michael Polanyi on the Autonomy of Science / P. Hartl // *Science, Freedom, Democracy* / ed. Hartl P., Tuboly A. T. – New York and London: Routledge, 2021. – P. 39–67.
217. Hosseini, M. Messing with Merton: The intersection between open science practices and Mertonian values / M. Hosseini et al. // *Accountability in Research*. – 2024. – Vol. 31, № 5. – P. 428–455.
218. Huang, J. The Role of ChatGPT in Scientific Communication: Writing Better Scientific Review Articles / J. Huang, M. Tan // *American Journal of Cancer Research*. – 2023. – Vol. 13, № 4. – P. 1148–1154.
219. Johann, D. The Impact of Researchers' perceived Pressure on their Publication Strategies / D. Johann et al. // *Research Evaluation*. – 2024. – Vol. 0, № 00. – P. 1–16.
220. Jones, M. G. The Development and Validation of a Measure of Science Capital, Habitus, and Future Science Interests / M. G. Jones et al. // *Research in Science Education*. – 2021. – Vol. 51, № 6. – P. 1549–1565.
221. Kronick, D. A. The Commerce of Letters: Networks and “Invisible Colleges” in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe / D. A. Kronick // *The Library Quarterly: Information, Community, Policy*. – 2001. – Vol. 71, № 1. – P. 28–43.
222. Latour, B. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. 2nd edition / Bruno Latour, Steve Woolgar. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1986. – 294 p.
223. Latour, B. *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies* / Bruno Latour. – Cambridge; London: Harvard University Press, 1999. – 336 p.
224. Lee, C. J. Certified Amplification: An Emerging Scientific Norm and Ethos / C. J. Lee // *Philosophy of Science*. – 2022. – Vol. 89, № 5. – P. 1002–1012.
225. Leßmöllmann, A. *Science Communication* / A. Leßmöllmann, M. Dascal, T. Gloning. – Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2020. – 718 p.
226. Macfarlane, B. The DECAY of Merton's Scientific Norms and the New Academic Ethos / B. Macfarlane // *Oxford Review of Education*. – 2024. – Vol. 50, № 4. – P. 468–483.
227. Mackenzie Owen, J. S. *The Scientific Article in the Age Of Digitization* / J. S. Mackenzie Owen. – Dordrecht: Springer, 2007. – 263 p.
228. Merton, R. K. A Note on Science and Democracy / R. K. Merton // *Journal of Legal and Political Sociology*. – 1942. – Vol. 1. – P. 115–126.
229. Merton, R. K. Science and the Social Order / R. K. Merton // *Philosophy of Science*. – 1938. – Vol. 5, № 3. – P. 321–337.
230. Merton, R. K. The Ambivalence of Scientists / R. K. Merton // *Essays in Memory of Imre Lakatos* / ed. R. S. Cohen, P. K. Feyerabend, M. W. Wartofsky. – Dordrecht: Springer Netherlands, 1976. – P. 433–455.

231. Merton, R. K. The Matthew Effect in Science / R. K. Merton // *Science*. – 1968. – Vol. 159, № 3810. – P. 56–63.
232. Merton, R. K. *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations* / R. K. Merton. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973. – 606 p.
233. Moskovkin, V. M. Origin and Evolution of the “Publish or Peris” Phenomenon / V. M. Moskovkin // *Leiden Madtrics*. – 2024. [Electronic resource]. – Available at: <https://www.leidenmadtrics.nl/articles/origin-and-evolution-of-the-publish-or-perish-phenomenon> (accessed: 28.11.2024).
234. Mullins, N. C. The Development of a Scientific Specialty: The Phage Group and the Origins of Molecular Biology / Nicholas C. Mullins // *Minerva*. Springer. – 1972. – Vol. 10, № 1. – P. 51–82.
235. Mullins, N. C. The Development of Specialties in Social Science: The Case of Ethnomethodology / Nicholas C. Mullins // *Science Studies*. – Sage Publications, Ltd., 1973. – Vol. 3, № 3. – P. 245–273.
236. Pawlicka, A. The Rise of AI-Powered Writing: How ChatGPT is Revolutionizing Scientific Communication for Better or for Worse / A. Pawlicka et al. // *Applied Intelligence* / ed. D.-S. Huang, P. Premaratne, C. Yuan. – Singapore: Springer Nature, 2024. – P. 317–327.
237. Peters, H. P. Scientists as Public Experts: Expectations And Responsibilities / H. P. Peters // *Handbook of Public Communication of Science and Technology*. 3rd ed. – London: Routledge, 2021. – P. 131–146.
238. *Philosophical Transactions* [Electronic resource]. – Available at: <https://royalsocietypublishing.org/toc/rstl/1665/1/2> (accessed: 21.11.2024)
239. *Philosophical transactions of the Royal Society of London* / London: Royal Society of London. – 1665. – Vol. v.1=no.1–22 (1665-1666). – 434 p.
240. Polanyi, M. *Science, Faith and Society* / Michael Polanyi. – London: Oxford University Press, 1946. – 80 p.
241. Polanyi, M. *Scientific Convictions* // Michael Polanyi / Polanyi, M. *The Logic of Liberty*. – Routledge, 2013. – P. 8–31.
242. Polanyi, M. *Scientific Thought and Social Reality: Essays* / Michael Polanyi. – New York, NY: Intl Universities Pr Inc, 1974. – 157 p.
243. Polanyi, M. *The Logic of Liberty: Reflections and Rejoinders* / Michael Polanyi. – Routledge, 2013. – 206 p.
244. Polanyi, M. *The Republic of Science: Its Political and Economic Theory* / Michael Polanyi // *Minerva*. – Springer, 1962. – Vol. 1, № 1. – P. 54–73.
245. Price, D. J. de S. *Ethics of Scientific Publication* / Derek John de Solla Price // *Science*. American Association for the Advancement of Science, 1964. – Vol. 144, № 3619. – P. 655–657.

246. Price, D. J. de S. *Little Science, Big Science* / Derek John de Solla Price. – New York and London: Columbia University Press, 1963. – 118 p.
247. Price, D. J. de S. *Networks of Scientific Papers* / Derek John de Solla Price // *Science*. American Association for the Advancement of Science, 1965. – Vol. 149, № 3683. – P. 510–515.
248. Rahimi, F. *ChatGPT and Publication Ethics* / F. Rahimi, A. Talebi Bezmin Abadi // *Archives of Medical Research*. – 2023. – Vol. 54, № 3. – P. 272–274.
249. *Reassembling the Republic of Letters in the Digital Age: Standards, Systems, Scholarship* / ed. H. Hotson, T. Wallnig, COST Association. – Göttingen: Göttingen University Press, 2019. – 470 p.
250. Ryskeldieva Lora. *On Conscience and Smysl (Sense) or Lost in Translation / Exploring Consciousness: Non-Duality to Non-Locality*. Preface by His Holiness the Dalai Lama. Ed. C. Carpenter, A. Mahajan – New Delhi: Motilal Banarsidas Publ., 2024. P. 123–137.
251. Singh, V. K. *The Journal Coverage of Web of Science, Scopus and Dimensions: A Comparative Analysis* / V. K. Singh et al. // *Scientometrics*. – 2021. – Vol. 126, № 6. – P. 5113–5142.
252. *The Slow Science Manifesto* [Electronic resource]. – Available at: <http://slow-science.org/> (accessed: 21.11.2024).
253. Trench, B. *Internet: Turning Science Communication Inside-Out?* / B. Trench // *Handbook of public communication of science and technology*. – London: Routledge, 2008. – P. 185–198.
254. Whitley, R. D. *The Organization of Scientific Work in “Configurational” and “Restricted” Sciences: A Study of Three Research Laboratories* / R. D. Whitley // *International Journal of Sociology*. – 1978. – Vol. 8, № 1/2. – P. 95–112.
255. Ziman, J. M. *Public Knowledge: an Essay Concerning the Social Dimension of Science* / J. M. Ziman. – London: Cambridge University Press, 1968. – 168 p.
256. Zuckerman, H. *Age, Aging, and Age Structure in Science* / H. Zuckerman, R. K. Merton // *A sociology of age stratification*. – 1972. – Vol. 3. – P. 292–356.
257. Zuckerman, H. *Nobel Laureates in Science: Patterns of Productivity, Collaboration, and Authorship* / H. Zuckerman // *American Sociological Review*. – 1967. – Vol. 32, № 3. – P. 391–403.
258. Zuckerman, H. *Patterns of Evaluation in Science: Institutionalisation, Structure and Functions of the Referee System* / H. Zuckerman, R. K. Merton // *Minerva*. – 1971. – Vol. 9, № 1. – P. 66–100.
259. Zuckerman, H. *Patterns of Name Ordering Among Authors of Scientific Papers: A Study of Social Symbolism and Its Ambiguity* / H. Zuckerman // *American Journal of Sociology*. – 1968. – Vol. 74, № 3. – P. 276–291.